

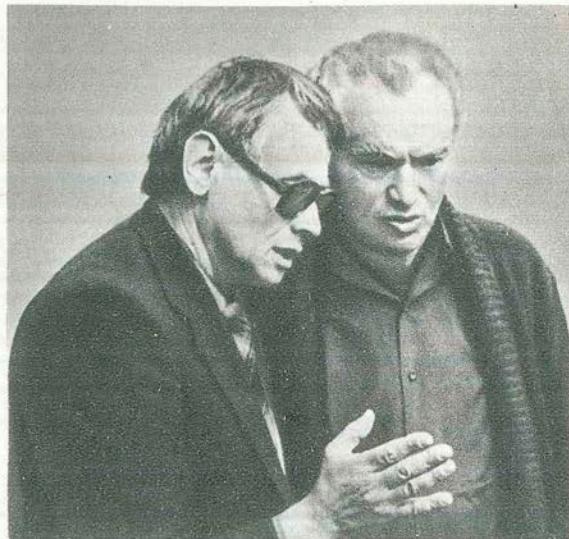
70 коп.

А. АЛОВ
В. НАУМОВ
М. ШАТРОВ

ТЕГЕРАН-43

Александр Александрович Алов. Родился 26 сентября 1923 г. в Харькове. Умер в 1983 г. Владимир Наумович Наумов. Родился 6 декабря 1927 г. в Ленинграде. Окончили ВГИК в 1951 г. (мастерская И. А. Савченко). Народные артисты СССР (1983). Будучи студентами ВГИКа работали над фильмами: «Третий удар» («Ожиданный узел»; 1948; ассистенты режиссера), «Тарас Шевченко» (1951; ассистенты режиссера). Постановщики фильмов: «Тревожная молодость» (1954), «Павел Корчагин» (1956), «Ветер» (1958), «Мир входящему» (1960), «Монета» (ТВ — 1962), «Сибирский анекдот» (1966), «Бег» (1970), «Легенда о Тиле» (1976), «Тегеран-43» (1980), «Берег» (1984).

А. АЛОВ
В. НАУМОВ
М. ШАТРОВ

ТЕГЕРАН-43

КИНОСЦЕНАРИИ

КАК ЗАДУМЫВАЛСЯ «ТЕГЕРАН-43»

Идея снять фильм о современном политическом терроризме давно посещала нас. Но решение пришло внезапно. Однажды мы с Аловым сидели в гостях у одного нашего знакомого художника. Был вечер, у всех было прекрасное настроение. Хозяин дома показывал нам замечательные альбомы Веласкеса, Брейгеля, Джотто, которые он только что приобрел. Работал телевизор, однако звук мы приглушили, чтобы он не мешал нашей беседе. Алов сидел лицом к телевизору, я — спиной. Внезапно он схватил меня за руку и сказал: «Смотри». Я обернулся и увидел на экране смертельно раненного человека. Его несли на носилках вдоль какой-то стены. Голова его была запрокинута, взгляд скользнул в объектив, и наши глаза встретились. Это длилось всего лишь секунду. И в то же мгновение я услышал голос Алова: «Мне кажется, он смотрит на нас!»

Я протянул руку, чтобы включить звук, но было уже поздно, кадр сменился, и мы так никогда и не узнали, где, кем и за что был убит этот человек...

Когда возникло предложение снять фильм о покушении на Сталина, Черчилля и Рузвельта в Тегеране в 1943 году, мы сразу решили, что этот фильм не должен быть чисто документальным. Для нас главным была та связь, которая существовала между этим давно ушедшим в прошлое покушением и сегодняшней практикой политических убийств. Ведь именно идеология фашизма с ее фанатизмом, презрением к человеческой личности, с ее изначальной нравственностью и цинизмом является самой благодатной средой для выявления современного политического терроризма.

Для многих было неожиданностью наше решение поставить фильм «Тегеран-43», по жанру политический детектив. Мы понимали, в чем причина такого восприятия нашего замысла. Заявку на сценарий «Тегеран-43» мы подали, когда на экранах страны широко демонстрировалась картина «Легенда о Тиле», которую критика характеризовала как «поэтическую», «философскую», «притчеобразную».

Вообще со времен дебюта в 1954 году фильмом «Тревожная молодость» мы постоянно слышали вокруг своих работ слова «свет-

лый романтизм», «поэтическое кино», «традиции Савченко». Затем, после фильма «Павел Корчагин», — «экспрессивное кино», «мрачный реализм», а кое-кто упрекал нас в натурализме. После «Мира входящему» добавились новые определения: «метафоричность», «символика». Когда же мы снимали «Скверный анекдот» по Достоевскому и «Бег» по Булгакову, то слышали в свой адрес такие эпитеты, как «гротесковый фильм», «эпическая экспрессия» и даже «мифологическое творчество».

Возможно, некий резон в подобных высказываниях был, хотя, на мой взгляд, они достаточно приблизительны. Мы с Аловым всегда считали, что не выходим за рамки реализма, направления крайне масштабного и многослойного. Если говорить о жанре, то действительно мы впервые решили снять детектив, и в этом смысле «Тегеран-43» стоит как бы особняком среди наших фильмов. Но лишь по внешним жанровым признакам. Мы с Аловым никогда не верили в чистоту жанров и всегда стремились их соединить. Что же касается самого принципа подхода к материалу, то этот принцип остался неизменным. Мы всегда во всех своих основных фильмах исследовали человеческий характер не в состоянии покоя, а в ситуации критической.

Нас особо привлекала точка пересечения личной судьбы человека с движением истории. Мы верили, что именно в этой точке возникает та уникальная атмосфера, то особое напряжение, которое позволяет характеру героя раскрыться наиболее полно и ярко.

Этот принцип подхода к материалу присущ всему нашему творчеству. Он сохранен и в «Тегеране-43».

Конечно, необходимость этого фильма для нас была вызвана не только желанием на новом материале утвердить свои кинематографические принципы, а прежде всего гражданской и человеческой потребностью. Нам хотелось, чтобы этот фильм был и напоминанием о том горе и страдании, которые несет людям война, и утверждением добра, борьбы и надежды.

В. Наумов,
народный артист СССР

— Речь идет о покушении на Рузвельта, Сталина и Черчилля во время их тегеранской встречи в 1943 году. Имею честь, господа, сообщить через ваши газеты всем заинтересованным лицам, что наша юридическая контора приняла на себя ведение этого дела.

Посыпались вопросы:

— Эрих Бехлер — это его настоящее имя?

— Это псевдоним. Настоящее имя нам неизвестно.

— Где находится рукопись?

— И рукопись, и документ, и негатив — все отдано на хранение в банк.

— Вы уверены в достоверности документа?

— Экспертиза подтвердила подлинность подписи Гитлера. С заключением экспертов вы можете ознакомиться у моего секретаря мадемуазель Эраль.

Человек, дремавший в дальнем углу холла, пристально следил за происходящим из-под шляпы, надвинутой на глаза. А поток вопросов тем временем нарастал.

— Что вы предполагаете делать?

— Через неделю я встречаюсь в Нью-Йорке с представителями... издательств и телевизионных компаний, а еще через неделю состоится аукцион в Лондоне.

— Почему этот самый Эрих Бехлер не опубликовал свои мемуары раньше? Почему ждал тридцать пять лет?

Легрэн медлил с ответом.

— У меня нет полномочий отвечать на этот вопрос. Впрочем, можете спросить об этом у него самого.

Легрэн кивнул.

В то же мгновение из толпы корреспондентов быстро вышел коренастый, слегка обрюзгший человек в плаще и темных очках и встал у стола.

— Это и есть Эрих Бехлер. Можете задавать ему вопросы. Но только очень коротко — он спешит. Пожалуйста, господа.

— Почему вы раньше не обнародовали свои воспоминания? — спросил один.

— Человек, которому было поручено организовать эту акцию, — быстро сказал Эрих Бехлер, напряженно ощупывая глазами холл, — остался в живых. И, поверьте мне, у него достаточно оснований опасаться, чтобы кто-нибудь не разболтал о его причастности к этому делу, кроме того, могу вас заверить, что шутки с этим человеком плохи. Поэтому я ждал, а сейчас он вышел из игры.

— Он умер?

— Он в тюрьме.

— За что?

Эрих не успел ответить. Раздался грохот, словно лопнула электрическая лампа, и пуля, просвистев у затылка Эриха Бехлера, выби-

Машина еще только приближалась к стоянке у отеля «Георг V», а из-под навеса уже бежал человек с зонтом, такой помятый, словно ночевал под мостом. И пока Легрэн и его секретарша, расплатившись с таксистом, шли к вертушке в дверях отеля, человек с зонтом, петляя вокруг них, что-то без умолку тараторил. Миновав вестибюль, они поднялись по лестнице и остановились перед холлом второго этажа. Там оживленно переговаривались репортеры вечерних парижских газет да гарсон, неслышно ступая, катил тележку, на которой позвякивали бокалы.

В дальнем углу холла кто-то дремал, прикрыв лицо шляпой. Они подошли к столу, и помятый человечек постучал ногтем по микрофону.

— Медам, месье! — начал он. — Позвольте представить вам господина Роже Легрэна. Он пригласил вас, чтобы сделать заявление для печати.

Зашелкали крышки магнитофонов, зашуршили блокноты.

Легрэн откашлялся и, близоруко уткнувшись в текст, начал:

— Почти три с половиной десятилетия дело, о котором пойдет речь, было окутано туманом загадочности. Наконец, совсем недавно, произошло событие, посулвшее разгадку.

Легрэн читал, не поднимая глаз, словно его не интересовало, какое впечатление произведет его заявление.

— В нашу контору обратился некто Эрих Бехлер. Речь идет о посредничестве между ним, Эрихом Бехлером, и издательствами по поводу публикации рукописи его воспоминаний о покушении, одним из исполнителей которого он был. Кроме того, господин Бехлер поручил нашей конторе продажу с аукциона исторического документа, относящегося к этому покушению. И, наконец, Эрих Бехлер рассчитывал на наше содействие в переговорах с телевизионными компаниями о приобретении у него прав на монопольную демонстрацию ранее неизвестных киноматериалов, которые, кстати сказать, тоже имели прямое касательство к покушению. В результате этих сделок господин Эрих Бехлер предполагал получить сумму в три миллиона долларов.

Один из репортеров протяжно свистнул, но Легрэн даже неглянул на него.

ла оконное стекло. В то же мгновение Бехлер выхватил короткий тупорылый бульдог и, падая на пол, дважды выстрелил в темный угол гостиничного холла. Люди заметались, толкая друг друга крича. Поднялась невообразимая суматоха. Наконец все стихло, корреспонденты с изумлением и страхом стали оглядывать холл, что Эриха Бехлера нигде не было.

Внезапно мадемузель Эраль схватила Легрэна за локоть.

— Смотрите.

Все повернули голову в сторону человека, который дремал в кресле. Он все так же неподвижно сидел в своем углу, словно все, что здесь произошло, не имело к нему никакого отношения. В правой руке его был зажат пистолет, шляпа валялась на полу, а под ней лежала на круглом столике в кафе на четырнадцатом этаже глазом и над переносицей зияли два маленьких отверстия. Человек был мертв.

Шел дождь. У входа в отель «Георг V» теснилась толпа зевак, стояли машины «Скорой помощи» и полиции. Инспектор Интерпола Фош поднял воротник и низко надвинул шляпу, с нее стекали струйки воды.

Из дверей отеля вынесли на носилках убитого. Он был накрыт стянутой простыней, которая тут же намокла от дождя и облепила мертвое тело. Все попытки служителя отеля прикрыть носилки зонтом ни кратиться к вам. Я уполномочен сделать вам предложение: вылечить в Париж и Лондон в качестве эксперта с целью установить подлинность документов и киноматериалов.

Андрей Ильич несколько секунд молчал, затем сказал:

— Но я преподаю в университете. Вряд ли я...

— Вы возьмете отпуск. С ректором университета мы договоримся.

— Я подумаю, — сказал Андрей Ильич.

Самолет компании «Аэрофлот» Москва — Париж, сотрясаясь, прорвал вязкую вату облаков и нырнул в ледяную синеву.

Заклубились в салоне дымки сигарет, зашелестели газеты. Андрей Ильич закрыл глаза. Лицо его было неподвижно.

Прошлое возвращалось. Сквозь громаду лет в памяти возникла полутемная лавка церковной утвари, затерявшаяся в закоулках тегеранского базара. Из тьмы медленно проступали лица богов. Божества, писанные красками, высеченные в камне, вырезанные из дерева. Божества разных стран, разных племен и народов. Божества нынешней и давно ушедших эпох: языческие, христианские, буддийские и великое множество иных. И среди них — двое, мужчина и женщина. Андре и Мари. Лица людей и лица богов.

— Но самое смешное, что это сущая правда. Я действительно не наю, как с ним связаться...

Фош устало улыбнулся.

— Нет, месье Легрэн, самое смешное не это. Самое смешное, что я вам верю.

— Разговор окончен?

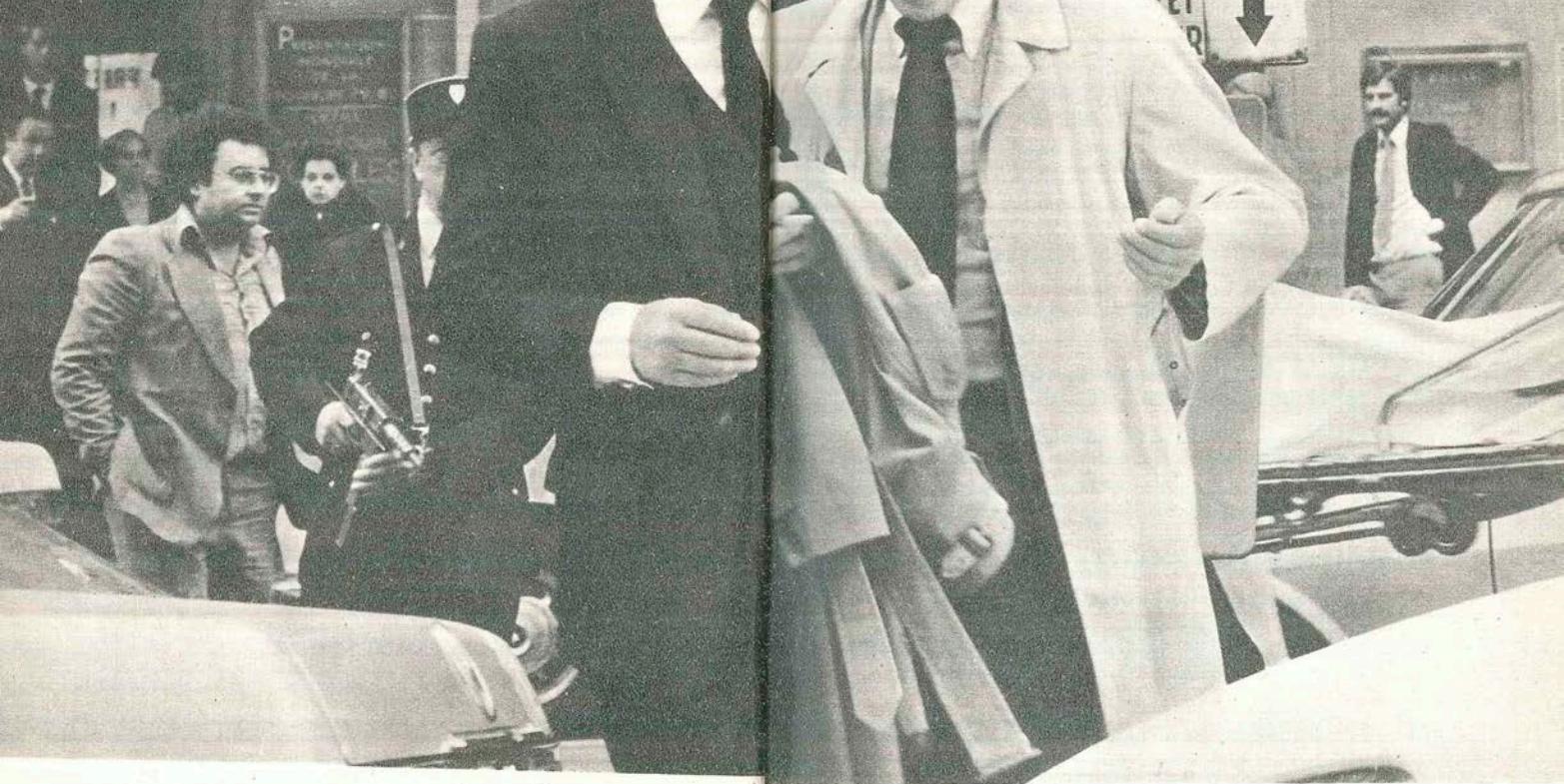
— До скорого, господин Легрэн.

— До свидания.

N
URE 79-80

MONDIALE
URURE 79-80

PRINCES
RESTAURANT
STAURANT
LES PRINCES
P STATIONNEMENT
à 19^h tous les jours
dimanches et jours fériés

Говорила она:

— Такое бывает только в детстве. Один и тот же сон преследует. Затем внимательно оглядел площадь, как хозяин оглядел меня долгие годы. Простой, незамысловатый сон. Как-то отыскивает свою квартиру после долгого отсутствия. Прямо перед ним показал мне игру. Она известна в разных странах мира и по-русски называется «чехарда». Люди, чередуясь, прыгали на химеры смотрели на него своими каменными глазами — один через другого. И все радуются, как дети, всем весели. Он осторожно шагнул по старым, потрескавшимся плитам, и все хохочут. Вот эта-то игра мне и снилась. Но с одной особенностью из-под его ботинок, словно испуганные мыши, разлетелись в разные стороны твердые плоды каштанов. Щелкнув ногтем по желтой было известно о его могуществе и величии, о власти над людьми, о которой ему дана. Я не испытывала перед ним ни страха, ни восторга, ни душевного трепета, ни ощущения собственного ничтожества. Вокруг меня всегда были иконы и изваяния богов, и я играла с ним, как играют с куклами. Может быть, именно поэтому во сне, о котором я хочу рассказать, мы играли в чехарду с богами: мать, отец и они. Всем было ужасно весело, но в конце концов кто-то непременно падал, получалась куча, мы барабанились в ней все вместе и раздавались одной радостью. Вот и весь сон. Просыпаясь утром, я испытывала почему-то радостное возбуждение.

Стюардесса коснулась плеча, Андрей Ильич вздрогнул проснулся. Она попросила пристегнуть ремни и, неслышно ступая, ушла.

Самолет снижался. Под крылом плыла земля. Полоски дороги, разноцветные квадратики полей, кучки домиков — все выглядели игрушечным. Прилав к запотевшему стеклу, Андрей Ильич смотрел вниз. Под ним в голубоватой дымке лежал Париж.

Таксист попался лихач и весельчик. По всему было видно, что ему нравилась скорость, нравился визг тормозов на поворотах, нравилось резко останавливаться и так же бешено срываться с места. Может быть, именно поэтому Париж обрушился на Андрея Ильича, словно лавина, всеми красками и звуками, мельканием витрин, реклам и лиц.

Машина неслась по запруженным улицам, таксист то и дело высывал голову из окна, чтобы обругать зазевавшегося прохожего или нерасторопного водителя. Вскоре поток вынес их на широкий, залитый светом бульвар, и таксист сказал:

— Сейчас будет поворот.

— Да-да, узнаю, — произнес Андрей Ильич и добавил: — Узнаю. Второй поворот направо, затем вверх, до конца.

Машина скользнула в узкий переулок и, выехав на крошечную средневековую площадь, остановилась у огромного ветвистого де-

рева. Андрей Ильич выбрался из автомобиля и попросил водителя оглядел площадь, как хозяин оглядел меня долгие годы. Простой, незамысловатый сон. Как-то отыскивает свою квартиру после долгого отсутствия. Прямо перед ним показал мне игру. Она известна в разных странах мира и по-русски называется «чехарда». Люди, чередуясь, прыгали на химеры смотрели на него своими каменными глазами — один через другого. И все радуются, как дети, всем весели. Он осторожно шагнул по старым, потрескавшимся плитам, и все хохочут. Вот эта-то игра мне и снилась. Но с одной особенностью из-под его ботинок, словно испуганные мыши, разлетелись в разные стороны твердые плоды каштанов. Щелкнув ногтем по желтой было известно о его могуществе и величии, о власти над людьми, о которой ему дана. Я не испытывала перед ним ни страха, ни восторга, ни душевного трепета, ни ощущения собственного ничтожества. Вокруг меня всегда были иконы и изваяния богов, и я играла с ним, как играют с куклами. Может быть, именно поэтому во сне, о котором я хочу рассказать, мы играли в чехарду с богами: мать, отец и они. Всем было ужасно весело, но в конце концов кто-то непременно падал, получалась куча, мы барабанились в ней все вместе и раздавались одной радостью. Вот и весь сон. Просыпаясь утром, я испытывала почему-то радостное возбуждение.

— Черт побери, все на месте!

Таксист, с любопытством наблюдавший за странным пассажиром, спросил:

— Вы приезжий?

— Приезжий! — сказал Андрей Ильич.

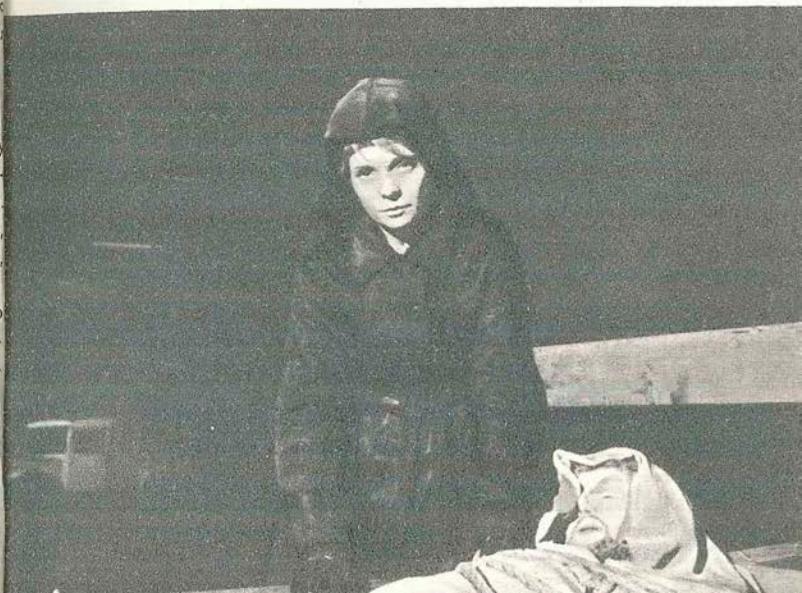
— Давно не были в Париже?

— Последний раз я пил вино вот в этом кабаке тридцать пять раз не могла вспомнить, что мне снилось, но всегда испытывала почему-то радостное возбуждение.

Тогда была гроза. Он стоял на маленькой, усыпанной каштанами площади и не отрываясь смотрел на громаду собора.

Из глубин памяти отчетливо всплывало то далекое время, когда была война и когда он сам был молодым веселым парижанином по имени Андре. И тогда над Парижем бушевала гроза. Андре

пошел по маленькой средневековой площади и смотрел вверх.

Над головой, в пелене дождя, словно каменные птицы, проплыли химеры собора. Где-то в бездонной глубине неба ухали тучи, раскаты грома. Он неторопливо шагал по лужам, и из-под сапог башмаков разлетались в разные стороны мокрые каштаны. Площадь внезапно озарила бледным дрожащим светом, который словно выплеснулся из узкой кривой улочки и тут же с шипением погас на мокрых плитах мостовой.

На мгновение Андре увидел... маленькую, промокшую до нитки фигурку женщины, которая тащила тачку с каким-то странным предметом, завернутым в белую тряпку и перетянутым веревками. Предмет был громоздким и тяжелым. Женщина с трудом волокла его к фургону мясника, примостившемуся у соборной стены.

В следующее мгновение все вновь провалилось в темноту страшный грохот обрушился на землю. Эхо еще металось по узким каменным улочкам, а новая ослепительная вспышка ударила откуда-то сверху, озарила собор и, вздрогивая, медленно затухала. Длинные черные тени поползли в сторону. В дрожащем матово-бледном отсвете молнии мелькнул кривой полулязгущий мясник. Он вцепился в предмет, который волокла женщина, и потащил его к машине. Намокшая тряпка лопнула, расползлась по шву. Андре внезапно увидел в рваной дыре бледное человеческое лицо. Это было так неправдоподобно и неожиданно, что он замер на месте. Мясник кряхтел, схватив человека в охапку, стараясь затолкать его внутрь машины.

Человек не сопротивлялся. Он только как-то неестественно напрягся, вытянулся, словно окаменел. Размытое потоками дождя лицо его белело над плечом мясника.

Андре показалось, что он уже где-то видел это лицо.

Мясник, кряхтя и отфыркиваясь, привалил человека к борту машины, и в следующее мгновение сквозь разодранную в другом месте материю показалась голая рука. Она была напряжена и вытянута вдоль доски, укрепленной за спиной человека. Ладонь была обращена к Андре. В центре ладони торчал гвоздь. Только теперь Андре вдруг осознал, что это был не живой человек, а деревянное распятие.

Женщина стояла рядом с фургоном. Дождь струился по ее вздрагивающей спине. В руках темнел завернутый в размокшую газету кусок мяса. Внезапно она повернулась, ее глаза встретились с глазами Андре, но в то же мгновение последний тусклый отблеск света угас, и мгла поглотила маленькую средневековую площадь.

Андре даже не успел разглядеть женщину. Он стоял в темноте и ждал новой вспышки. Наконец где-то совсем рядом раздался грохот и яркий ровный свет залил площадь. Она была пуста. Не было ни женщины, ни мясника, ни машины, ни распятия. Только

облезлый пес, повизгивая и приседая, семенил по мокрому бульварнику.

Андре повернулся и быстрым шагом пошел в узкий темный проем, ведущий к старой дубовой двери.

— Ну?

— Повар президента Рузвелта, филиппинец по национальности, отложил свой отпуск во Флориде, запланированный на вторую половину ноября, и отказался от забронированных апартаментов.

— Так, — протянул Андре, — дальше.

— Вина хочешь? Ты мокрый как мышь, надень мой свитер.

Андре сидел за квадратным деревянным столом в полутемном кабинете с крошечной сценой, над которой болталась тусклая лампа на длинном шнуре. Напротив него на колченогом табурете присоединился хозяин — худой старик в толстом свитере и тапочках на босу ногу.

В кабинете никого не было, только на эстраде разминалась и нелепо подпрыгивала худая девица в красном трико да карлик надувал огромный клеенчатый шар.

— Давай, — сказал Андре и, стянув мокрый пиджак и рубаху, бросил их на пол.

Старик протянул ему свитер.

— Ну, дальше.

— Дальше? — Старик хихикнул. — Дальше — из Лондона поступила информация, что один из ближайших сотрудников премьер-

министра, который обычно сопровождает его во всех поездках, перенес свадьбу с ноября на рождественские каникулы.

— Это больше похоже на сообщение светской хроники, чем данные разведки.

— Эта «светская хроника» стала интересовать немцев больше, чем самые секретные данные военного характера. — Хозяин охлебнул вина. — А вот тебе сообщение из области медицины Ирана. Стало известно, что союзники дали распоряжение госпитилю, расположенному по дороге из аэропорта в Тегеран, подготовить к ноябрю и хранить кровь определенных групп и резуса. Когда эти данные сравнили с данными из досье Рузельта, Стали и Черчилля, обнаружилось полное совпадение. Ну вот. — Спротянул Андре маленький, аккуратно сложенный листок бумаги. Здесь множество подобных, казалось бы, нелепых сведений, которых немцы проявляют в последнее время особый интерес.

— Ясно, — сказал Андре и встал.

На эстраде девица в красном трико сделала шпагат. Карли захочотал.

Андре вышел на улицу, плотно прикрыв за собой дубовую дверь. В лицо ему ударили косой дождь, и вспышки молнии ослепили его.

Еще не освободившись от далеких воспоминаний, Андрей Ильин стоял у покосившейся двери. Таксист подозрительно смотрел на него. Затем Андрей Ильич медленно подошел к машине, сел и протянул водителю адрес, написанный на клочке бумаги.

— Это в самом центре Парижа, — сказал таксист.

— Да-да... я знаю, — задумчиво отозвался Андрей Ильич. После очередного виража машина остановилась и, плавно качнувшись, замерла.

— Прошу, мсье, — подмигнул таксист.

Андрей Ильич расплатился, поднялся по крутой, узкой лестнице вверх в контору. В руке у него болтался чемодан. Мадемуазель Эраль кивнула ему и взглядом предложила стул. Он, так же молча, кивком поблагодарил ее, остался стоять у двери. Звонки раздавались беспрестанно. Она не успевала положить одну трубку, как уже надо было снимать другую.

Первый звонок — и мгновенный ответ:

— Аукцион состоится в Лондоне. Если вы позвоните в понедельник, я смогу сообщить вам время аукциона и лондонский адрес.

Второй звонок — и мадемуазель откликнулась вновь:

— Ни в один кинотеатр пленка передана быть не может. Она будет продана прокатной или телевизионной компании. С ними вам и придется иметь дело... Увы, мсье, ничем не могу помочь.

Третий звонок — и Эраль среагировала с обычной четкостью:

— Нет, нет, ни телефона, ни телекса, ни адреса господина Эриха Бехлера у нас нет. Мы этими сведениями не располагаем. Андрей Ильич воспользовался секундной паузой.

— Я хотел бы поговорить с мсье Легрэном.

— К сожалению, это невозможно. Сейчас он в Нью-Йорке. Андрей Ильич вздохнул.

— Я все понял. Благодарю вас.

Вертолет, скользнув между небоскребами, на секунду замер и плавно опустился на набережную. Легрэн вылез, разминая ноги, огляделся. К нему быстро подошла молодая незнакомая женщина. Улыбнувшись, она сказала:

— Господин Лэгрэн?

— Да, а вы?

— Господин Джонсон просил вас встретить. Я его секретарь. Меня зовут Жаклин.

— Может быть, вы объясните, зачем ему понадобилось катить меня на вертолете, да еще после семи часов перелета через океан.

— Сейчас на улицах такое движение... Вам пришлось бы потратить уйму времени, чтобы добраться с аэродрома сюда. А здесь уже совсем рядом. Прошу.

Они сели в большую машину шоколадного цвета.

Проехав несколько кварталов, машина внезапно вильнула к тротуару и остановилась.

— Что случилось? — Легрэн тревожно взглянул на шофера.

— А черт его знает, — пробормотал тот, вылезая из салона и поднимая капот.

— Если вы не против, мы пройдемся пешком. Теперь совсем рядом, — предложила Жаклин.

— Хорошо. — Легрэн выбрался на мостовую, и они погрузились в шумный людской поток.

— Где пленка? — негромко спросила Жаклин, касаясь его локтя.

— Какая пленка? — Легрэн резко остановился.

— Не валяйте дурака. — Жаклин говорила мягко, но адвокат сразу понял все.

— Вы с ума сошли, — сказал он, — какая пленка?

— Предупреждаю: если вы сейчас же не отадите мне пленку Эриха Бехлера, вас убьют!

— Кто меня убьет? Уж не вы ли?

— Нет. Один из прохожих. Этот, например... Или тот, в очках. Точно не знаю, — спокойно ответила Жаклин.

Легрэн оглядел кишащую вокруг толпу и медленно вынул две кассеты.

— На, бери. Теперь я свободен?

— Нет. Если вы не против, мы немножко пройдемся.

— Я не против, — кисло улыбнулся Легрэн.

— Сюда, пожалуйста, — вежливо сказала Жаклин.

Они молча шли по залитой ярким светом рекламам улице среды оживленной разноязыкой толпы. Чуть сзади неотступно, словно привязанный к ним невидимой нитью, шел человек средних лет с сияющим красным лицом. Около дешевого сомнительного заведения, где за несколько монет можно было посмотреть минутный порнографический фильм в индивидуальной кабине, они остановились. Жаклин вежливо попрощалась и растаяла в толпе. Рядом дружески спросил:

— Ты когда-нибудь бывал здесь?

— Нет.

— Ну тебе мелочь. Развлекайся. Через полчаса можешь вернуться на все четыре стороны. Понял?

Мистер Джонсон не мог сдержать раздражения.

— Наконец-то. Я жду вас уже больше часа. Куда вы пропали? Моя машина вернулась пустой.

Легрэн усмехнулся:

— Я весьма интересно провел это время с вашей секретаршей и ее приятелем, очень милые люди.

— Вы меня удивляете. Вот уже десять лет, как моя жена избавилась от моей последней секретарши.

— А-а, вот как... Я так и предполагал. А теперь послушайте внимательно. Будучи в Париже, я хотел дать вам совет: дело, которым я занимаюсь, гораздо опаснее, чем вы полагаете. Не успев приземлиться в Нью-Йорке, я был похищен.

— Но, судя по вашему виду, вы не очень пострадали.

— Наоборот, мне показали замечательно интересные места в Нью-Йорке, но расплатился я... пленкой.

Наступила тишина.

— А где негатив? — тихо спросил Джонсон наконец.

Легрэн снова усмехнулся.

— Дело вас еще интересует?

— Больше, чем когда бы то ни было.

— Негатив лежит в сейфе парижского банка.

— Ну, позвоните своему клиенту.

— У меня нет ни его адреса, ни телефона, я должен ждать его звонка. Надеюсь, он позвонит в ближайшее время.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— А разве мы еще не выпили?

Наступила ночь, и улицы Парижа постепенно опустели. Погасли огни в окнах, и город погрузился в сон.

Внезапно у конторы Легрэна появилась одинокая мужская фигура. Человек этот был в плаще с поднятым воротником, с тяжелой портфельной сумкой в руках. Он быстро оглянулся и позвонил. Дверь открылась почти мгновенно.

— Пожалуйста, месье Легрэн ждет вас, — сказала мадемуазель.

Они сидели в маленьком просмотровом зале конторы Легрэна.

— О моем визите никто не должен знать, — сказал ночной гость.

— Разумеется, — ответил Легрэн.

Гость сидел в пальто, шляпе и черных очках. Однако теперь в нем можно было узнать того самого человека, в которого стреляли в холле отеля, — Эриха Бехлера.

— Приступим. У меня очень мало времени, — сказал гость и включил видеокамеру. — Я вкратце напомню ситуацию: сорок третий год — год перелома. Немцы терпели поражение на всех фронтах. Уже был Сталинград, Курск. Завершился разгром Роммеля в Северной Африке...

— Восьмого сентября капитулировала Италия, — продолжал гость, — а двенадцатого утром была совершена одна из самых дерзких операций второй мировой войны. На скалистом нагорье Гран-Кассо отряд диверсантов под командованием Скорцени освободил из-под стражи и похитил низложенного Муссолини...

На экране мелькали кадры хроники, возрождающие события тех далеких дней: дуче вывели из отеля. Зябко поеживаясь, оншел к самолету. Рядом шагал Скорцени.

Голос Бехлера комментировал неторопливо и многозначительным:

— Но суть дела в том, что задумал и осуществил эту операцию вовсе не Скорцени, а совсем другой человек. Имя его — Шернер. Кличка — Палач. Он был крупнейшим специалистом по убийствам и диверсиям третьего рейха и пользовался неограниченным влиянием на Гитлера. Его боялись все, даже Гиммлер...

На экране между тем своим чередом мелькали кадры хроники: Муссолини уже забрался в самолет. Губы его кривила улыбка, глаза затравленно шарили по сторонам. Видимо, он еще не совсем верил в свое освобождение.

А чуть поодаль, пряча лицо в ворот шинели, стоял невысокий офицер. Поражала необыкновенная худоба и бледность этого человека. Казалось, он только что перенес тяжелую болезнь. И, едва изображение его появилось на экране, послышался негромкий голос Бехлера:

— Обратите внимание. Это он.

В маленьком зале перед экраном четко вырисовывались две спины.

Поздравляю. Во всем мире нет другого человека, который мог бы проделать все это с таким блеском.

Он лично вручил ему Рыцарский крест и снова пожал руку.

— Похищение Муссолини — это ошеломляющая операция.

Человек стоял склонив голову и чуть прикрыв глаза. Казалось, он спал.

— Надеюсь, вы понимаете, — продолжал голос, — что мы по многим соображениям не сможем предать гласности ваше имя. Как и прежде, мы вынуждены и в этот раз надеть на вас маску, скрыть ваше настоящее лицо. Эта маска — Скорцени. Ваш подвиг опять будет приписан ему.

Человек продолжал стоять неподвижно, слегка прикрыв глаза.

— Теперь я верю, верю, что это возможно. Вы вселили в меня эту веру.

Голос смолк так же неожиданно, как и возник. А через некоторое время снова появился:

— Это важнее всего, важнее нового оружия, важнее успеха на фронте... важнее всего. Если нам удастся осуществить эту акцию — мы выиграем войну. Я хочу, чтобы вы прониклись мыслью, что нет ничего равного по значению этому замыслу. Одновременная смерть Сталина, Черчилля и Рузельта мгновенно изменит обстановку в мире... теперь я верю — этот грандиозный план можно осуществить! Вы осуществите это покушение. Я верю вам.

Его безумные глаза не отрываясь смотрели на человека с бледным лицом, человека по имени Шернер, по кличке Палач.

Двое в просмотровом зале. Роже Легрэн и его клиент.

Клиент говорил:

— Запомните это лицо. За тридцать пять лет он наверняка изменился, но узнать его, надеюсь, вы сможете, я не сомневаюсь, что его руки будут тянуться к моей глотке.. Он будет пытаться найти меня через вас. Запомните хорошенъко его лицо.

Легрэн кивнул, и они вновь уставились на экран.

Чествование Скорцени происходило в приподнятой атмосфере. Присутствовавшие на церемонии высшие чины Германской империи с почтением и завистью поглядывали на двухметрового верзилу Скорцени, на его изуродованное шрамами лицо, светившееся неподдельной радостью. Гитлер лично повесил ему на шею Рыцарский крест и произнес:

— Этой услуги я не забуду никогда!

А в самом дальнем углу, за спинами теснившихся в почтительном молчании гостей, никем не замеченный, в полном одиночестве стоял подлинный виновник торжества — Шернер.

Улицы Берлина были сильно разрушены бомбежкой, и с наступлением ночи мрачные руины погружались в темноту.

А хроника тем временем продолжалась. С высоких ступеней самолетного трапа на плиты аэродрома спрыгнул Муссолини. Он долго тряс руку Гитлеру. Сын Муссолини стоял в стороне, ожидая пока отец выкажет благодарность своему спасителю. Затем он приблизился к нему и поцеловал. А над ними, в окне самолета вновь промелькнуло худое лицо.

— Это опять он, — сказал голос Бехлера.

И сразу — голос Легрэна:

— Да-да, я узнал его.

Теперь человек, за которым они наблюдали, был в приемной Гитлера. Он сидел на стуле, спокойно сложив на коленях руки, и казалось, дремал, чуть прикрыв глаза. Когда Гитлер вошел, он встал.

Эрих Бехлер продолжал:

— Сейчас вы услышите их, не удивляйтесь: они будут говорить одним и тем же женским голосом. Дело в том, что хроника эта снималась без звука. Уже потом, спустя много лет, укладчица текста потратила несколько месяцев, чтобы по движению губ восстановить каждое слово их разговора, мне пришлось уплатить за это сумасшедшие деньги.

В руках Гитлера был Рыцарский крест — высший орден Германской империи.

— Этой услуги я не забуду никогда, — произнес он тусклым женским голосом, пожимая руку человеку с бледным лицом. —

Когда Шернер вышел из подъезда рейхсканцелярии, большая тумане плыли пустынные улицы. Наконец трамвай остановился на черная машина «Майбах-Цеппелин» с синими фарами бесшумной последней остановке. Там, у старой афишной тумбы, стоял невысокий коренастый человек. Шернер спрыгнул с подножки, и они поздоровались. Он плюхнулся на сиденье и положил рядом маленький чемодан. Машина быстро помчалась по улицам Берлина.

Они ехали узкими переулками, когда Шернер внезапно сказал шоферу: «Стой». Машина остановилась.

— Я должен на два дня уехать, — сказал он негромко. Но об этом никто не должен знать.

— Слушаюсь.

Шернер с маленьким чемоданчиком в руках вылез из машины и сказал шоферу: «Езжай». Тот секунду колебался, боясь оставить своего хозяина одного на разрушенной пустынной улице, но слишком хорошо знал, что Шернер своих приказов дважды не повторяет.

Машина сорвалась с места. Как только она исчезла за поворотом, из темного провала под мостом выехала вторая машина такси. Шернер быстро огляделся по сторонам и сел в нее.

Над пустынными улочками маленького провинциального города, расположенного где-то вблизи швейцарской границы, плыл белесый туман.

Забрызганное грязью такси промчалось по булыжной площади и остановилось у трамвайной остановки. Шернер вышел.

Маленький допотопный трамвай дребезжал и звенел, точно горячий был развалился на каждом повороте. Шернер был единственным пассажиром. Он равнодушно поглядывал в окна, где в редком

— Мы не виделись семь лет, — сказал незнакомец. — Видно, важное дело привело тебя сюда.

— Да, — сказал Шернер. — Мне нужен твой совет, Макс.

Они сидели в уютной гостииной старого особняка. Мягкий свет падал на их усталые лица.

— Прекрасный план, однако из него ничего не выйдет, — сказал Макс, отодвигая документы, помеченные грифом «Совершенно секретно».

Шернер сложил план покушения в маленький чемоданчик и улыбнулся.

— Да-да... я тоже считаю: ничего из этого не выйдет, хотя продуман план идеально. Не выйдет просто потому, что эта операция вообще неосуществима, неосуществима в принципе. — Он замолчал. Потом тронул указательным пальцем висок и тихо добавил: — Есть один человек на свете, способный это сделать. Ты.

Макс улыбнулся.

— Ты представляешь себе, хотя бы приблизительно, сколько это будет стоить?

— Я думаю, это будет самый большой гонорар за всю историю человечества.

— Для того чтобы сказать «да» или «нет», я должен продумать, смогу ли я это осуществить. Я профессионал. У меня нет идей. Нет родины. Нет врагов. У меня есть мишени. И я должен знать стопроцентно, сумею ли я их поразить. Убийство — это формула. Ее надо вычислить. Вы дилетанты, стреляете наугад в движущиеся, плавающие мишени. Поэтому редко попадаете. Я стреляю только в неподвижную мишень. В упор. И поэтому я убиваю всегда. — Макс говорил негромко, почти про себя, искоса поглядывая на Шернера. — Когда охотник стреляет по бегущему зверю, если этот зверь к тому же мелькает среди кустов, деревьев и скал и бег его практически не виден, то у охотника очень много шансов промахнуться. Наша мишень также движется, скрытая от нас, движется во времени и в пространстве. Предугадать ход событий неизмеримо труднее, чем повадку зверя. Наша мишень все время скрывается от наших расчетов надежной охраной, неожиданно возникающими ситуациями, обстоятельствами, случаем; наконец, капризами и характерами самих объектов охоты. Каждый из них, и особенно Сталин, обладает огромной властью и вполне может изменить или нарушить ход любой ситуации, любую про-

цедуру или договоренность, отменить любую заранее запланированную встречу. Если бы я знал, что через два месяца все троица встретятся в такое-то время, в такой-то точке, с точностью до одного часа и до пятидесяти метров, я бы поверил в возможность успеха!

— Но это невероятно, — сказал Шернер. — Они сами не знают, где они будут находиться через два месяца в определенное время. Если бы мы с тобой знали это, мы были бы провидцами.

— Они могут не знать. Но я должен знать это точно. Это знание — условие успеха. Завтра утром я дам ответ.

Над городом вставал тихий рассвет.

Пока гость спал, Макс, запершись в кабинете, вытащил из огромной, специально систематизированной библиотеки различные книги, папки, фотографии и другие материалы и стал внимательно изучать их. Иногда он делал какие-то выписки и пометки в маленьком блокноте. Среди книг на его столе были самые неожиданные, казалось, бесполезные: биографии Сталина, Черчилля Рузвельта и их фотографии, метеорологический справочник Ирана, расписание и цены авиабилетов на Стамбул, адреса похоронных бюро. Он что-то сравнивал, сопоставлял и наконец написал на чистом листе огромную цифру «30...» засмеялся. Затем взгляну на часы (они показывали шесть утра) и... разбудил гостя.

— Я согласен, — сказал он. — Две самые важные величины — время и место — мне известны. Теперь я абсолютно точно знаю, что 30 ноября, приблизительно с семи-восемьми вечера до двенадцати часов ночи все трое — Сталин, Черчилль, Рузвельт — будут находиться в Британском посольстве в Тегеране.

Шернер, сидя в постели, смотрел на него как на сумасшедшего.

— Это невозможно, — сказал он. — Как ты можешь это знать?

— Да, да. — Макс весело подмигнул гостю и улыбнулся. — Они сами еще этого не знают. Во всяком случае, двое из них. А третий пока не придает этому значения, это погребено в глубинах его сознания, но, когда наступит момент, это обстоятельство всплынет. Итак, из всего многообразия мест, проблем, ситуаций, догадок подозрений меня интересует только Британское посольство в Тегеране. Только 30 ноября и только от восьми до двенадцати вечера...

— Это невозможно... Откуда тебе известно, что они...

Хозяин не дал ему договорить.

— Вот, — сказал он и протянул небольшую синюю книжку, — биография Черчилля.

Она была заложена листом бумаги. Шернер, ничего не понимая, открыл закладку и увидел обведенные красным карандашом слова «Уинстон С. Черчилль родился 30 ноября 1874 г.».

— Боже мой! — сказал он тихо и как-то странно посмотрел на хозяина. — Все так просто.

— Да, да, день рождения: 30 ноября Уинстону Черчиллю исполнится шестьдесят девять лет. И все они, безусловно, будут у него в гостях, если, конечно, встреча в Тегеране вообще состоится.

— Как все просто, — снова повторил Шернер. — Просто и гениально.

— От вас мне нужно следующее: к концу сегодняшнего дня у меня должны быть адреса наиболее состоятельных пожилых иранцев, проживающих за пределами Ирана. Предпочтительно — Швейцария.

Шернер и Макс сидели в уличном кафе и пили ароматный крепкий кофе.

— Имя — Дарьуш. Национальность — перс. Возраст — шестьдесят пять лет. Сорок лет назад покинул Иран. Живет на севере Швейцарии, — сказал Шернер, заглядывая в папку.

— Здоровье?

— Стенокардия. Повышенное давление. Но в общем чувствует себя хорошо.

— Состояние?

— Очень богат.

— Дети?

— Сын, тоже Дарьуш. Постоянно проживает в Испании.

— Кто ведет дела?

— Адвокат Жерар Симон. Уже много лет.

— Покажите.

— Пожалуйста. — Шернер отложил папку сведений о Дарьуше и положил перед Максом несколько фотографий.

— Вот он.

С фотографии, чуть улыбаясь, на них смотрел крепкий горбоний старик.

— Ему повезло, — усмехнулся Макс.

— А это адвокат Симон.

Шернер подвинул Максу другую фотографию.

Телефонный звонок раздался среди ночи, и адвокат Симон вскочил с постели, не в силах сообразить, где он находится. Затем нашупал в темноте телефон и раздраженно сказал:

— Да... Да! — закричал адвокат. — Я слушаю!

— Мне нужен адвокат Жерар Симон, — сказал негромкий спокойный голос.

— Я Симон. А вы знаете, который час?

— Месье Симон, у меня к вам деловое предложение, — ответил назнакомец, не обратив ни малейшего внимания на саркастический вопрос адвоката.

— Вы не могли бы позвонить завтра утром в мой офис? Сейя сплю.

— Нет. Дело не терпит отлагательств.

— Послушайте, вы просто наглец, — сказал Симон в ярост и бросил трубку.

Однако спать он уже не мог. Чертыхаясь, он зажег свет, закрил и начал бесцельно бродить по квартире. Он и сам не заметил как усился в кресло и уставился на телефон, словно ожидая чего то.

Вскоре раздался звонок. Адвокат снял трубку.

— Мсье Симон? Это опять я.

— Что вам от меня нужно?

— Постарайтесь серьезно отнестись к моему предложению, каким бы нелепым оно вам ни показалось. Вы, адвокат Жерар Симон, должны побудить вашего клиента Дарьоша вставить в завещание дополнительный пункт — похоронить Дарьоша в Тегеране. Это все. За это...

— Вы в своем уме? — спросил Симон, внезапно повеселившись. Ему показалось, что его разыгрывает кто-то из друзей.

— Сделать это совсем несложно, ибо старик просто бредит своей родиной, — продолжал незнакомец. — Ему лишь следуем подсказать эту мысль, и все. За это вы получите десять тысяч долларов. В случае вашего согласия эта сумма будет завтра же переведена на ваш счет в местный банк.

Адвокат захотел. Все это было настолько нелепо и бессмыслично (особенно гигантская сумма денег), что он окончательно решил, что его разыгрывают и весело сказал:

— Я согласен.

— Хорошо, спасибо, — сказал спокойный голос.

Пробило три часа ночи. Адвокат сидел в кресле в нижнем белье и тупо смотрел на телефон.

Когда адвокат Симон подошел к зданию банка, был уже конец дня, и служащие опускали железные жалюзи.

— Мсье Симон, — стаскивая нарукавники, появился в дверях управляющий, — на ваше имя перевод.

— Перевод? — Брови адвоката поползли вверх. — Ах да, а на какую сумму?

— Десять.

Мсье Симон шумно выдохнул воздух, переспросил:

— Десять?

— Десять, — повторил управляющий.

В ночь с субботы на воскресенье, ближе к рассвету, к отделению «Скорой помощи» местного госпиталя подъехала большая черная машина. Из нее вышел молодой итальянец в длинном сером плаще. Он вошел в кабинет дежурного врача, который спал на кушетке. Итальянец разбудил его и, когда тот с трудом прорыг глаза, тихо сказал:

— Приблизительно через час вас вызовут к человеку, который умер сегодня ночью. Вы должны будете зарегистрировать смерть и установить ее причины. Смерть произошла, я полагаю, от инфаркта или инсульта — это на ваше усмотрение. Никаких иных диагнозов, иначе вы умрете. — Он протянул врачу толстый пакет и вышел не попрощавшись.

Рано утром в квартире адвоката Симона раздался телефонный звонок. Звонила секретарь Дарьоша.

— Мсье Симон, несчастье... случилось несчастье. Умер... мсье Дарьош умер сегодня ночью... Вы меня слышите? Прошу вас, немедленно приезжайте... Здесь врач, полиция. Мсье Симон...

Адвокат медленно положил трубку и без сил опустился в кресло.

Зеркала, стекла и другие блестящие и светящиеся предметы были закрыты черной тканью. Покойник, завернутый в белый саван, лежал на матраце в центре комнаты. У правого уха на подушке лежал Коран. Один из родственников, сидевший в головах покойника, монотонно читал молитву. Сын усопшего, Дарьош-младший (только что прибывший из Испании), неподвижно сидел в углу комнаты. Адвокат Симон склонился к нему и шепотом сказал:

— Мне удалось связаться с швейцарским похоронным бюро, которое могло бы взять на себя перевозку и захоронение тела покойного в Тегеране. Завтра сюда прибудет представитель, который позаботится обо всем. По его просьбе для поездки в Иран я приграбил богатого иранца. Сил переводчицу, которая сегодня-завтра должна приехать из Парижа. Я...

— Воля отца должна быть выполнена неукоснительно! — согласился Дарьуш-младший.

Машина остановилась, но на перрон никто не вышел. Она стояла с погашенными фарами, мотор не работал, через приоткрытое стекло сочился наружу папиресный дым.

Три человека продолжали разговор.

— Уже нет никаких сомнений в том, что немцы готовят покушение на главу правительства союзников, — сказал тот, который находился рядом с шофером, очевидно, начальник двух других сидящих сзади. — Однако для этого необходимы люди, прошедшие специальную подготовку. Немцы, надо полагать, попытаются перебросить в Иран именно таких.

— Согласен, — кивнул Ермолин, человек средних лет, с лицом изрезанным глубокими морщинами, долговязый, голова его почти упиралась в обшивку кузова.

— Однако необходимо принять все возможные меры, чтобы обнаружить этих агентов до того, как они достигнут иранской столицы. Попав в Тегеран, человек может раствориться бесследно. Это один из самых темных и запутанных городов в мире...

— Разберусь на месте, — сказал Ермолин.

Сквозь клубы паровозного дыма на перроне появилась коренная фигура — молодой человек в форме офицера государственной безопасности. Осторожно поступив в стекло, он сказал:

— Через пять минут отправление.

Попрощались молча, и Ермолин неслышно зашагал вдоль вагонов по пустынному ночному перрону.

Андре медленно прогуливался по платформе парижского метро, то и дело поглядывая на часы. Старенький дребезжащий состав с грохотом вырвался из тоннеля и, скрипя тормозами, остановился на станции «Клиши».

Андре вошел в последний вагон и уселся рядом с человеком, читающим вечернюю газету.

— Сегодня ты выезжаешь в Швейцарию, — сказал человек. Лица его не было видно из-за газеты, да Андре и не смотрел в его сторону. Он смотрел на старую даму с рыжей охотничьей собакой, которая дремала в другом конце вагона.

— У тебя задание особой важности, — быстро продолжал человек. — В Женеве присоединишься к пассажирам самолета, рейс 7-03, на Стамбул. Обрати внимание на лицо, сопровождающих

Возможно, среди них есть агент, представляющий особую опасность. Официальная цель твоей поездки — переговоры с иранскими археологами, занимающимися раскопками древних захоронений. Вот деньги. Билеты. Остальные инструкции получишь в Иране. Прощай.

Поезд метро с грохотом несся по темному, грязному тоннелю.

Солнце вставало над горизонтом, освещая бледными лучами горбатые пустынные улицы провинциального швейцарского городка. Нарушая утреннюю тишину, рейсовый автобус протарахтел по бульвару и, обдав адвоката Симона клубами вонючих газов, остановился на площади. Из автобуса вышел всего один пассажир — молодая женщина с маленьким чемоданом в руке.

Симон быстрым шагом подошел к ней.

— Вы мадам Мари Луни?

Женщина кивнула.

— Будем знакомы. Адвокат Симон. Ваши вещи? Это все?

— Да.

— Позвольте. — Он взял из ее рук чемодан, и они двинулись в направлению к маленькой деревянной гостинице, над входом которой висела черная лошадиная голова.

— Здесь вы переночуете. Завтра вылетаем.

— Хорошо, — сказала женщина.

— Мне рекомендовали вас как хорошую переводчицу с фарси.

— Я семь лет прожила в Иране.

— Если не ошибаюсь, по происхождению вы русская?

— Да. Мой отец уехал из России во Францию в 1916 году.

— Одилась я в Париже.

— Вы представляете себе круг ваших обязанностей?

— Приблизительно. В основном, видимо, перевод.

— Да. Ну и всякие мелкие поручения. Короче говоря, секретарь-переводчик.

— Понятно.

— Кстати, вы, наверное, знаете русский язык.

— Знаю. Русский и английский.

— Очень хорошо.

Они подошли к неказистой гостинице, перед которой в крошечном кафе сидел какой-то мужчина. Он был коренаст, с залысинами. Когда он встал, свет упал на его лицо. Это был Макс. Он двинулся навстречу.

— Мсье Жерар Симон, рад вас видеть. Мое почтение, мадам! Я агент швейцарской похоронной фирмы... Меня зовут Макс Ришар. Можно просто Макс.

— Очень рад, — сказал Симон. — Знакомьтесь: наша переводчица. Только что приехала из Парижа. Она будет нас сопровождать в поездке, как вы и просили.

— Прекрасно! Прекрасно! — С лица похоронного агента не сходила радостная улыбка. — Мадам, вы уже завтракали?.. Нет? Буду рад...

— Спасибо, я не хочу есть, — сказала Мари и, взяв ключ от своего номера, поднялась по шаткой деревянной лестнице.

— Я хотел бы обсудить с вами некоторые детали предстоящей поездки... Она связана с немалым риском и опасностью...

— Мсье Жерар... позвольте, я буду так вас называть... Мсье Жерар, не думайте о дороге, положитесь всецело на меня. Лучше давайте подумаем о чем-нибудь более существенном — например, как провести сегодняшний вечер. Это действительно серьезная проблема, во всяком случае, для меня. — Он захотел. — Частое общение с покойниками сделало меня жизнелюбом.

— Поверьте, мсье Макс, — сухо сказал Симон, — мне не до развлечений и каламбуров. К тому же я занят.

— Жалко. Ну что ж, тогда, я надеюсь, вы хотя бы посоветуете,

куда мне деться сегодня вечером. Я ведь никого не знаю в городе.

— Мой совет: хорошенко высаться. Нам предстоит о тяжелая дорога.

На другой день, ровно в восемь утра, адвокат Симон подъехал к гостинице «Черная лошадь». Мари ждала его внизу со своим маленьким чемоданчиком. Однако представителя швейцарского похоронного бюро нигде не было. Симон начал нервничать, конец он не выдержал и, подойдя к окну номера (на первом же), где жил Макс, стал громко стучать. Долгое время никто не отвечал, затем окно приоткрылось и в щелку выглянуло заслоненное, опухшее лицо Макса.

— Уже? — спросил он глухим голосом, дыхнув густым паром.

— Уже, уже, черт бы вас взял! — закричал Симон: — Нам уезжать! А вы еще спите. Надеюсь, вы не забыли о своих занятиях агента похоронной фирмы? Необходимо оформить документы, квитанции, перевезти гроб, связаться со Стамбулом...

— Ну что вы волнуетесь? Все будет в порядке. Положите на меня. — Он почесывал волосатую грудь и чуть покачивался. Я совсем забыл вас предупредить, любезнейший. Я не просто жащий похоронной фирмы, как вам, видимо, кажется. Я, если честно, философ. Я могильщик Шекспира. Вы ощущаете разницу?

— Господи, — пробормотал Симон, — он совершенно пьян.

Гудящая мутная стена дождя стояла за окнами аэропорта. Взлетное поле, покрытое лужками, пузырилось и кипело. В сплошной пелене воды едва проступали темные громады самолетов. Зал ожидания был набит пассажирами до отказа. Они еще вчера должны были разлететься отсюда во все концы мира, и только ящиками и тюками, производил на всех гнетущее впечатление. В проливной дождь на несколько часов загнал их всех под крышу, сбил в плотную, разноязыкую, разношерстную толпу.

Андре стоял в углу у газетного киоска и гляделся в лица ожидающих. Где-то здесь, в этом кишащем муравейнике, возможно, находился тот человек (или несколько людей), которых Андре должен был обнаружить во что бы то ни стало.

Неожиданно он засмеялся, вытащил из сумки термос и посыпал людской муравейник, глядясь в лица, словно ища кого-то. Внезапно он чуть не наткнулся на женщину, неподвижно стоящую у окна. Несколько секунд он в нерешительности смотрел на нее, затем сказал:

— Мадам, разрешите угостить вас кофе?

Женщина вздрогнула и повернула к нему изумленное лицо.

— Что?

— Извините. Я хотел угостить вас кофе.

— Чем?

— Кофе. Настоящим, довоенным, не суррогатом.

— Вы кто?

— Это не имеет значения. Я просто хочу угостить вас кофе.

— Почему вам пришла в голову такая странная мысль?

— Не знаю. Просто так. У меня есть прекрасный кофе, и я решил кого-нибудь угостить. Наугад. Первого попавшегося. И выбрал вас из всей этой толпы. Случайно.

Женщина засмеялась.

— Почему вы смеетесь?

— Так, ничего, мне повезло. Давайте ваш кофе. — Она с удовольствием отхлебнула обжигающий кофе из крышки термоса.

Андре не успел сказать больше ни слова. На них, словно вихрь, напал незнакомец в мокром черном костюме. Человек этот был сильно пьян, однако на ногах держался прочно, движения его были точны и стремительны.

— Добрый вечер, — сказал Макс, обращаясь к Андре с широкой улыбкой. — Извините, но нам нужно идти.

— Да-да, мне пора, — сказала женщина. — Спасибо, кофе действительно прекрасный. Прощайте.

— Прощайте.

Дождь стал утихать, и в гудящем зале аэропорта диктор объявил отбытие самолетов: Женева — Мадрид, Женева — Касабланка, Женева — Париж и, наконец, рейс 17-03 — Женева — Стамбул.

Гроб, стоящий на полу в хвосте самолета вместе с какими-то ящиками и тюками, производил на всех гнетущее впечатление. В салоне было темно и холодно, как в погребе.

Мари куталась в плед и через мутный иллюминатор смотрела вниз... где вспыхивали едва заметные, далекие зарницы.

Адвокат Симон, совершенно подавленный случившимся, снова и снова возвращался мысленно к тому роковому звонку, с которого начались все несчастья. Он подозревал, что смерть старого перса каким-то таинственным образом связана с этим звонком, но никак не мог понять каким. Сын умершего, Дарьуш-младший, тупо смотрел в одну точку, — казалось, он совершенно лишился рассудка. Похоронный агент мирно спал, прислонившись к стенке.

Мари смотрела вниз через побледневшие иллюминаторы и думала, что больше всего на свете ей хотелось бы сейчас выпить кофе, настоящего крепкого кофе, который так странно предложил ей на аэродроме совсем незнакомый человек.

Как раз в тот момент, когда она подумала это, из вздрогившей гемноты самолета появилась высокая худощавая фигура. В руке его дымилась большая кружка. Приблизившись, протянул кружку Мари и любезно сказал:

— Возьмите.

— Боже мой! — сказала она испуганно. — Это вы? Я только думала...

— Это мистика... — засмеялся человек. — Мы летим в один самолете.

— Вы летите в Стамбул?

— Нет. В Тегеран.

— В Тегеран? Поразительно. Я никогда не думала, что увижу с вами снова.

— Случай, — сказал Андре и засмеялся.

— Да, случай, — сказала Мари.

— Случай, величайшее и хитроумнейшее из всех явлений природы, которое, кстати сказать, никогда не будет познано людьми. И в этом как раз и заключено его неотразимое очарование. невозможно предугадать, предвидеть. Но, если разобраться, случай лежит в основе всех вещей. Вы верите в случай?.. Нет? Это естественно. Люди вообще недооценивают случай. А напрасно. Стоя в Париже шесть месяцев назад сгорела бакалейная лавка? только приглядитесь к нему внимательней... Попытайтесь, и сразу же увидите, что это главный фактор, движущий историю человечества вообще, да и жизнь каждого человека в отдельности. В конце концов, все случайно. И рождение, и любовь...

— А мы один раз пьяного похоронили вместо покойника — в затаих.

— Господи, кто это? — Мари вздрогнула от неожиданности.

— Это я, Макс. Вы меня разбудили своей болтовней. Так вот. Когда гроб заколачивать стали, он проснулся и стал так биться, кричать, что могильщик со страха помер. Вот это случай. Сыграли в карты?

— Нет, — сказал Андре. — Спите.

— Хорошо, — сразу согласился Макс и затих.

Некоторое время сидели молча.

— Смотрите, — сказал Андре. — Я, например, совершил случайно купил ящик кофе. Настоящего, цейлонского. Купил, потому что рядом на улице сгорела бакалейная лавка. Вот вам первая случайность, приведшая к нашему знакомству, — пожар бакалейной лавки. Затем я пропускаю множество событий, таких же случайных и непредвиденных, которые привели вас и меня на аэродром. Далее, сегодня утром над Женевой бушевала гроза — тоже случайность. Ведь если бы ветер дул в другом направлении, гроза прошла бы стороной и мы не сидели бы в этом набитом людьми аэропорту. Опять случай. Случай может все...

— А вот негры племени димора зашивают своих покойников ослиные шкуры и кладут в ямы.

— А-а... это опять вы?

— Я, кто же еще? Что-то никак не могу заснуть. Так вот, кладут в ямы и прыгают на могилах, чтобы помешать покойникам подняться из земли. И делают это уже сотни лет. А зачем, спрашивается? Был ли хоть один случай, чтобы умерший встал из могилы? Кроме Христа да того пьяницы, которого похоронили ошибке? А?.. Нет?.. То-то и оно. Никакого случая быть не может, все как по нотам: крышку забили — вот вам и случай...

— Послушайте... — Андре улыбнулся. — Мне кажется, вы там, в темноте, пьете коньяк.

— Пью, — согласился Макс. — Только не коньяк, а водку. Дерьмовую яблочную водку.

— Итак, на чем мы остановились? — спросил Андре.

— На грозе, — сказала Мари.

— Да, на грозе. Затем новая случайность: из сотен людей я подошел именно к вам. Как видите, цепь случайностей привела ск тому, что наши пути пересеклись.

— Вы хотите сказать, что мы познакомились из-за того, что в Париже шесть месяцев назад сгорела бакалейная лавка?

— Да, именно это я хочу сказать. Но ведь мы с вами еще не познакомились. Меня зовут Андре.

— А я Мари.

— А я Макс Ришар, — вздохнул агент похоронного бюро и

Они проговорили всю дорогу. А когда подлетели к Стамбулу, им казалось, что они знакомы уже много лет.

Скрипучий автобус стамбульской похоронной компании грохотал по булыжной мостовой. Мари и Андре сидели на узком сиденье. Изредка, когда автобус попадал в яму, их подбрасывало вверх и Мари хваталась за руку Андре. Казалось, автобус вот-вот развалится. Сквозь мутное треснувшее стекло в желтой пыльной дымке был виден древний город. Он плыл мимо, со своей многоликой, яркой толпой и шумными базарами.

— У этого города три названия, — сказал Андре. — Турки называют его Истамбул, греки — Константинополь, болгары — Царьград...

— Знаете, — тихо сказала Мари, не отрывая глаз от огромной голубой мечети, — во Франции в пансионате у меня осталась дочь, совсем маленькая. А муж погиб полтора года назад.

Где-то совсем рядом раздалось заунывное пение муэдзина, и сразу же в хвосте автобуса заголосил Дарьош-младший.

— Господи, как орет, — дыхнул перегаром им в спину поклонный агент, — голова просто раскалывается.

— А раньше этот город назывался Византией, — сказал Андрей. Наконец город кончился, и потянулась нескончаемая и выжженная Анатолийская равнина.

Граница извивалась вдоль русла высохшей реки. По одну сторону — Турция, по другую — Иран, а между ними — деревянный мост. Автобус с гробом остановился перед шлагбаумом.

Симон, Мари и Андре с паспортами в руках проследовали глинянитной хибарке с вывеской «Таможня». Там пил молоко трактирный офицер-таможенник. Рядом, почти у самых дверей, жались к хибарке цепочка паломников в лохмолях. Они уже приблизились к цели и потому крепко держались друг за друга. Было их тринадцать. Двенадцать взрослых и мальчишка-помощник. Впереди возвышался глухонемой детина с сучковатым посохом в руке, последним был слепец, связанный веревкой с поводырем. Шея его была вытянута, как у гусака, один глаз закрыт черной тряпкой, другой, широко распахнутый, смотрел на мир не мигая бессмысленно. Почувствовав на себе этот взгляд, Мари обернулась.

Так впервые увидела она человека, которому пред назначенено перевернуть всю ее жизнь. Она еще не знала тогда, что это

ут его Шернер, а по кличке он Палач. Но под взглядом его единственного глаза сразу ощутила холодок и безотчетный страх. Андре внимательно посмотрел на нее и спросил:

— Что с вами?

— Не знаю, — сказала она.

Кладбищенский сторож грелся на солнышке, и только пальцы, перебирающие четки, свидетельствовали о том, что он жив.

— А где могильщик? — спросил мулла. Горбун не ответил, лишь чуть-чуть скосив голову. Мулла долго шел между могилами на звук заступа, долбившего каменистую землю. Удары становились все ближе и ближе. Наконец он увидел человека. Тот рыл могилу.

— Эй, могильщик!

Могильщик воткнул лопату в землю и уселся в яме. Присел на кирточки и мулла.

— Кому копаешь?

— Везут кого-то из Европы. Не понимаю — какая разница, где лежать?..

— Дело есть. Жилье подготовить для тринадцати человек. Чемнибудь укромное. Ну и встретить их, адрес передать.

— Ладно, кивнул могильщик, — поселю у Абдул-Гамида. Захоронение Дарьуша-старшего было совершено на тегеранском кладбище с соблюдением всех деталей ритуала. Многочисленные родственники, прилетевшие из Европы с телом покойного, представители религиозной общины, священнослужители мечети, которой покойный завещал большие суммы, просто посторонние зеваки и любопытные принимали участие в процедуре похорон. Кроме того, вокруг скорбной группы все время вертелся какой-то фотограф. Правда, на расстоянии.

Как только все было конечно, люди поспешно разошлись, и кладбище опустело. Лишь могильщик задумчиво смотрел на сейный могильный камень.

1978 год. Париж. Дождь, всю ночь шумевший над городом, прошел, и настало яркое, сверкающее осеннее утро. Андрей Ильич подъехал к конторе мисье Легрэна. После очередного выражения машина остановилась и, плавно качнувшись, замерла.

Андрей Ильич увидел, как на противоположном углу улицы из адвокатской конторы вышли инспектор Фиш и Легрэн. Они пожали друг другу руки и разошлись.

К Легрэну подбежала молодая женщина и стала что-то оживленно доказывать. Легрэн отмахнулся от нее как от надоедливой мухи, юркнул в машину, которая тут же сорвалась с места.

— А я инспектор Фош.
— Терпеть не могу полицейских. Сама не знаю почему.
— Вы очень любезны.
— Поехали, поехали, я же опаздываю!
Аэропорт Шарля де Голля сверкал, омытый дождем и промытый насквозь лучами заходящего солнца.
Натали выпрыгнула из машины, пробежала несколько шагов, затем снова вернулась:
— Послушайте, инспектор: может быть, вы подождете меня? Это ровно одна секунда. Я сейчас.
— Вам не кажется, что это уж слишком? — сказал Фош.
— Кажется. Ладно, спасибо... Пока. — Она побежала по мокрому асфальту к входу в аэропорт.
— Это просто наглость, — сказал шофер восторженно.
— Еще какая! — согласился Фош.
— Поехали?
— Подождем, — сказал Фош, глядя на огромные стеклянные двери, поглотившие Натали Луни.

Посадка на самолет была объявлена, Легрэн расплатился в баре и двинул к выходу, когда услышал по радио:
— Господина Роже Легрэна, вылетающего в Нью-Йорк, ожидают у бюро информации.

И пока он шел по гулким переходам аэропорта, голос повторил это еще несколько раз. У бюро информации его ждала Натали Луни.

— Господи, — с досадой сказал Легрэн, — это опять вы?
— Не очень-то вы любезны. — Она улыбнулась очаровательной улыбкой. — Как видите, я.
— У меня самолет, мадам.
— Мне нужна одна минута. Я провожу вас.

Вокруг клокотала толпа, проплывали тележки с багажом, доносился рев самолетов, и голос женщины тонул в этом шуме. Но рядом все время вертелся неприметный молодой человек, и, когда они двинулись по проходу, ведущему на посадку, он поспешил за ними, стараясь держаться поближе. Именно поэтому разговор был не только услышан, но и записан на пленку в фургончике красного цвета, с завешанными окнами, на стоянке перед аэропортом.

— Я прочла обо всем этом в газетах, мсье, — говорила женщина. — Дело в том, что в сорок третьем году моя мать невольно оказалась свидетельницей тех событий. По воле случая она была втянута в эту историю, хотя и не отдавала себе отчета в том, что вокруг нее происходило. Она поняла это позже, когда все уже

Был час пик, поток автомобилей двигался вдоль тротуара. А Ильич зашел в бистро, заказал кофе.

Между тем Фош с трудом поймал такси, плюхнулся на заднее сиденье и назвал адрес. Машина еще не успела отъехать, как дверца снова отворилась, рядом с ним очутилась молодая женщина, которая только что говорила с Легрэном.

— Машина занята, — сказал шофер.
— В каком направлении едете? — спросила женщина. — Ястро опаздываю. Может быть, по пути.

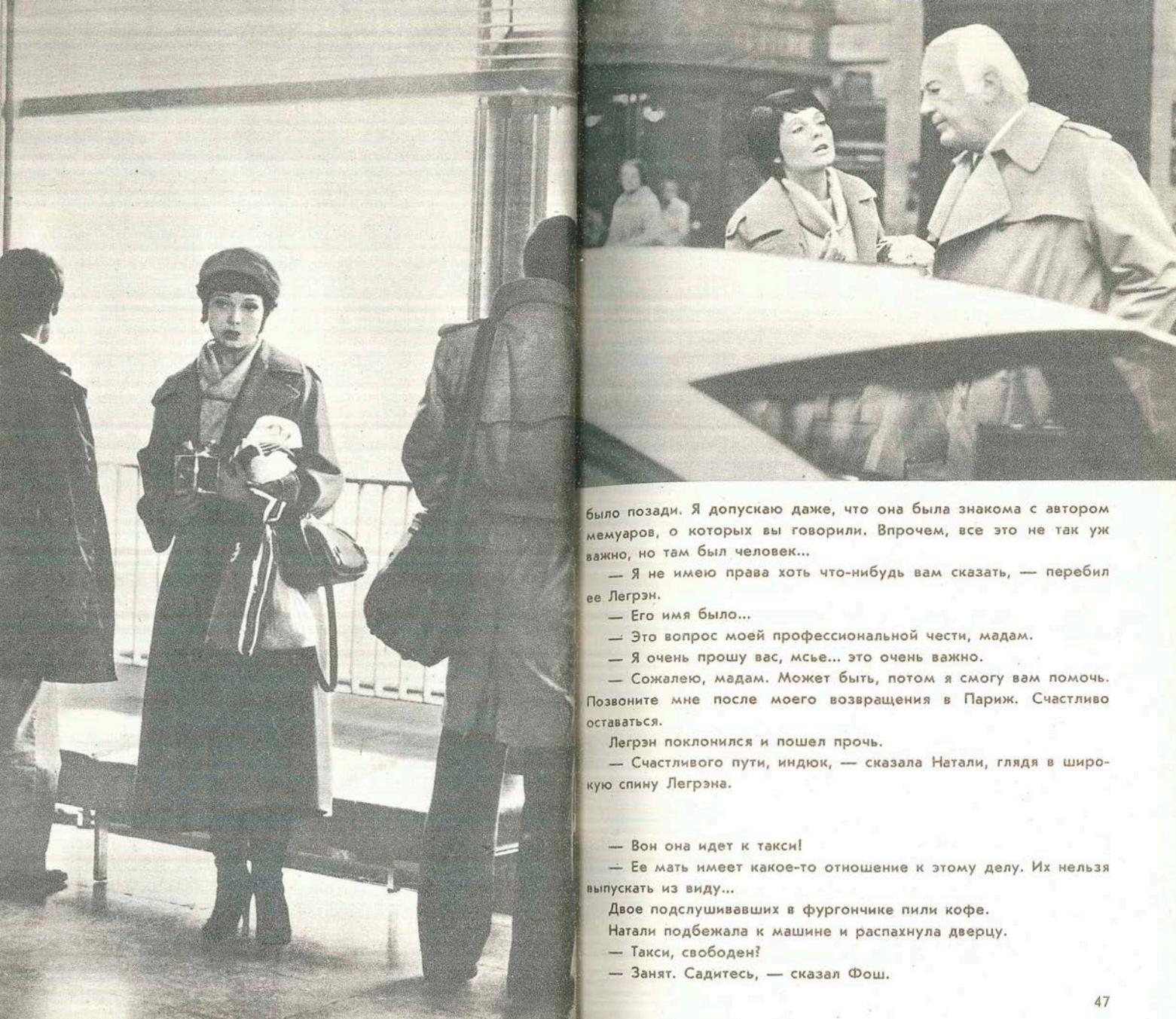
— Бульвар Распай, — сказал Фош.
— Замечательно. Это совсем рядом. Мне нужен аэропорт Шарля де Голля.

— Это в другую сторону, — сказал шофер.
— Боже мой, вам-то какое дело, куда ехать? Видите — господин согласен!

Фош с любопытством оглядывал молодую женщину.
— Он думает, что избавился от меня... — сказала она, устраиваясь поудобнее.

— Кто?
— Да этот Легрэн, судейская крыса. Но его ждет сюрприз.
— Не сомневаюсь, мадам... Как вас величать?
— Мадам Натали Луни.

было позади. Я допускаю даже, что она была знакома с автором мемуаров, о которых вы говорили. Впрочем, все это не так уж важно, но там был человек...

— Я не имею права хоть что-нибудь вам сказать, — перебил ее Легрэн.

— Его имя было...

— Это вопрос моей профессиональной чести, мадам.

— Я очень прошу вас, мсье... это очень важно.

— Сожалею, мадам. Может быть, потом я смогу вам помочь. Позвоните мне после моего возвращения в Париж. Счастливо оставаться.

Легрэн поклонился и пошел прочь.

— Счастливого пути, индюк, — сказала Натали, глядя в широкую спину Легрэна.

— Вон она идет к такси!

— Ее мать имеет какое-то отношение к этому делу. Их нельзя выпускать из виду...

Двое подслушивавших в фургончике пили кофе.

Натали подбежала к машине и распахнула дверцу.

— Такси, свободен?

— Занят. Садитесь, — сказал Фош.

— А-а, это вы. Я вам так благодарна, что вы меня подождали. Представляете себе, он не сказал мне ни слова, этот бесчувственный чурбан. Ну что мы стоим? Поехали. — Она недовольно покосилась к водителю. — Я опаздываю...

Тот вопросительно глянул на Фоша. Инспектор улыбнулся и кивнул. Машина сорвалась с места. И тут же за ней пристроился красный, заляпанный грязью фургончик. Так они и ехали один другим, словно связанные невидимыми нитями.

Натали и Фош сидели молча, изредка поглядывая друг на друга. Неожиданно Фош сказал:

— Мадам, вы не могли бы дать мне ваш домашний телефон?

— Мой телефон?

— Не волнуйтесь, это только в служебных целях.

— Ну, в этом плане я не представляю ни малейшего интереса.

— Ошибаетесь. Меня интересует все, что касается Легэрна, проговорил Фош, поглядывая в зеркальце на красный фургон.

— В таком случае вам, как полицейскому, не составит труда узнать мой телефон в справочном бюро, — засмеялась Натали.

Фош снова глянул в зеркальце и внезапно приказал шоферу:

— Включи правый поворот и поверни налево!

Слова его прозвучали так резко и неожиданно, что шофер тоже выполнил его приказ: Красный фургончик, обманутый ложным сигналом поворота, вильнул направо, затормозил и стал снова рулить на дорогу. Фош захохотал.

— Что вы делаете? — изумленно спросила Натали.

— Нарушаю правила.

— А вы знаете, инспектор, я передумала — поворачиваю назад.

— Как поворачивать?

— Ну так, назад, на аэродром.

— В аэропорт?

— Ну да, я улетаю.

— Куда?

— В Лондон.

— Простите, вы сумасшедшая?

— Ну конечно.

— Так я и знал.

нок, лавки, кофейни... Затем появились какие-то нищие, видимо слепые, которые уныло двигались в многоликой базарной толпе. Камера дернулась и поймала лицо одного из них. Он медленно пересекал кадр, чуть подняв вверх голову. Один глаз его был забинтован черной тряпкой.

Макс нажал клавишу видеоприставки — и экран замер. Он подвинулся ближе к телевизору, глядя на лицо человека, который замер в неестественной позе.

— Черт, сколько лет прошло, а ты почти не изменился, — сказал он едва слышно и тихо засмеялся. — Только усох и сморщился немножко... Говорят, худые дольше живут.

Макс снова пустил изображение. Внезапно он услышал какой-то шорох за дверью и, резко поднявшись, отпрянул к стене.

В комнату вошла молодая женщина и уставилась на Макса.

— Что вы здесь делаете? — спросила она с изумлением.

— Я здесь живу.

Ее лицо приняло испуганное выражение.

— Извините, я живу в соседнем номере, я перепутала дверь. Извините, месье. — Она повернулась к выходу.

— Одну минутку, мадам...

— Да, месье, что?

— Хотите что-нибудь выпить?

Она секунду колебалась, затем ответила с мягкой улыбкой:

— Я, право, не знаю... впрочем...

— Посидите со мной, пожалуйста.

— Ну, если вы хотите...

— Благодарю вас. — Макс не дал ей договорить. Он быстро подвинул стул. Она осторожно села. Наступила неловкая пауза.

— А что это за фильм? — спросила она наконец.

— Это старая хроника. — Он отхлебнул из рюмки.

— А какой это город?

— Это где-то на Востоке.

— Вы бывали там?

— Не припомню. Может быть. Я очень много путешествовал. Восточные города все похожи один на другой.

Он налил девушке коньяк.

— Мерси. А кто это?

На экране вновь возник тот странный слепой, которого так пристально рассматривал Макс. Возник на секунду и исчез.

— Это нищий или паломник, — равнодушно сказал Макс и спросил:

— Как вас зовут?

— Меня зовут Франсуаз.

— А вас?

— А я Макс.

Маленький грязный номер третьесортной парижской гостиницы был погружен в полумрак. Макс, кутаясь в старый толстый спальник, протертый на локтях, пил дорогой коньяк, поглядывая на экран телевизора. Несколько видеокассет лежало тут же на колченогом столе, рядом с сигаретами и стопкой свежих газет. На экране мелькали кадры старой хроники: узкие улочки восточного города, ре-

— Ваше здоровье, Макс. — Она улыбнулась и сделала маленький глоток.

На экране мелькали кадры старого восточного города, людей, живших много лет назад. Среди этих кадров было нечто, о котором раньше не видел никто. Кто снимал их в сорок третьем году? Где лежали они долгие тридцать пять лет? Как родились на свет? Ответов на все эти вопросы пока не было.

1943 год. Тегеран.

На мужской половине дома, где происходили поминки, подавали плов, и гости, восседавшие, поджав ноги, на ковре, ступили к еде. Тягучее безмолвие царило во время поминальных трапезы.

Адвокат Симон, Андре и Макс, подавленные происходящим так и не притронулись к еде. Скорбную тишину лишь изредка нарушали всхлипывания Дарьюша-младшего. Симон осторожно, раясь не шуметь, вышел на улицу. Вскоре за ним последовал похоронный агент.

А в глубине дома, на женской половине, стараясь перекрикивать друг друга, в голос рыдали специально приглашенные по случаю плачальщицы, и Мари, забившись в угол, сидела стиснув ладонями голову.

За окном уже было черно, приближался комендантский час, гости начали расходиться.

Пустынны улочки Тегерана были темны и безлюдны. Луна едва слышно журчала в арыках и остромордые облезлые собаки, словно бесплотные тени, скользили в подворотнях.

— Господи, какой страшный город, — сказала Мари шепотом. — Кажется, что здесь совсем нет людей. Словно все умерли.

Она заметила, что одна из собак неотступно следует за ней по пятам.

— Смотрите, смотрите, он идет за нами. Это шакал. — Мари схватила Андре за руку. — Знаете, шакалы всегда чуют смех и преследуют обреченных. Они могут терпеливо идти за ними несколько дней...

— Это просто голодная бездомная собака, и все. — Андре смеялся, поднял камень и швырнул его в собаку.

Та шарахнулась в сторону, замерла... Но, лишь только они ушли, снова двинулась за ними, сохранив дистанцию.

— За первым днем должен последовать третий, потом каждый четверг, и так до последнего, сорокового дня, — сказала Мария.

— Да, таков обычай, — сказал Андре, — таков обычай, этим ничего не поделаешь... Вы знаете, что означает слово «исла-

— Нет.

— Покорность.

— Покорность чему?

— Всему: обычаям, обрядам, традиции и богу, конечно. Мари обернулась и снова взглянула на маленькую ободранную собачонку.

— Как странно, — сказала она, — ведь я его даже никогда не видела.

— Кого — его?

— Старика. Умершего.

— Разве вы не знали его?.. — Андре быстро взглянул на Мари.

— Нет. Просто меня наняли в качестве переводчицы для поездки в Иран. — Она помолчала, затем, задумчиво глядя на тусклый свет фонаря, сказала: — Я все время пытаюсь представить себе его лицо и не могу. Почему-то он кажется мне молодым, хотя я знаю, что он старик.

— А Симон?

— Что — Симон?

— Вы знали его раньше?

— Нет, ни его, ни похоронного агента. Я познакомилась с ним за день до того, как встретила вас. Меня пригласили через бюро найма по настоянию Макса. Сначала я отказалась ехать, но мне предложили очень выгодный контракт. Теперь я жалею, что согласилась. — Она перешла на шепот, как будто хотела открыть ему тайну. — У меня дурное предчувствие... Здесь что-то происходит. Словно я попала в какую-то липкую паутину, и, чем больше я пытаюсь из нее выбраться, тем крепче она меня держит... Вы верите в предчувствие?

— Нет. Вы же знаете: я верю в случай. — Андре весело засмеялся.

— Да-да, случай, — сказала она и тоже улыбнулась. — А мне кажется, что случай — это лишь часть чего-то большого, чего мы не знаем. Он словно поплавок на поверхности воды... Все главное происходит в глубине и скрыто от нас.

— Не бойтесь, Мари, — сказал Андре и обнял ее за плечи. — Я не дам вас в обиду.

— Да, да... — Она быстро закивала головой. — С вами мне легко и спокойно. Знаете, мне все время казалось, что в этом мире нет никого. Я одна. А вот теперь появились вы...

Снова наступила тишина.

Они подошли к гостинице. Бездомная собака, следовавшая за ними по пятам, скользнула в тень подворотни и легла.

Заспанный портье дал ключи и снова завалился на кушетку. Может быть, он и не просыпался вовсе, а проделал это в привычном полусне.

— Спасибо вам, — сказала Мари.

— Спокойной ночи, — сказал Андре.

Войдя в номер, он, не раздеваясь и не зажигая света, повалился на кровать. Он лежал и рассеянно смотрел в потолок. Там, словно желтые лучи, расплывались пятна света от уличного фонаря, и черные тени деревьев мерно покачивались из стороны в сторону. Андре не знал, сколько прошло времени: две минуты или час, когда внезапно он услышал скрип половиц в коридоре. Бесшумно вскочив, он приоткрыл дверь и увидел в глубине коридора маленькую фигурку, осторожно пробирающуюся к выходу. Через мгновение она вступила в полосу света, и Андре узнал Мари. В руках у нее был небольшой сверток. Неслышно выскользнув в коридор, он пошел за ней. Спустившись по лестнице, Мари миновала вестибюль и вышла на улицу. Постояв некоторое время в нерешительности, она двинулась в сторону подворотни, оглянувшись, вошла в глубокую тень и высипала что-то из свертка на землю. Только сейчас Андре заметил... облезлую собачонку, ту самую, которая преследовала их по пятам. Она, жадно повизгивая, набросилась на кусочки колбасы, хлеба и прочей пищи. Мари постояла некоторое время, приговаривая: «Ешь, ешь», и, повернувшись, быстро пошла в гостиницу.

Андре стоял в полутемном пустом кафе, расположенным на первом этаже гостиницы, и смотрел на Мари.

В темноте облезлая собачонка поедала кусочки колбасы. Внезапно в глубине подворотни что-то зашевелилось и появилось какое-то странное существо, одетое в лохмотья. Это был старик нищий, грязный и заросший бородой до самых глаз. Отогнав собаку, он схватил куски пищи и принялся жевать их беззубым ртом.

Поднимаясь на второй этаж, Мари почувствовала, что кто-то тронул ее за локоть. Она обернулась и увидела Андре.

— Это вы?

— Да, — сказал он улыбаясь. — Это я.

— Вы следили за мной?

— Следил.

— Мне стало жалко ее.

— Я так и понял. Зайдем поужинаем?

— Хорошо.

В дверях ресторана они столкнулись с Симоном и Максом.

— Слава богу, наконец-то я вас нашел, — сказал Симон срывающимся голосом. — Я должен вам кое-что сказать.

— Выбрось это из головы. — Макс дружески хлопнул его по плечу. — Пойдем лучше ко мне. Сыграем в карты.

Но Симон не обратил на него ни малейшего внимания.

— Я долго не мог решиться, — он и сам не заметил, как перешел на шепот, — но больше не хочу молчать. Я...

— Ты с ума спятил, вот что. — Макс ткнул пальцем ему в грудь и захочотал. — Несешь всяющую чепуху.

— Он не верит мне. Но это очень серьезно. Несколько дней назад среди ночи меня разбудил телефон и незнакомый голос предложил мне странную сделку. Я должен был уговорить Дарьюша вставить в завещание пункт о том, чтобы его похоронили в гране. На следующий день после того, как это произошло, старик умер.

— Ну и что?

— Он был практически здоров.

— «Практически здоров»! — Макс весело захочотал. — У меня один приятель был практически здоров и вдруг умер постели у любовницы. А весу в нем было более ста килограммов в живом, так что все мы практически здоровы до того момента пока не становимся практически мертвым.

— Прошу вас, не надо шутить, отнеситесь серьезно к тому что я говорю. Я чувствую здесь преступление и решил попросить вас совета — не следует ли сообщить об этом полиции?

— У тегеранской полиции своих покойников — хоть отбавляй. В этом городе дня не проходит без стрельбы и поножовщины.

— Возможно, вы правы, — сразу же согласился адвокат, — это необходимо не столько полиции, сколько мне.

— Послушайте! — Макс уже начинал злиться. — Но в сопроводительных документах имелось медицинское заключение, там черным по белому было написано, что Дарьюш умер от кровоизлияния в мозг. Я отлично помню.

— Это так, — сказал Симон. — И все-таки я, пожалуй, сообщу в полицию. Завтра же утром.

И, не простившись, адвокат ушел в номер.

— Я тоже ухожу, — сказала Мари.

— А как же ужин? — Андре разочарованно смотрел на нее.

— Простите. Я очень устала. До завтра. — И она быстро зашла по коридору.

Андре и Макс переглянулись и побрали к своим комнатам — они были одна против другой.

— Хотите в карты? — спросил Макс.

— Нет.

— Ну и правильно. Со мной — не садись. Я шулер.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Коридор опустел. В вестибюле на продавленной кушетке ворочался портье.

Уже вступил в силу комендантский час, и перекресток у отеля казался вымершим. Прошаркал подошвами патруль, проехал минивэн, автомобиль, и все смолкло.

Мари долго не могла уснуть. Предчувствие чего-то ужасного и неотвратимого сжало сердце. Была уже глубокая ночь, когда внезапно показалось... что кто-то смотрит на нее из окна. Однако она не могла разобрать, было ли это лицо человека или лунное пятно на стекле. Мари забилась в угол кровати, сжалась в комок. Прошло несколько секунд, и странный, едва различимый звук доносился сквозь стену — это был не то зов, не то стон.

Она схватила пальто и, не зажигая света, проскользнула в коридор. Здесь царил полумрак. Лишь в холле под потолком тускло желтела лампочка. Мари опасливо приблизилась к двери в номер Симона, постучала. Ответа не было. Она постучала еще и еще, но ответом было безмолвие. Вдруг Мари заметила, что дверь не заперта, и, потянув ее на себя, шагнула в темноту. На какое-то мгновение глаза скользнули по окну. Почудилось, что в темном квадрате опять мелькнуло что-то желтое и расплывчатое — не то человеческое лицо, не то лунное пятно — точно такое же, как у нее в комнате. Мари нашупала выключатель, вспыхнул свет, и она замерла, не в силах шевельнуться.

Посреди комнаты на стуле сидел адвокат Жерар Симон. На лице его застыла гримаса ужаса. Он был мертв. Мари попятилась и, бесшумно прикрыв дверь, как была, босая, в пальто, накинутом на ночную рубашку, побежала по коридору. Она стучала в номер Андре, потом в номер Макса, но ни тот, ни другой не отвечали. Она стучала все настойчивее, бросаясь от одной двери к другой, пока из соседней комнаты не выглянула опухшая от сна физиономия какого-то перса. Тупо уставившись на Мари, физиономия прогудела что-то на фарси и исчезла.

Мари бросилась в холл. Отсюда, через узорчатую решетку перила ей хорошо был виден вестибюль отеля и портье, спавший на кушетке. Ноги подкосились, Мари села на ступеньку и тихо заплакала.

Машина с погашенными огнями стояла за углом, в нескольких шагах. Андре оглянулся и подошел. Лишь только он распахнул дверцу и сел, машина тронулась с места. Рядом с ним на заднем сиденье оказался еще один человек. Он чиркнул спичкой, и слабый свет на мгновение осветил его загорелое лицо.

— Посмотрите на меня внимательно, — сказал он улыбаясь.

— Господи! — В первый момент Андре опешил от неожиданности.

— Что, не веришь глазам? — спросил человек и дунул на спичку. Мгла поглотила лицо.

— Не верю, — признался Андре. В голосе его чувствовалось радостное возбуждение. — Ну, здравствуй, Ермолин!

— Здравствуй, Андрей.

Они закурили, и машина наполнилась клубами дыма.

— Выкладывай, — сказал Ермолин.

— Пока подтвердилось, что Дарьоша отправился на тот свет не по своей воле, — заговорил Андре. — Кому-то нужно было гально попасть в Тегеран. Подумывал об адвокате, но сегодня сам признался в своих подозрениях. Хочет идти в полицию. Разумеется, это еще ничего не означает... Похоронный агент тоже нечем себя не скомпрометировал, хотя глаза его мне не нравятся. Неподвижные какие-то глаза. Он смеется, а они сами по себе. А переводчицу почему-то жалко. Беспомощная она какая-то, беззащитная.

По пустынным улицам вдруг прокатились и рассыпались гулким эхом хриплые крики:

— Стой! Стой! Стой!

Из-за угла выбежал человек. Он тяжело дышал и озирался, бегу. Послышался топот ног. Полицейский патруль — офицер два солдата — пересек мостовую.

— Город — как кипящий котел, — сказал Ермолин. — Кого только нет: грабители, наркоманы, проститутки, наемные убийцы. Вавилонское столпотворение. Каждый божий день — стрельба, грабежи, убийства... Это Костя. — Ермолин кивнул на парня, сидевшего за рулем. — Будет тебе помогать.

Парень повернулся к Андре свою белобрысую голову, в знак согласия кивнул. Машина обогнула квартал и остановилась недалеко от входа в отель.

Услышав скрип, Мари подняла глаза.

Сначала она увидела его сквозь решетку перил, потом Андре появился на площадке. Он поднялся на следующую ступеньку, снова остановился.

— Что случилось?

К горлу подкатил комок слез. Мари в ответ лишь беззвучно скрывала рот, точно рыба, вышвырнутая на сушу.

Андре шагнул к ней, схватил за плечи, встряхнул.

— Что случилось?

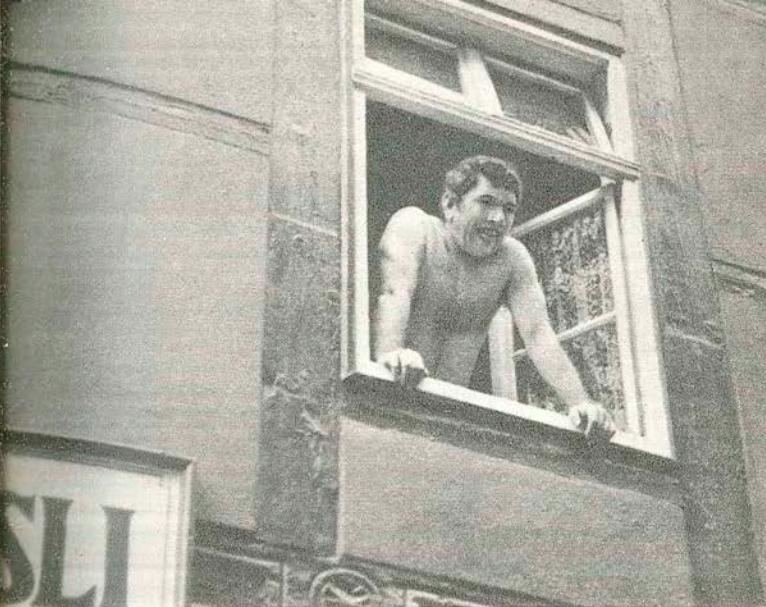
Ее била дрожь, рукой она указывала на дверь адвоката. В тройку Андре оказался у его номера и, распахнув дверь, заменя на пороге. Потом бесшумно прикрыл дверь и снова вернулся к Мари.

— Пойдемте. — Он взял ее за плечи, помог подняться.

Она шла покорно, как во сне, и только на пороге в свой номер остановилась:

— Нет... Нет...

Андре обнял ее за плечи, повел по коридору. В своем номере не зажигая света, он усадил ее в кресло, укутал одеялом, осторожно спросил:

— Как это произошло?

Мари заговорила сбивчиво, шепотом:

— Я вошла. Он уже был мертв. Я стучала к вам. Стучала к Максу. Я долго стучала. Но ни его, ни вас не было.

Только теперь Андре вспомнил про похоронного агента.

— Одну минуту, я сейчас. — И он стремительно вышел из номера.

Макс оторвал сразу, на первый же стук. Лицо было помято, склады корежила зевота.

— Симон убит, — сказал Андре.

— Грабители? — не то сказал, не то спросил Макс.

— Мари стучала и к вам, и ко мне.

— Я не слышал, я спал. А вы?

— Выходил на улицу. Было душно.

— Значит, вас здесь не было? — переспросил Макс и повторил: — А я спал. Я вообще крепко сплю.

Теперь они не отрываясь смотрели друг другу в глаза. Макс снял с вешалки плащ, накинул на пижаму.

— Бедняга Симон, — сказал он.

— Бедняга Симон.

Андре возвратился в свою комнату.

— Вы должны лечь, — сказал он Мари.

Она послушно легла. Он укрыл ее одеялом и положил поверх двух пальто — свое и ее.

— Постарайтесь уснуть, — сказал он, опускаясь в кресло. Но ни он, ни она так и не сомкнули до утра глаз.

Когда два полицейских выносили из номера носилки, накрытые простыней, все встали — и Андре, и Макс, и Мари.

Полицейский чиновник сложил в портфель бумаги. Выходил он:

— Обыкновенный грабеж. Они унесли даже часы.

В опустевшем номере они остались втроем.

— В нашем деле всегда есть работа, — сказал Макс.

— Вы имеете в виду похоронный бизнес? — спросил Андре.

— Конечно, что же еще?

— Бедный, бедный месье Симон, — произнесла Мари.

Закончилась их первая ночь в Тегеране. Начался новый день.

Когда наутро мулла заглянул в хибару кладбищенского сторожа, там никого не было, а горбун, как всегда, грелся на солнце.

— Послушай, старик, а где могильщик?

— Могильщик в могиле.

Мулла так и не уловил, что было в его словах: правда, издавна или восточное глубокомыслие. Лицо горбuna оставалось непроницаемым. Пройдя по узкой кладбищенской дорожке, мулла, конец увидел в тени деревьев костлявую фигуру могильщика. Сняв башмаки, он сидел на камне и пил молоко.

— Ну как? — спросил мулла, приближаясь.

— Нормально, все покойники на месте.

— Дурак. — Мулла зло выругался и перешел на шепот: — Ночью пойдешь к харчевне Абдул-Гамида. Позади медной лавки тебе

будет ждать слепой, передашь ему: «Хозяин фотографии Мустафа — человек, который подходит». Запомнил? Хорошо. Если слепой что-нибудь попросит, выполнять беспрекословно. Дай хлеб-чай.

Могильщик протянул ему кувшин с молоком. Мулла отхлебнул, сморщился, как от лимона, и выплюнул молоко в пыль.

— Фу! Какая кислятина!

Могильщик захохотал.

— Идиот, — сказал мулла.

А за могильными плитами неслышно, словно кошка, проскользнула горбун. Он не спускал с них внимательных глаз.

Ресторан был дорогой и солидный, на европейский манер. Официанты при «бабочках», метрдотель во фраке, сервировка, да и большая часть публики — все было европейским, от всего веяло довоенной Европой с ее добротностью и надежностью. Местный колорит оставался лишь в пряных запахах пищи и змеиных изгибах танцовщиц на полутемных подмостках.

— Опаздывает, — сказал Макс, взглянув на часы.

Мари не ответила. Она смотрела куда-то в сторону, мимо него, так и не притронувшись к еде.

— Этот человек шофер, — продолжал Макс. — До войны служил в Английском посольстве. А теперь ушел на покой. Годы.

Они занимали кабинет, отделенный от главного зала занавесками с бахромой. Отсюда хорошо была видна сцена, на которой танцовщица исполняла «танец живота».

Макс отхлебнул вина и продолжал:

— Конечно, надежд немного, но попытаться отыскать ее след — мой долг. Она была для меня не только сестрой, она была мне матерью. Родители умерли от тифа в конце первой мировой войны, сестра вырастила меня, определила в приличный пансион, мечтала, чтобы я поступил в университет. Собственно говоря, ради меня она и нанялась в семью этого дипломата, а он, уже перед самой войной, получил назначение в Иран. Сестра поехала с его семьей. Потом война. Я не имел от нее больше ни одного письма. Не стану скрывать от вас: только ради сестры я и принял предложение сопровождать тело старика Дарьуша.

Послышался стук, Макс отворил дверь, и в кабинет вошел седловатый перс.

— Мой друг из Английского посольства, — представил вошедшего Макс. — Мадам Мари Луни; переводчица.

Перс уселся за стол, бросил на колени салфетку и принялся накладывать закуски, а Макс тем временем налил ему стопку водки. Перс выпил и крикнул:

— Скажите ему, что я нашел человека, который сведет его теми двумя!

Мари перевела.

Макс подался вперед.

— Они могут помочь?

— Они могут, но боятся. Надо договориться.

Макс не отрываясь смотрел на перса. Тот жевал и поглядывал на подмостки. Там извивалась, словно змея, танцовщица в прозрачных одеждах.

Близилась ночь. Они сидели в хранилище древних рукописей и манускриптов археологического музея. Верхний свет был гашен, и только маленькая настольная лампа освещала темные фигуры Андре, Ермолина и Кости.

— Все его действия доказывают, что он одиночка, — говорил Ермолин. — Он не имеет никакого контакта с немецкими агентами живущими в Тегеране. Только с местным населением. Все до последней мелочи делает сам. Очень хитер и осторожен, но у него есть одно слабое место: он не знает персидского языка. Таким образом он вынужден пользоваться услугами переводчицы.

— Да-да, — сказал Андре, — это крайне связывает его действия.

— Тут есть еще одно любопытное обстоятельство, — сказал Ермолин и постучал папиросой о коробку. — Он специально просил адвоката, чтобы тот взял с собой переводчицу.

— Да-да, я это знаю. Она говорила это мне сама.

— Ты не видишь в этом ничего странного?

— Нет.

— Напрасно. Дело в том, что в этом не было никакой необходимости.

— То есть, как?

— Очень просто. Зачем было тащить ее с собой в такую даль? Ведь было бы совсем просто найти переводчика на месте.

— Разумно. Я как-то об этом не подумал.

— В том-то и суть, что Макс не хотел пользоваться услугами случайных переводчиков. Он стремился исключить возможность всяких неожиданностей. Что касается Мари, то она очень удобна, ведь знакомы ей в Тегеране всего два человека: Дарьлюш-младший и ты. Самого Макса и погибшего адвоката я, конечно, не беру в расчет.

— Да, — сказал Андре, — ты прав. Он очень предусмотрителен.

— Но он не мог предвидеть, что тебе придет в голову угостить ее кофе.

— Да, — Андре засмеялся, — этого он не мог предвидеть. Это случай!

Шофер распахнул дверцы. Как и он сам, машина его отличалась внушительностью. Хотя модель была старая, никаких сомнений быть не могло: принадлежала она некогда весьма значительному лицу.

— Он хотел покататься по городу, — напомнил перс.

Мари перевела, и Макс сказал:

— Охотно.

Освещены были только центральные улицы.

Стоило свернуть в переулок, и машина оказывалась в кромешной тьме. Желтые круги фар ползли по унылым фасадам. Ехали молча. Лишь однажды перс нарушил молчание:

— Слева — Английское посольство, справа — Советское.

Мари перевела, и больше никто из них за всю дорогу не произнес ни звука. Машина кружила по переулкам, то в одну сторону, то в другую... но каждый раз вновь возвращалась на уже знакомую улицу. Макс пристально вглядывался в темноту.

— Все, — сказал он наконец. — Спасибо. Теперь Али.

— Хорошо, — сказал шофер. — Он ждет.

В последний раз фары вырвали из ночного сумрака ограду Английского посольства, черные стволы деревьев в парке, охраняю у ворот, и машина свернула к окраине города.

— Вы помните мое условие? — спросил Макс. — Я не хочу, чтобы он знал меня в лицо. Надо сделать так, чтобы я его видел, а он меня — нет.

— Я это предусмотрел, — сказал шофер.

Мари переводила их разговор машинально, думая о чём-то своём.

Некоторое время машина двигалась с большой скоростью, тем резко затормозила.

— Сейчас, — сказал шофер. — За поворотом, справа, будьте внимательны.

Машина свернула в узкий переулок. Справа у самого поворота раскачивался уличный фонарь. Рядом стоял человек. Он был большого роста, худой, но в его жилистом теле чувствовалась огромная сила и ловкость.

— Это он, — сказал шофер. — Вы хорошо его видите?

— Да, — сказал Макс.

— Запомните его лицо, не спешите. Нас он не видит — в темноте, да и машина стоит так, что в стеклах отражается фонаря. — Он повысил голос. — Эй, Али, подойди чуть ближе.

Али сделал шаг вперед и улыбнулся, показав белые зубы.

— Спрашивайте, он ждет, — сказал шофер.

— Это возможно? — спросил Макс приглушенным голосом. Мари перевела.

— Да, это возможно, — ответил Али. — Те двое согласны.

— Вы принесли? — спросил Макс.

— Да, я принес, — сказал Али. Он вынул лист бумаги, сложенный вчетверо, но не двинулся с места. Он стоял и смотрел своими черными глазами на стекла машины, сквозь которые едва различали очертания женского лица.

— Мари, будьте любезны, возьмите у него листок и передадите ему это.

Мари открыла стекло, взяла листок, на котором было напечатано что-то вроде схемы, и передала Али толстый конверт.

Али сунул его за пазуху и поклонился.

— Те двое готовы встретиться с вами.

— Когда?

— Завтра. Около десяти. В кофейне «Тысяча и одна ночь». Машина сорвалась с места.

Коренастая фигура Али растаяла в ночной мгле.

Мари, усталая и встревоженная, неподвижно сидела, прислонившись к холодной дверце машины.

Макс, словно почувствовав её настроение, спросил:

— Вы чем-то расстроены, Мари?

— Нет, — сказала она и замолчала.

По пустынному коридору гостиницы шел человек в длинном пальто с поднятым воротником. Он не торопясь огляделся, заинтересованно ринулся в сторону, одним движением встав

ключ в замочную скважину, повернул его, открыл дверь и скрылся в номере. Там так же ловко и быстро, с помощью карманного фонарика, он начал обыск.

В холле гостиницы они попрощались.

— Спасибо вам большое, — сказал Макс.

— Не за что, — сказала Мари сухо.

Она уже собралась уйти, когда он вдруг окликнул ее:

— Простите, Мари, я хотел поговорить с вами две минуты.

Мари остановилась и молча посмотрела на него.

— Вам может показаться странным, что я встречаюсь с какими-то подозрительными личностями...

— Да, признаться, все это мне очень неприятно.

— Прошу вас, поймите меня правильно. У меня нет выхода. Официальные розыски потребуют уйму времени. Поэтому я решил избрать другой путь. Мой друг свел меня с нужными людьми. Конечно, это будет стоить дороже, но что поделаешь — здесь свои законы.

— Да-да, я понимаю, и все же мне как-то не по себе. Если бы вы могли обойтись без меня...

— Мари, прошу вас, без вас я просто погибну. Как назло, все они не знают ни слова ни на одном языке, кроме своего паршивого фарси.

— Извините, — сказала Мари устало, — но я больше не смогу вам переводить.

— Поймите, я сам стесняюсь того, что мне приходится иметь дело с этими людьми... Мне было бы очень неприятно, если бы кто-нибудь узнал о моих связях.

— Хорошо, я никому не скажу. Спокойной ночи.

Мимо них быстро прошел человек в длинном пальто с поднятым воротником. Это был Костя.

Они сидели в хранилище археологического музея.

— Вещей у похоронного агента — раз-два, и обчелся, — сказал Костя. — В чемодане оказалось две пары белья, свитер, еще кое-какие вещички первой необходимости. Ни оружия, ни документов нет. Подвернулась, правда, записная книжечка, где были помечены хозяйствственные расходы, хотел было положить ее на место, но вдруг на глаза попалась страничка, испещренная цифрами... Сначала показалось, что это записи какой-то игры. Затем подумал, что это шифр. Одним словом, насторожила страничка. Вот посмотри. Я срисовал.

Андре стал внимательно изучать листок. На нем наверху была написана и обведена жирным кругом цифра «30». Сбоку от нее, сверху вниз, шла колонка цифр от единицы до тридцати двух. Часть из них, от первой до восемнадцатой, была перечеркнута.

— Вот и все.

Андре склонился над цифрами.

— Ну и что же ты по этому поводу думаешь?

Костя только плечами повел в ответ.

— В чем тайный смысл этих цифр? Что означают они: расстояние, вес, стоимость, время? Что?

Могильщик медленно двигался, стараясь держаться у самой стены. Улица была совершенно темна, и глаза никак не могли разглядеть очертания предметов на расстоянии трех метров. Внезапно из темноты раздался хриплый негромкий голос:

— Могильщик!

— Я.

Перед ним, словно из-под земли, вырос слепец с поводырем.

— Почему опаздываете?

— В городе опасно. Пришлось кружить.

— Опаздывать нельзя.

В темноте они тщетно старались разглядеть друг друга.

— Вы должны были похоронить Дарьюша.

— Похоронил.

— Был ли на похоронах фотограф?

— Фотограф был.

— Мне нужны фотографии всех, кто сопровождал гроб. Кроме того, я должен знать, в какой гостинице они остановились. Номера комнат и телефонов. Это все.

— Слушаюсь. Мулла просил передать: «Хозяин фотографии»

Мустафа — человек, который подходит».

— Хорошо. Больше ко мне не приходите.

— Но я получил шифровку Центра.

— Они кретины. Я сам вас найду, когда будет нужно.

Они уже готовы были расстаться, когда в безмолвие базарных закоулков вдруг ворвался рев моторов. Машины появились с погашенными огнями, одновременно со всех сторон. Солдаты, спрыгнувшие на землю, бесшумно оцепили чайхану Абдул-Гамида и перекрыли все соседние переулки. Это заняло несколько мгновений. Снова стало тихо, и в этой тишине группа советских офицеров быстро проследовала в чайхану.

— Проклятье! — вырвалось у могильщика.

А слепой на всякий случай зажал мальчишке рот.

В заведении Абдул-Гамида тем временем шла операция по захвату немецких агентов. Троих удалось взять спящими. Они и опомниться не успели, когда их подмяли и скрутили.

Четвертого прихватили с малолетней проституткой, она визжала и металась в белой простыне, точно привидение, а он даже не

успел дотянуться до автомата. Остальные отстреливались. Палили в темноту наугад.

Глухонемой детина, высадив стулом окно, выпрыгнул со второго этажа и, перемахнув через забор, бросился в темноту. Пуля настигла его, но он продолжал бежать, прыгая на одной ноге, будто играл в скакалку.

Могильщик и слепой меж тем пересекли темный закоулок и побежали узкой щелью, стиснутой рядами лавок и мастерских. На первом же перекрестке Шернер остановился. Что-то мешало бежать.

— Черт... привык к нему, как к самому себе.

Он достал нож и одним ударом перерубил веревку, которой был связан с поводырем. Мальчишка долго смотрел им вслед. Он стоял как вкопанный, словно не понимая, как же ему теперь быть одному.

Шернер бежал неслышно, как кошка. Могильщик чуть отставал от него и задыхался. Прыгая через несколько ступеней, они спустились в какое-то подземелье, потом выбрались на площадь Туп-Хане. Здесь, на нагретых за день каменных плитах, вповалку спали бездомные. Оглянувшись, Шернер и его спутник юркнули в это месиво и улеглись. Вокруг копошились, кряхтели, стонали. Беглецы прижались к каменным плитам и замерли. Стало зябко, но они вскоре заснули, обняв друг друга.

Они сидели в архиве археологического музея, склонившись над листком бумаги с загадочными цифрами.

— Попробуем предположить, что «30» — это число месяца. Допустим, 30 ноября.

— Что же тогда означает столбик из тридцати двух цифр? Все, что угодно, только не дни месяца, их не может быть тридцать два.

— Погоди, погоди... А что если попытаться к 30 ноября прибавить тридцать два дня?

— Получится 31 декабря, новый год. Бессмысленно. Конференция к этому времени закончится.

— Если же отнять, получится 28 октября. Число абсолютно рядовое и ничего не значащее. — И вдруг словно вспышка осветила сознание Андре. — 28 октября — день нашего приезда в Тегеран.

Костя выпрямился, уставился на него.

— Что же тогда означают зачеркнутые цифры?

— Возможно, ушедшее время. Сегодня 16 ноября. Стало быть, со дня приезда прошло восемнадцать дней. Это точно соответствует количеству зачеркнутых цифр. Осталось четырнадцать дней. И эта цифра совпадает с количеством незачеркнутых.

Андре умолк. Молчал и Костя.

— Итак, что-то должно произойти 30 ноября. Но что? И почему именно тридцатого? Не двадцать девятого, не первого, а именно тридцатого?

В этот момент скрипнула дверь и в комнату вошел Ермолин. Он устало опустился на стул. Костя и Андре вопросительно взглянули на него.

— Слепой ушел, — сказал Ермолин хмуро. — Остальные арестованы или застрелены, а слепой ушел.

Когда Мари вошла в холл, Макс поспешил встать.

— Здравствуйте, я жду вас. Завтра вечером у меня важная встреча. Я надеюсь на вашу помощь, — сказал он, и Мари сразу почувствовала что-то новое в его тоне.

— Хорошо, — сказала она и тут же увидела, как дверь в комнату убитого Симона отворилась и оттуда, гремя ведром, вышла горничная.

— Вы все еще думаете о нем?

— Разумеется. О чем же еще можно думать?

Макс вздохнул.

— У меня тоже не идет из головы бедняга Симон. Иной раз даже закрадывается сомнение в том, что он жертва грабежа. Всегда посещает мысль: а может быть, он погиб потому, что не умел держать язык за зубами?

— Что вы хотите этим сказать? — Мари отступила на шаг.

— Ничего особенного, просто у людей нередко бывают приятности, если они не умеют молчать.

Он ушел, а она осталась посреди холла. Здесь ее и застал Андре.

— Добрый вечер, — сказал он.

Мари не ответила.

— Добрый вечер, — повторил он.

Она вздрогнула.

— Вы что-то сказали? Извините, я не слышала.

— Я поздоровался.

— Ах да. — Мари кивнула. — А я думала: кто же все-таки убил адвоката Симона?

— Я тоже все время размышляю об этом. Я убежден: это не грабители. Что-то совсем другое скрывается за его убийством. Поэтому я решился кое о чем спросить вас. Может быть, это поможет докопаться до истины.

Мари только покосилась на него, но не сказала ни слова.

— И мне хочется вас спросить. — Мари не мигая смотрела в глаза Андре. — А это не вы убили адвоката Симона?

— Я? — Андре даже растерялся.

— Да, вы.

— Я не убивал адвоката Симона, — сказал Андре.

— В ту ночь вас не было в отеле, и я подумала, что это вы. Но сегодня я уверена, что это другой... Я даже знаю, за что его убили, — сказала Мари. — Он не умел держать язык за зубами.

— Это возможно, — сказал Андре, — но...

— А вы умеете держать язык за зубами?

— Да.

— А я нет. Я тоже не умею.

И Андре понял: она решилась ему что-то рассказать.

— Пойдемте на базар.

— Вы хотите что-нибудь купить?

— Нет. Просто я хочу туда, где много людей.

Базарная толкучка обступила их, стиснула, оглушила незатихающим гомоном.

Человеческий поток подхватил их и понес нескончаемыми зажоулками лабиринта под названием Эмир. Он выплескивал их то у одной лавочонки, то у другой. Они приглядывались, прислушивались, приценивались. Так было до тех пор, пока Мари вдруг не заметила Макса. Похоронный агент нетерпеливо поглядывал по сторонам. Очевидно, поджидал кого-то.

Мари схватила Андре за рукав и втянула в первую попавшуюся на глаза дверь.

Спустившись на несколько ступеней, они оказались в полутемном помещении с крохотным оконцем под потолком. Глаза не сразу привыкли к темноте. Постепенно из полумрака стали про-

ступать лики богов. Они были повсюду, куда ни глянешь. Божества, писанные красками, вырезанные из дерева, высеченные в камне, Божества разных стран света, разных племен и народов. Божества нынешние и давно ушедших эпох. Языческие, христианские, буддийские и великое множество иных.

Наконец один из этих ликов ожила, шевельнулся.

— Вы хотите что-нибудь приобрести? — Очевидно, это был хозяин лавки религиозной утвари.

— Мы хотели бы посмотреть, — сказал Андре.

Хозяин закрыл глаза и вновь превратился в изваяние. От долгого сидения в подвале лицо его было восковым.

Мари привстала на цыпочки. Через окошко под потолком она увидела... как к Максу подошел седой перс.

— Седой человек — шофер из Английского посольства. Они уже встречались. Он помогает ему разыскать сестру, которая до войны служила здесь нянькой в семье английского дипломата. Он знакомит его с людьми, которые могут помочь. Сегодня вечером, например, будет встреча в кофейне «Тысяча и одна ночь». Я буду переводить. Хотите, я вам расскажу, о чем они будут говорить?

— Я боюсь этого человека, — продолжала Мари. — Это он сказал, что Симон не умел держать язык за зубами.

— Я так и подумал, — сказал Андре.

— Но я тоже не умею держать язык за зубами!

Мари схватила Андре за руку и потащила в темноту. Они присели у ног какого-то языческого идола. Со всех сторон на них смотрели застывшие глаза святых.

— Хозяин не прогонит нас?

— Ведь мы не мешаем ему?

— Кажется, нет. Он спит.

С улицы доносились гудение базара. Мари сидела, скавшись в комок, и Андре ощущал ее дрожь. Потом она заговорила:

— Человек не может без бога. Бог нужен ему, как хлеб. У моего отца были свои боги, у матери — свои. Они много бродили по белу свету, и, куда бы мы ни приезжали, там тоже были свои боги. Потом отец приобрел магазинчик церковной утвари, примерно такой же, как этот, и богов уже оказалось так много в этом мире, что мне пришлось придумывать им имена. Я была маленькая и играла с ними, как с куклами. Вскоре они даже стали сниться мне. Хотите, я расскажу вам свои сны?

— Да.

— Когда я была маленькой, они приходили ко мне каждую ночь...

Тем временем похоронный агент и его спутники отошли к ковровой лавке и растворились в толпе.

Мари между тем вдруг прервала рассказ о своих снах и снова покосилась на окошко под потолком. Она заговорила торопливо, словно боялась, что не успеет сказать:

— Это началось давно, с того самого дня, когда я приняла предложение мэра Симона. Каждый час, каждый день, каждую минуту я жду чего-то ужасного. Ни на мгновение меня не оставляет чувство, что вокруг меня, где-то рядом происходит нечто чудовищное. И теперь я не сомневаюсь: тучи сгущаются надо мной.

И Андре вновь ощутил ее дрожь.

— Вы должны уехать отсюда, и немедленно. Что вас держит? Господина Симона нет. Ваш контракт потерян силу. Я постараюсь помочь с билетом на самолет. Если повезет с погодой, уже завтра вы будете в Женеве, а еще через день — Париж.

— Да, да, да, — твердила она.

В проходе между языческими идолами вдруг появился хозяин. Шаги его были неслышны.

— Очень жаль, — сказал он. — Но я закрываюсь.

Мари и Андре встали. Она сказала:

— Простите. Мы так ничего и не выбрали.

— Это ничего. Может быть, зайдете еще.

— Конечно. Здесь у вас хорошо.

— Я дам вам на память этот сувенир.

Дешевая ладанка на тесемке. Божья матерь с младенцем.

— Спасибо вам. Спасибо.

Отворилась дверь, и сквозь белый проем на них обрушились рассерженные голоса торжища.

Когда Костя вошел в хранилище археологического музея, Ермоловин встал ему навстречу.

— Ну?

— Записной книжки в номере нет.

— Где он сейчас?

— Вот-вот должен приехать в кофейню «Тысяча и одна ночь».

— Хорошо.

Уже сгущались сумерки, когда таксист притормозил у кофейни «Тысяча и одна ночь».

— Здесь, — сказал он.

Макс повернулся к Мари.

— Пойдемте.

Они выбрались на тротуар и вошли в кофейню. Макс сразу определил хозяина. Это был рыхлый человек с бабьим лицом. Он стоял за стойкой, на которой громоздились горки восточных лакомств.

— Меня должен ждать старик Юзбashi с сыном.

— Ждут.

Хозяин вошел в дверь за стойкой, и Макс с Мари последовали за ним. Один из посетителей, поджарый старик с морщинистым лицом, проводил их долгим и внимательным взглядом.

Хозяин кофейни, Макс и Мари тем временем миновали дымную кухню, где в медных чанах варила халва, и по узкой лестнице поднялись на второй этаж. Там был коридор с множеством дверей. Сюда не возбранялось заглянуть с веселой девицей, здесь можно было спокойно выкупить трубку-другую опиума. В одной из комнат Макса поджидал старик Юзбаши с сыном. Хозяин поклонился и спустился вниз. Когда хозяин вышел в зал для публики, поджарый старик встал из-за столика и прошел в дверь за стойкой. Затем он поднялся на второй этаж... и шмыгнул в комнату рядом с той, где находились Макс и Юзбаши с сыном. Большую часть ее занимала широченная тахта, рядом, на треногом табурете, находились фаянсовый кувшин и таз. Из-за перегородки доносился неясный говор.

Через несколько минут дверь в кабинет отворилась и Мари вышла в коридор.

— Скоро комендантский час, — сказал Макс, — вам надо возвращаться в отель. Внизу ждет такси, шофер довезет вас. Спасибо.

Мари уже двинулась к лестнице, когда он остановил ее.

— Я могу показаться назойливым, но я все же хотел бы еще раз напомнить вам, почему погиб адвокат Симон.. Пожалуйста, не забывайте об этом. Я очень тревожусь за вас.

Ничего не сказав, Мари спустилась вниз.

Между тем поджарый старик жадно прислушивался к каждому шороху. Из-за перегородки не было слышно ни звука. Приоткрыл дверь и убедившись, что в коридоре — ни души, старик неслышно проскользнул в соседнюю комнату. И Макс и оба перса были в тяжелом наркотическом забытьи. Их кальяны еще дымились. В пиджаке, повешенном на спинку стула, старик нашарил записную книжку, полистал страницы, сунул ее обратно и юркнул в коридор. Глаза Макса теперь были открыты и не мигая смотрели на затворившуюся дверь.

Машина, как было условлено, ждала в переулке. Когда старик подошел, дверца отворилась, он сел в машину. Заговорили уже отъехав, на ходу.

— Еще одно число зачеркнуто, — сказал старик.

— Это значит, что все подтверждается, — сказал Андре. — Удалось ли услышать их разговор?

— Лишь отдельные слова. Несколько раз упоминалось Английское посольство.

Темные улицы были безлюдны. Город казался вымершим.

— Итак, 30 ноября, Английское посольство, — медленно проговорил Андре.

Спустя некоторое время — еще раз:

— Тридцатое ноября, Английское посольство.

— Но почему именно тридцатое, черт возьми? — спросил Костя.

Как и в первый вечер, Андре увидел Мари, поднимаясь по лестнице. Она сидела на ступеньке, обхватив колени.

— Почему вы здесь?

— Я жду вас. Мне страшно.

Они пересекли холл... и вошли в номер.

— Только не зажигайте свет, — сказала Мари.

Чтобы привыкнуть к темноте, они долго стояли на пороге. За окном была чернота, а в комнате темень была еще гуще, чем за окном. Разговаривали шепотом:

— Он еще раз напомнил мне, что мы похоронили мсье Симона.

— Будто вы сами не знаете об этом.

— Думаю, он хотел, чтобы я не забывала, за что убит адвокат Симон.

— Вполне возможно.

Постепенно в темноте стали обозначаться неясные очертания предметов.

— Поверьте мне: вы должны бежать отсюда, бежать без оглядки, — сказал Андре. — И чем скорее, тем лучше.

— Да, да, конечно, — сказала Мари. — Я уже решилась.

Казалось, мысль эта захватила ее целиком. Она вытащила из-под кровати чемодан и стала бросать в него вещи. И когда все было собрано, вдруг спохватилась:

— Но ведь по контракту я обязана находиться здесь все сорок дней траура.

— С родственниками можно договориться, они поймут. Важно другое: нельзя терять ни одного дня. Надо попытаться улететь завтра.

Захлопнулась крышка чемодана. Щелкнули замки. Мари устала села на кровать.

— Сначала я не могла понять: почему нужно все время находиться с этими людьми и почему я должна оплакивать вместе с ними незнакомого человека. В первые дни это меня даже сердило, не хватало сил высидеть эти поминки, выдержать этот плач, я тяготилась всем, что происходило вокруг. Особенно неловко было мне за женщин, которые плакали. Я знала, что их наняли, что им специально платили за слезы. Было в этом что-то постыдное, словно их пригласили для участия в спектакле. А потом я подумала: господи, да ведь у каждой из них есть свои мертвые. И от этой мысли стало легче, словно гора свалилась с плеч. Теперь я могла часами быть на поминках этого старого перса, потому что думала о своем. Вспоминала мужа, которого расстреляли немцы. Я не видела его мертвым и не знаю, где он похоронен. Думаю, что и могилы у него нет, потому

му что убийцы не любят оставлять следы. Потом вспоминала матери и отца, давным-давно покинувших этот мир, так и не найдя в нем пристанища. Вставали в памяти и многие другие — мои знакомые, знакомые моих знакомых, умершие давно или недавно. Ну а потом стала думать о миллионах людей, которых никогда не видела: убитых, замученных, сожженных в годы этой страшной войны. А когда после этого я возвратилась мысленно к старому Дарьошу, умершему или убиенному — кто знает, — сердце мое наполнилось болью. И я поняла в этот момент: все наше, все общее в этом мире — все мое — и печаль, и боль, и беда, и радость, и любовь. Все

Вдруг послышался шорох, Мари умолкла. Прошло несколько секунд, и шорох повторился. Она схватила Андре за руку, потянула за собой. Теперь они стояли за выступом шкафа.

Донесся скрип, и они увидели, как отворились створки окна. Время тянулось медленно, секунды казались часами. Наконец в проеме окна появился черный контур человека.

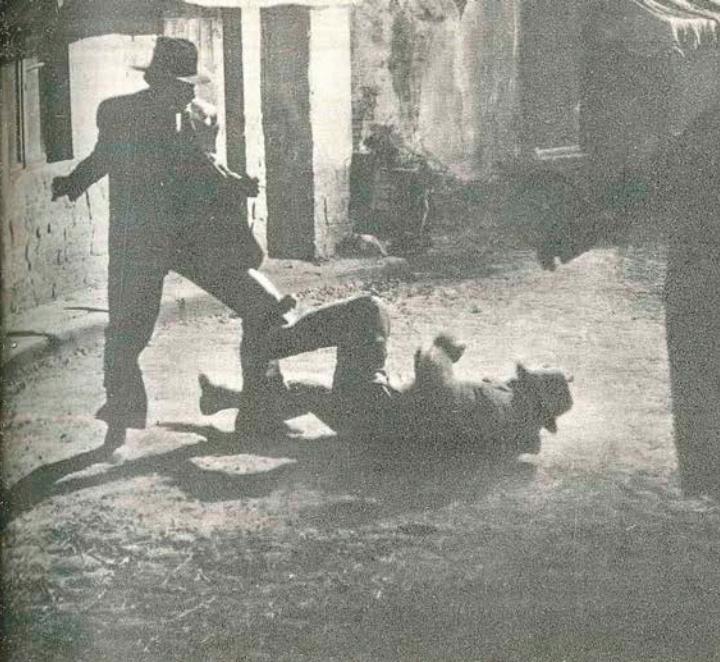
Мари не выдержала, крикнула. Человек исчез. Андре сорвался с места и перепрыгнул через подоконник. По второму этажу, вдоль всего отеля, тянулась галерея с навесом от солнца. Там он увидел человека, который, перемахнув через перила, повис на руках, спрыгнул вниз. Андре повторил каждый его шаг, каждое движение. Но, когда очутился внизу и огляделся, вокруг уже не было ни души. Казалось, человек провалился сквозь землю. Рядом была подворотня. Андре почувствовал, что он здесь, за углом, в двух шагах. Ему отчетливо представлялось, как тот стоит, вдавившись спиной в стену, в руке — нож или пистолет, но, вероятнее, нож, потому что лучше проделать все без шума. Нужно было как-то выманить его из укрытия. А из-за угла между тем не было слышно ни звука. Андре понимал, что нервы этого человека, как и его нервы, натянуты до предела, достаточно любой неожиданности, чтобы он ринулся вперед. Андре снял пиджак и, чуть подавшись вперед, швырнул его в проем арки. Расчет был верен. Человек выпрыгнул из-за угла. Андре повис на нем.

Это была долгая схватка, жестокая и беспощадная, не на жизнь, а на смерть. Они потеряли в борьбе много сил, оба были изнурены до крайности, и ни один уже не мог нанести противнику смертельного удара. Бессмысленная эта возня продолжалась до тех пор, пока из окна над их головами вдруг не вырвался крик:

— Полиция!

И сразу же донесся топот подкованных каблуков.

Не сговариваясь, они отпустили друг друга и бросились бежать. Так случилось, что в этой схватке не оказалось ни победителя, ни побежденного. Пожалуй, никогда прежде Андре не ощущал такой очевидностью, что ему предстоит иметь дело с человеком необыкновенной выдержанки.

Он остановился у номера Мари и, приблизившись к двери вплотную, позвал громким шепотом:

— Откройте, Мари...

Он знал: на стук она даже не подойдет к двери. Мари открыла и, отступив на шаг, впустила Андре в комнату.

— Ничего особенного, — попробовал пошутить он. — Небольшая утренняя прогулка.

— А я уже боялась, что не увижу вас больше.

Спохватившись, Мари закрыла дверь.

— Теперь они вам этого не простят. Они захотят убить вас, как хотят убить меня. И они убьют нас обоих, как убили Симона. Они ни перед чем не остановятся. Есть только один выход: вы тоже должны бежать отсюда. Я все продумала. Мы улетим вместе. Сейчас же, не откладывая ни на минуту. Мы возьмем такси, и поедем в аэропорт, и будем ждать самолета. День, два, три — сколько понадобится. Все-таки там спокойнее, чем здесь. Там много людей, там полиций, там, наконец, солдаты.

Андре покачал головой.

— Я не могу.

Он произнес это осторожно, но Мари сразу же умолкла, потому что поняла: ничего изменить нельзя. Она подошла к чемодану и стала молча вынимать вещи.

— Я тоже остаюсь.

Андре шагнул к ней, взял за плечи, повернулся к себе. Мария плакала, уткнувшись лбом в его грудь.

— Это я навлекла на тебя беду, одна я.

Он гладил ее по голове и говорил, говорил:

— Не плачь, не плачь... Зачем ты плачешь?

Сразу же за поворотом, у обочины, стояла машина на домике. Костя притормозил и остановился. Андре вышел из автомобиля, подошел. Шофер, скосив глаза, кивнул на дорожку, уходившую в горы. Тропка, петляя, вела Андре все выше и выше. Наконец он увидел Ермолина. Тот сидел на камне и курил. Поздоровались молча. Андре сел рядом.

Перед ним, как на ладони лежал Тегеран. Стиснутый грядущий город распластался в громадной чаше, придавленный к земле серыми тучами. Отсюда была видна и северная, европейская часть города с ее бульварами, особняками, многоэтажными отелями, южная часть, сохранившая черты древнего восточного города, кривыми улочками и торчащими к небу минаретами.

— Новости? — спросил Ермолин, прикуривая от одной сигареты другую.

— Есть, — сказал Андре и протянул потрепанную книгу. — Английский календарь для школьников на сорок третий год.

— Я должен посмотреть 30 ноября?

Андре кивнул, Ермолин стал листать страницы. Нашел, прочитал:

— «Шестьдесят девять лет назад родился премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль».

— Это означает, что вечером 30 ноября три лидера соберутся за праздничным столом в Английском посольстве.

— Во всяком случае, немцы сделали на это ставку. И думаю, не ошиблись. Расчет верен.

— Мы можем теперь ответить на два вопроса: когда и где? Английское посольство, 30 ноября. Но мы не знаем ответа на самый существенный: как? Каким способом похоронный агент предполагает проникнуть на территорию Английского посольства?

— Проникнуть туда невозможно, это ясно даже младенцу. Оба посольства окружены несколькими кольцами охраны.

— Однако ведет он себя очень уверенно. Все это заставляет думать, что такой способ есть. И ему он известен.

— Да-да, ты прав.

— В таком случае, ты должен дать команду: похоронного агента задержать.

— Нет.

— Завтра двадцать седьмое — день приезда «Большой Тройки». Этого человека нельзя оставлять на свободе.

— Послушай, Андрей, у меня уже давно нет сомнений, что у немцев сложный многограновый замысел. Есть у них и страховочные, и дублирующие варианты.

— Да, но Макс — одиночка. Он не связан с другими участниками заговора.

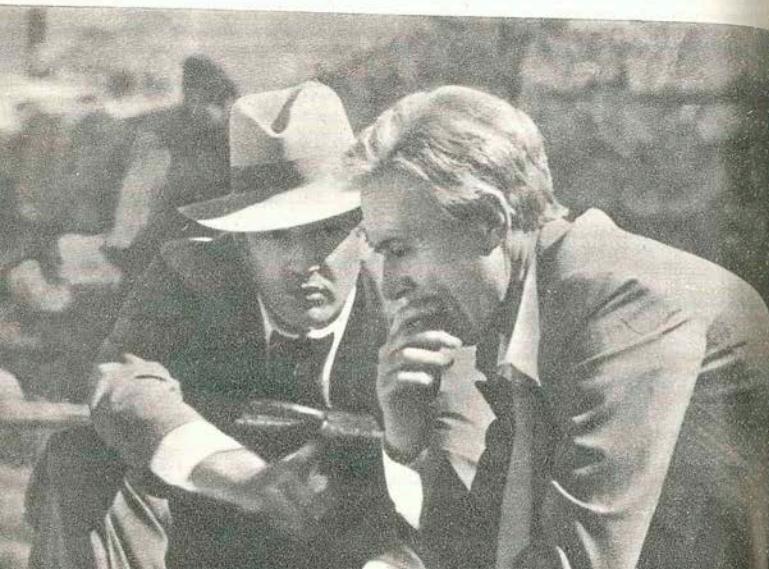
— Верно. Но есть человек, который посвящен во все и руководит всем заговором в целом, в руках этого человека все нити, и именно он нам важнее всего. Похоронный агент по меньшей мере однажды вынужден будет вступить с ним в контакт. Нам остается ждать, когда они встретятся.

— А если этого не произойдет?

— Нет. Они должны встретиться обязательно. Дело в том, что у похоронного агента есть лишь маленький дамский браунинг, совершенно непригодный для такой цели, как покушение. Это установлено абсолютно точно. Значит, он наверняка в последний момент будет снабжен специальным оружием. И оружие передаст ему именно тот человек. Третьего подключать просто безумие. Вот та ниочка, которая не должна оборваться.

— Все это так, но завтра двадцать седьмое.

— Что ж, у нас остается два дня, и мы должны найти ответ на главный вопрос: как похоронный агент собирается попасть на день рождения сэра Уинстона Черчилля? Как?

Они умолкли.

Внизу, у их ног, лежал Тегеран, город, которому предначертано было в ближайшие дни сыграть свою роль в мировой истории.

1978 год. Лондон. И вновь на экране хроника — выцветшая, исеченная царапинами, словно дождем. На полотне оживали события 27 ноября 1943 года. Прибытие в Тегеран Рузвельта.

— Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин, — комментировал голос Легрэна. В то же время сам президент без всякой охраны ехал в Американское посольство по окружным улицам и вскоре благополучно прибыл на место.

Стрекотал проектор. Сменяя друг друга, шли на экране кадры прибытия Черчилля. Голос Легрэна продолжал:

— Встреча Черчилля была организована неумело. Английский посланник вез его в своей машине. По пути следования были расположены конные персидские патрули, совершенно бесполезные, только привлекавшие внимание. Полицейская машина ехала впереди и сиреной возвещала о приближении важной особы. Сам Черчилль так описывал свое прибытие в Тегеран: «Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой. Доехав до поворота, ведущего к нашей миссии, мы попали в затор и в течение трех или четырех минут стояли, не двигаясь с места, среди толпы глазевших на нас персов».

В этой толпе был и похоронный агент. Он стоял так близко, что ему стоило лишь протянуть руку, чтобы дотронуться до машины Черчилля. Глаза их встретились, и премьер-министр растерянно улыбнулся, а похоронный агент смотрел на него с каким-то странным выражением — не то с сожалением, не то с любопытством.

За спиной Макса, чуть поодаль, стоял Андре. Его глаза впились в фигуру похоронного агента, улавливая малейшее его движение. Рука Андре скимала пистолет. Он понимал, что опередит Макса и застрелит его раньше, чем тот успеет опустить руку в карман, ибо имел огромную фору: его рука с пистолетом лежала за бортом плаща, Макс же стоял скрестив на груди руки и, видимо, ничего не собирался предпринимать.

До боли стиснув пальцами подлокотники, Андрей Ильич подался вперед. Он смотрел не мигая, словно боялся пропустить малейшую подробность тех давних, почти ушедших из памяти событий.

А толпа на экране колыхалась и наседала, и сквозь это жаркое скопище тел, то пропадая в нем, то появляясь вновь, пробиралась молодая женщина. Наконец ей удалось приблизиться к Андре. Привстав на цыпочки, она силилась через его плечо посмотреть на премьер-министра Великобритании. Это была Мария. Едва она по-

явилась на экране, в зале кто-то сдавленно вскрикнул. Обернувшись, Андрей Ильич увидел молодую женщину, ту самую, которую видел в Париже, у конторы Легрэна. Натали стояла недалеко от двери, и узкая полоска света падала на ее темное лицо. Андрей Ильич вдруг отчетливо понял: она поразительно похожа на Мари. Он невольно привстал, но вокруг зашикали, и он опустился обратно в кресло.

А на экране продолжала свой бег старая кинохроника. Машина Черчилля наконец тронулась. Толпа расступилась перед ней и сомкнулась вновь.

— Впоследствии Черчилль писал, — продолжал Легрэн. — «Даже если бы заранее сознательно намечалось подвергнуть меня величайшему риску и лишить надежной охраны, то едва ли это можно было сделать лучше, однако ничего не случилось. Я улыбался толпе, и, в общем, она улыбалась мне».

После давки в центральной части Тегерана улица, возникшая вслед за этим на экране, казалась безжизненной. Темные громады танков перекрывали все въезды. Вдоль аркана с мутным ручейком стояли часовые.

Голос Легрэна:

— Как проехал в свою резиденцию Сталин, вообще никто не знал.

Экран погас. Вспыхнул свет под потолком. Стали видны дубовые панели вдоль стен, тяжеловесные люстры, кафедра на возвыше-

шении. Все в этом зале аукционного дома «Кристи и Солтэ» внушало ощущение солидности и надежности, все дышало почти религиозной торжественностью. На кафедре восседал аукционист, немолодой человек с землистым лицом. По бокам, за стойками, находились два счетчика.

Аукционист зачитал аннотацию:

— Вниманию публики предлагается только что показанный материал (негатив), а также исторический документ, датированный 1943 годом и подписанный Адольфом Гитлером. В документе — распоряжение приступить к осуществлению операции «Дальний прыжок» (покушение на «Большую Тройку»). Ответственным за проведение операции был назначен человек, звания и имени которого никто не знал. В документе он значится под кличкой Палач. Желающие могут ознакомиться с заключением экспертизы комиссии, подтверждающей подлинность документа.

Вслед за этим аукционист ударил в гонг и выкрикнул начальную цену.

По залу прошелестел говорок. Здесь были любители старины, коллекционеры, владельцы антикварных магазинов, перекупщики и, наконец, просто охотники поглядеть на разного рода редкости. Итак, первая цена была объявлена. Торг начался. Все шло как обычно. Кто-то назвал цифру чуть больше начальной, один из счетчиков выкрикнул ее своим гортанным голосом, потом повторил аукционист, соопровождая счетом:

— Раз! — И снова цифра, и снова счет: — Два!

Цена медленно ползла вверх. Андрей Ильич вдруг увидел, как впереди поднялся и выпрямился во весь рост бритоголовый старик. Он произнес:

— По поручению германского общества любителей военной истории я хотел бы предложить свою цену, — и назвал цену, вдвое большую предыдущей.

В этот момент мадемуазель Эраль, приблизившись к Легрэну, что-то шепнула ему, и Андрей Ильич увидел, что тот встал и вышел в боковую дверь. А торг продолжался. Чей-то голос в задних рядах увеличил цену. И вновь поднялся бритоголовый и вновь удвоил цифру. Его решимость приобрести документ, подписанный Гитлером, не оставляла сомнений.

Счетчик выкрикнул цену, аукционист повторил ее и начал счет:

— Раз! — Снова цена, и снова счет: — Два!

Он уже поднял молоточек, чтобы одновременно со счетом «три» ударить в гонг, но на его плечо легла рука Легрэна. Они пошептались, и, повернувшись в зал, Легрэн устало сказал:

— Мне только что звонили из Парижа. Дело в том, что банк, услугами которого я воспользовался, час назад был ограблен. Рукопись, негатив и документ похищены из сейфа. Кажется, есть жертвы.

Голос его утонул в гулком шуме, в хлопанье стульев и шарканье ног.

Андрей Ильич увидел, как в толпе мелькнула, покидая аукцион, девушка.

Был яркий солнечный день. Андрей Ильич нетерпеливо топтался у края тротуара, пока наконец не заметил зеленый огонек. Машина, так и не доехав до него, прижалась к бортику, и он увидел что ее перехватила все та же девушка. Следующее такси возникло само собой, неизвестно откуда. Раздался скрежет тормозов, и Андрей Ильич обнаружил, что перед ним распахнулась дверца.

— Аэропорт Хитроу, — сказал он.

Город летел навстречу. Был час пик, час сумасшедшей пляски большого города, когда все приходит в движение — беспорядочное и нелепое.

Такси Андрея Ильича остановилось у светофора. Из окна машины он вдруг снова увидел Натали. Она сидела в другом такси отвернувшись, и он едва различал ее профиль сквозь мутное стекло. Зажегся зеленый светофор. Машина рванулась, нырнула в тоннель. Оба такси мчались теперь в тоннеле рядом, и лицо женщины то освещалось тусклым желтым светом фар, то проваливалось в темноту. Наконец машины вырвались из тоннеля, и ослепительный солнечный свет захлестнул их. В тот же миг перед ними возникло огромное здание аэропорта.

Самолет уже выруливал на взлетную полосу.

Андрей Ильич огляделся, удобнее устраиваясь в кресле и пристегивая ремни. Чуть впереди он увидел колючий затылок Легрэна, в соседнем кресле — мадемуазель Эраль, еще дальше — Натали. А в одном ряду с ним сидел бритоголовый немец.

Самолет оторвался от земли и круто пошел вверх. Что-то говорила в микрофон стюардесса, кто-то простуженно кашлял, хныкал ребенок. Андрей Ильич прикрыл глаза и, казалось, задремал. И опять тьма отошла и сквозь толщу десятилетий простирило лицо женщины, потом лицо мужчины и, наконец, лавка церковной утвари, набитая иконами, деревянными скульптурами, медными статуэтками богов и святых. И словно издалека услышал он голос Мари:

— Этот сон приснился мне лишь однажды, а потом, когда он возвращался вновь, я тотчас просыпалась от содрогания. Именно тогда попалась мне в руки одна книга. Я уже не помню ее названия. В ней рассказывалось, как в средние века сжигали на костре еретиков. Их прикручивали к столбу, обкладывали хворостом и сжигали. Вот этот кошмар мне и приснился. Только во сне все перепуталось: сегодняшний город и тягучий церемониал средневековых аутодафе. А жертвой была я. Черные монахи вели меня по совре-

менному городу. Я кричала, но голоса не было, и прохожие, казалось, даже не видели меня. Я хотела бежать, но ноги не подчинялись. Я пыталась сопротивляться, но не могла шевельнуть рукой. Под барабанную дробь меня привязали к столбу. А под навесом, прямо передо мной рядом стояли боги, те самые боги, мои боги. Я молила их о пощаде, заискивала перед ними, но они были глухи и немы. Меня приносили им в жертву, и они ждали, но вот подошел плач, весь в красном. В его руке был факел. Язык огня лизнул мою щеку, и я проснулась.

Вдруг грянул выстрел, крик, полный боли, пронзил тишину, и Андрей Ильич открыл глаза.

По проходу, цепляясь за спинки кресел, шла стюардесса-мулата с подносом в руке. Стаканы на подносе звенели и падали, белый передник был в крови. Сделав несколько шагов, она повернулась и пошла обратно. У двери в пилотскую кабину под надписью «Не курить. Застегнуть ремни!» с пистолетом в руке стоял молодой человек в темных очках. Когда стюардесса приблизилась, он снова выстрелил. Мулатка качнулась, попятилась и рухнула. Андрей Ильич сделал движение, хотел отстегнуть ремень, но бритоголовый немец сказал ему:

— Не стоит спешить. Мы ведь еще не знаем, кто есть кто.

Тем временем молодой человек исчез за дверью пилотской кабины, а на его месте возникла женщина, тоже в темных очках. В руке она держала сверток с биркой «Кабина».

— Всем оставаться на местах, — приказала она. — В случае не-подчинения самолет будет взорван.

В пилотской кабине под дулом пистолета командир корабля объявлял:

— Самолёт захвачен, на борту убитый. Условия пока не предъявлены. Очевидно, политика.

В салоне царило молчание. Лишь кто-то один жалобно, по-собачьи, скулил. Молодая женщина сидела стиснув ладонями голову. Легрэн, казалось, окаменел. Андрей Ильич со своего места видел ее затылок и его профиль. Самолет накренился. Видимо, менял курс, входил в выражение. Андрей Ильич снова прикрыл глаза. Последнее, что он увидел, были светящиеся часы. Стрелки показывали 19 часов 53 минуты. Наступила чернота. Очнулся он от толчка.

— Мы приземлились, — сказал бритоголовый.

Самолет стоял в кольце неподвижных машин. Это были автомобили полиции, службы безопасности, «Скорой помощи», технической помощи, пожарные и множество других.

Сирены смолкли, и в наступившей тишине люди услышали голос командира корабля. Он звучал по радио и сквозь помехи был слышен в полицейской машине. Голос командира перечислял условия, поставленные террористами:

— Первое: освобождение из тюрьмы узника № 37721. Второе: предоставление самолета, полностью заправленного горючим, на котором вместе с освобожденным они смогут покинуть страну, пункт назначения будет объявлен в полете. Третье: выкуп в сумме трех миллионов долларов. Если условия не будут приняты к семи часам утра, лайнер со всеми пассажирами и экипажем будет взорван. И, наконец, четвертое: никаких дальнейших переговоров. Они ждут до семи утра.

Голос смолк, и снова завыли сирены.

Ночной аэродром. Огни взлетных дорожек. Прожектора. Чуть в стороне, на бетонной площадке, темнеет огромное тело самолета. На почтительном расстоянии — машины, люди. Напряженное ожидание.

Это была долгая ночь. В захваченном самолете царило безмолвие. Лишь изредка слышалось бормотание — кто-то молился, доносились всхлипывания — кто-то плакал, то и дело раздавались стоны, полные отчаяния и безысходности.

Сияющие часы показывали два после полуночи.

— Вас, очевидно, огорчило, что так и не удалось заполучить этот документ, — сказал Андрей Ильич и пояснил: — Я видел вас в аукционе.

Бритоголовый старик ответил:

— Это большая утрата. Мои коллеги будут расстроены.

— Никогда не слыхал о существовании вашего общества.

— Уже долгие годы нам не дают официального статуса. Однако мы надеёмся...

— Ваша программа, если не секрет?

— Мы собираем и возвращаем к жизни документы последней мировой войны. Особенно наше общество дорожит материалами, относящимися непосредственно к личности фюрера. К сожалению, большая часть из них уничтожена, но много реликвий нам удалось обнаружить и спасти. Поверьте, это весьма поучительно.

— Не сомневаюсь.

Впереди, едва различимый в полутиме салона, виднелся колючий затылок Легрэна.

Натали, сидевшая в соседнем ряду, перегнулась через кресло и тихо позвала:

— Месье Легрэн, вы не спите?

— Господи боже мой, что за наказание такое! Опять вы?

— Ну вы поняли наконец?

— Вы о чём? Что понял?

— Вы видели мою мать?

— Какую мать? О чём вы говорите?

— Ну рядом с Черчиллем, на экране, в аукционе.

— Мадемузель, вы не в своем уме.

— Да-да, конечно, понимаю, — сказала девушка и неожиданно улыбнулась. — Но вы всегда так спешите, а сейчас... как раз удобный случай.

Бородатый молодой человек с пистолетом скрылся в кабине пилота, а на его месте появился другой.

— Ни для кого не секрет, что нынешнее поколение знает о нем лишь понаслышке. Не секрет, что слюнтия и хлюпушки брезгливо морщаются при одном упоминании его имени и воротят носы, если кто-нибудь произнесет о нем доброе слово. Но, поверьте мне, через тысячу лет о нем будут говорить со священным трепетом, и в этом нет ничего удивительного. Ведь общеизвестны личности, чьи дела вызывали ужас у современников и восхищение у потомков.

— Однако бывает и наоборот: память человечества сохранила много людей и событий, вызывавших восхищение современников, а потом — содрогание потомков. У истории немало причуд. Но место фюреру отведено в ней окончательно.

Девушка смотрела в мутное стекло иллюминатора. Легран сидел откинувшись, с закрытыми глазами.

— Простите, но мне хотелось бы понять... Документ, который вы предполагали приобрести, обнажает еще одно из его злодействий, не так ли? Еще одно убийство.

— Политический террор существовал всегда. Это факт, и факт, как мне кажется, вполне объяснимый. Давайте рассуждать. Человеческая жизнь имеет определенную стоимость. По этой причине она не может не приниматься в расчет в политических разногласиях.

— В своих рассуждениях вы забыли, что существует мораль.

— Наконец-то вы произнесли это слово. Я давно его ждал. У фюрера была своя мораль, из нее он и исходил. Его «фюрер-принцип» гласит: индивидуум оказывает решающее влияние на ход истории, судьбы народов зависят от их лидеров. В этом была его позиция, и именно в ней корни его поступков. Убийство всегда было для него самым очевидным средством для достижения целей. Пожалуй, в этом следует искать истоки современного терроризма. Стоит ли предавать терроризму такое значение? На дорогах за один день гибнет больше людей, чем за долгие годы террора.

— Но там несчастье. А здесь презрение к человеческой личности, цинизм.

— Я не знаю, кто вы, — бритоголовый старик вдруг улыбнулся, — но мне кажется, что наш спор начался давно.

— Я тоже думаю, что мы уже где-то встречались, — улыбнулся в ответ Андрей Ильич. — Нас рассудит история.

— Не сомневаюсь в этом. Поговорим через тысячу лет.

Со стуком распахнулась дверь пилотского отсека, и бородатый молодой человек, успевший сильно выпить, появился с подносом в руках. На подносе стояла бутылка с коньяком и рюмка. Протопав по проходу, он остановился около Натали и уставился на нее. Затем протянул поднос.

— Прошу вас.

— Я не пью, — спокойно сказала девушка.

— Вы мне нравитесь. — Бородач засмеялся, показав крепкие белые зубы.

— А вы мне — нет, — так же спокойно сказала девушка.

— А это меня не интересует. Пошли, — сказал бородач и бросил поднос на пол.

Бутылка покатилась по ковру, оставляя коньячный след. Девушка ничего не ответила. Она отвернулась и стала смотреть в окно, словно он обращался не к ней.

Пассажиры застыли в напряженном ожидании.

Бородач некоторое время тупо смотрел на девушку, затем внезапно размахнулся и ударил ее по лицу.

Девушка не шелохнулась. Она сидела все так же неподвижно, сцепившись в подлокотники, напряженно глядя в окно, где сквозь утренний туман были видны неясные очертания аэропорта.

— Ах ты сука! — сказала бородач задыхаясь. — Я тебе покажу. А ну-ка встань. Живо! Слышишь? Ты что, оглохла?

Он схватил ее за шиворот и потащил за собой. В то же мгновение Андрей Ильич вскочил со своего кресла. Бородач повернулся к нему, выкинув вперед руку с тупорылым наганом, но Андрей Ильич опередил его. Удар был нанесен мастерски. Бородач рухнул на пол, как срубленный топором. Наган ударился о потолок и улетел под кресло. В ту же секунду раздался спокойный неторопливый голос:

— Никому не трогаться с места! Руки — на голову. Не шевелиться!

В дверях отсека пилотов стоял пожилой, интеллигентного вида человек с автоматом в руках. Ствол автомата был направлен в живот Андрея Ильича.

— Застрели его. Застрели скорей! — стонал бородач, пытаясь подняться. — Застрели этого дерзкого старика.

Он уже было поднялся на колени, когда человек с автоматом внезапно сказал:

— Лежать!

— Что? Ты это мне? — Бородач замер на корточках, не в силах понять, что происходит.

— Лежать и не двигаться!

Бородач поспешил лежа на пол и жалобно застонал:

— Ты что, с ума сошел? Я же...

— Молчать, — спокойно сказал пожилой, и бородач мгновенно умолк.

— А вы повернитесь ко мне спиной.

Андрей Ильич медленно выполнил приказание.

— Спасибо, — произнесла девушка побелевшими губами.

— Теперь идите к своему креслу... Так. Хорошо... Теперь сядьте и пристегните ремень. Руки — на голову... Так, хорошо. — И, обращаясь к лежащему бородачу, скомандовал: — Встань! Иди в кабину. — Затем — пассажирам: — Прошу извинить за эту нелепую выходку. Мы не бандиты и не причиним вам вреда. Просто молодой человек выпил лишнего. Напротив, я хотел бы сообщить вам обнадеживающую весть. Власти обещали удовлетворить все наши требования, а это значит, что вы все будете освобождены. Если же нас попытаются обмануть — мы взорвем самолет. Так что ваша жизнь зависит не от нас.

Шернер сидел в маленьком служебном помещении аэропорта. Его выцветшие, белесые глаза равнодушно смотрели в стенку.

Инспектор Фош едва сдерживал охватившую его ярость. Ему хотелось избить этого старика, и сознание собственного бессилия и беспомощности мучило его. Единственное, что он мог сделать, — это подольше не сообщать Шернеру о том, что тот уже практически освобожден, что условия террористов удовлетворены. Фош взглянул на часы и понял, что тянуть дальше нельзя.

— Власти решили обменять вас на заложников, — сказал он сухо.

В лице Шернера не изменилось ничего.

— Я знаю, — сказал он.

— Я бы этого не сделал, — сказал Фош. — Я предпочел бы застрелить вас при попытке к бегству.

— Я знаю, — сказал Шернер. — Я хорошо разбираюсь в людях.

Сквозь предутренний туман к самолету подъехал автобус. Из него на бетонные плиты вышли два полицейских, инспектор Фош и Шернер. К самолету приблизился трап. Дверь распахнулась.

— Перед тем как расстаться, я хотел бы сказать вам следующее. — Фош поежился от утренней прохлады. — Если однажды вам придет фантазия снова приехать во Францию, будьте уверены, я вас буду ждать.

— Не надо драматизировать. Вы для меня совершенно безопасны. Как божья коровка. В вашей стране слишком много демократии.

Шернер повернулся и подошел к трапу. Полицейские вручили ему черный чемоданчик и отошли на почтительное расстояние. Он поднялся, не оглядываясь назад, шагнул в темный проем, и дверь за ним тотчас закрылась. Фош, не отрываясь, глядел ему вслед. Андрей Ильич смотрел на Шернера, который спокойно вошел в самолет. Взгляды их встретились. Андрею Ильичу вдруг показалось, что он когда-то уже встречал этого человека.

Заревели турбины, самолет вздрогнул и покатился по взлетному полю, но навязчивая мысль не оставляла Андрея Ильича ни на мгновение.

Громадный лайнер с ревом поднялся в воздух и сразу скрылся в низких свинцовых тучах.

Летели всю ночь, под утро стали снижаться. В сплошной пелене дождя не было видно ничего, лишь где-то под самым брюхом самолета в мутной мгле мелькали огни аэропорта. Затем колеса ударились о бетонную дорожку и самолет стал резко тормозить. В дверях пилотского отсека появился человек с автоматом.

— Первые три ряда остаются на местах, — сказал он громко, — остальным немедленно покинуть самолет, через задние двери.

Пассажиры кинулись назад по проходу, толкая и давя друг друга.

Они стали поспешно пролезать в двери, скользя и падая, бежали вниз по трапу под густыми потоками тропического ливня. Внизу их ждал автобус. Когда он тронулся, стюардесса заговорила взволнованным голосом в микрофон:

— Город не спал всю ночь. Телевидение и радио до утра не прекращало передач. Террористам обещали автобус, на котором они смогут уехать под прикрытием оставшихся заложников. — Она не умолкала ни на секунду, а Андрей Ильич все думал и думал: где он видел это лицо?

Выходя из автобуса, он оглянулся назад. Громадный лайнер неподвижно стоял под нескончаемыми потоками дождя. Окружив его со всех сторон, застыли машины полиции, «Скорой помощи» и красные пожарные грузовики. Маленький автобус подъехал к самому трапу. Из него вышел водитель и, раскрыв зонтик над головой, потrusил к аэропорту.

В зале для транзитных пассажиров царило радостное возбуждение. Андрей Ильич сразу заметил Натали. Она стояла у окна и смотрела на незнакомый южный аэропорт, за которым виднелась свинцовая полоса моря. Он подошел к ней, стал рядом.

— Простите...

— Вы меня? — Она резко повернулась, секунду смотрела на него, потом вдруг приветливо улыбнулась и сказала: — А-а, это вы? Я вам очень благодарна. Я думала — он меня убьет. Вы видели его

глаза. Он убил бы меня, если бы не вы. А тот, пожилой с автоматом, интеллигентный, — он молодец. Он заставил этого негодяя ползать по полу. Он хотел его унизить...

— Не думаю, — сказал Андрей Ильич, — просто это опытный мерзавец.

— Что?

— Он не мог поступить иначе. Если бы он позволил бородачу встать, тот заслонил бы меня своим телом, короче, перекрыл бы сектор обстрела. Вот и все. Я на его месте поступил бы так же. Хотите кофе?

Они сидели за маленьким столиком и пили крепкий кофе.

Она болтала без умолку — у нее было радостное, возбужденное настроение.

— Послушайте, вы знаете, на кого нас обменяли?

— Нет.

— Какая-то таинственная фигура. Смотрите, что здесь пишут: «Срок его пребывания в тюрьме должен был кончиться через месяц...»

— Не может быть. — Андрей Ильич не поверил своим ушам. — Зачем же понадобилась вся эта история с похищением самолета, если через месяц он и так вышел бы на свободу?

— Вот в том-то и дело, что понять этого нельзя. Абсурд.

— Видимо, в его действиях есть какой-то тайный смысл...

— А знаете, мне даже нравится вся эта история, — неожиданно сказала она, радостно улыбаясь.

Андрей Ильич смотрел на нее не отрываясь, и какое-то странное чувство наполняло все его существо. Казалось, что естественный поток времени нарушился, распался и что-то сместилось в неизбежном течении лет.

Он видел перед собой Мари, совсем не изменившуюся, молодую, словно годы не коснулись ее.

— Почему вы на меня так смотрите?

— Как смотрю?

— Странно.

— Ваша фамилия Луни, — не то спрашивая, не то утверждая, сказал Андрей Ильич.

Девушка мгновенно изменилась. Ее словно подменили. От радости и возбуждения не осталось и следа.

— Откуда вы взяли?

— Видите ли, я вас сразу узнал.

— Узнали? Разве мы были знакомы раньше?

— Нет, но я... дело в том, что я видел вас, когда вы выходили из конторы Леграна, в Париже. Затем на аукционе в Лондоне. Вы не волнуетесь, я не причиню вам никакого зла. Я просто хотел узнать ваш адрес. Мне нужно увидеться с вашей матерью.

— С моей матерью? Значит, это вы следили за ней?

— Следил?

— Да. Последнее время я замечаю, что за ней кто-то неотступно следует. Это вы?

— Нет, — сказал Андрей Ильич и внезапно почувствовал тревогу. Он еще не знал, как связать воедино события последних дней, но где-то в глубине сознания ощущал их тайную взаимосвязь.

Несколько секунд они сидели молча. Наконец молчание нарушил Андрей Ильич:

— Вы мне дадите адрес вашей матери? Мне кажется — ей грозит опасность.

Девушка колебалась лишь мгновение, затем взяла бумажку-салфетку, написала на ней: «Париж, Рю Бонапарт, 67», протянула Андрею Ильичу, поблагодарила за кофе, встала и, бросив: «Мне пора», исчезла в толпе. Андрей Ильич взял газету, оставленную девушкой, и сунул ее в карман.

В это время раздался крик: «Выходят!» — и люди кинулись к окнам. Сквозь пелену дождя было видно, как террористы, прикрываясь оставшимися заложниками, начали спускаться по трапу. Странная процесия сцепившихся друг с другом людей напоминала чудовищную, уродливую гусеницу. Когда голова этой гусеницы уже почти достигла дверей автобуса, а хвост был где-то на середине трапа, внезапно прозвучали выстрелы. Вереница развалилась, задергалась, словно червяк, перерубленный на куски. Пять террористов из девяти были убиты наповал. Двое (пожилой с автоматом и Шернер) и три заложника успели вскочить в автобус и лечь на пол. Один кинулся назад в самолет.

— Не стреляйте! Не стреляйте! Вы убьете ее! — истерически кричал бородатый террорист. Он бессмысленно вертелся в разные стороны, заслоняясь шестилетней девочкой, которая плакала и прочитала. За ними неотступно следовал старик с зонтом и пытался успокоить девочку:

— Не бойся, не бойся, я здесь.

Внезапно раздался глухой одинокий выстрел. Бородач дернулся, отпустил девочку и сел на землю. Он увидел, как под ним растекается лужа темной крови, заплакал и повалился на бок.

Девчонка осторожно подошла к нему.

— Дядя, не плачь. Вставай.

И они со стариком стали поднимать мертвое тело, не понимая, что он убит.

Обдав их потоками воды, мимо пронесся маленький автобус с двумя террористами и тремя заложниками. Вскоре силузт его растворился в сплошной пелене дождя.

Толпа, наблюдавшая за тем, что происходило на поле, через огромные окна аэропорта, стала медленно расходиться...

В Париже, в аэропорту, освобожденных заложников встречала лицующая толпа. Здесь были родные, знакомые прилетевших, репортеры, кинохроника, телевидение.

Андрей Ильич машинально вытащил из кармана газету. Она пестрела фотографиями человека, которого обменяли на заложников. Это был худой мужчина с залысинами и маленькими, глубоко посаженными глазами.

По мере того как Андрей Ильич вглядывался в эти фотографии, какое-то смутное воспоминание всплывало из глубины памяти. Где он видел этого человека? Когда? Почему это старое морщинистое лицо вызывает в нем такую тревогу и чувство опасности? Да, да, ошибки быть не могло. Это был он, Шернер, по кличке Палач. Конечно, он постарел, сморщился, но это был он. И сейчас он смотрел в глаза Андрею Ильичу с нечеткой газетной фотографии спокойно и равнодушно.

— Господи, они убьют ее, — тихо сказал Андрей Ильич. — Это он. Теперь я знаю, кто следил за ней.

На плечо Андрея Ильича легла чья-то рука. Он обернулся. Рядом с ним стоял инспектор Фиш.

— Вас интересует этот человек? — Фиш щелкнул ногтем по фотографии.

Андрей Ильич с изумлением взглянул на него.

— Я инспектор Интерпола. Меня он тоже интересует.

— Случай, — сказал Андрей Ильич.

— Что вы имеете в виду?

— Случай послал вас ко мне. Я собирался в полицию. Но у меня нет никаких доказательств. К тому же я иностранец. Я боялся, что надо мной просто посмеются.

— Я смеяться не буду, — сказал Фош, — я знаю этого человека.

— Поверьте, всем, кто хоть в какой-то степени прикоснулся к его прошлому, грозит опасность, — сказал Андрей Ильич. — Он пытается убрать всех потенциальных свидетелей.

— Ну и прекрасно, — сказал Фош, — пусть убивают друг друга.

— Но там замешана женщина. Последнее время за ней следят...

— Мадам Луни?

— Вы знаете ее имя?

— Нет, я знаю ее дочь.

Андрей Ильич вынул из кармана аккуратно сложенную салфетку.

— Вот ее адрес. Ее надо срочно предупредить.

Когда они садились в машину, Андрей Ильич сказал:

— Я не видел ее тридцать пять лет.

Фош промолчал.

Похожий на лягушку «Ситроен» мчался по утреннему Парижу.

Небольшая улица Бонапарт была совершенно пуста.

— Здесь, — сказал Фош и замедлил ход.

Машина ползла вверх в сторону Сены. Они внимательно вглядывались в номера домов. И чем дальше они ехали, тем тревожнее становилось на душе Андрея Ильича.

Наконец машина достигла конца улицы и остановилась. Номер последнего дома был 51. Дома 67 на улице Бонапарт вообще не было. Фош протяжно свистнул.

— Все ясно, — сказал он, — она обманула вас. Она боялась и дала ложный адрес.

Андрей Ильич растерянно скомкал салфетку и сунул ее в пельменицу.

— Я очень боюсь за ее жизнь.

— Что я могу сделать? Она не президент Соединенных Штатов. Ей не положена личная охрана... — сказал Фош.

— Да, да... я понимаю.

Они помолчали. Фош внимательно посмотрел на Андрея Ильича.

— У меня есть собака, — сказал он неожиданно.

— Собака?

— Бельгийская овчарка. По вечерам я выхожу с ней на прогулку. Какая разница, где мне гулять? Адрес мадам Луни я узнаю из более надежных источников, чем вы.

— Как вас зовут? — спросил Андрей Ильич.

— Жорж, — сказал Фош и улыбнулся.

— А я Андре.

Макс сидел на тахте в своем маленьком парижском номере. Франсуаз лежала рядом с ним, курила. Перед ними на экране телевизора диктор рассказывал о последних событиях, произошедших в мире. Наконец он дошел до перестрелки с террористами на аэродроме.

Голос диктора звучал спокойно, почти равнодушно, как будто он объявлял прогноз погоды:

— Как уже сообщалось ранее, группа вооруженных террористов захватила самолет, на борту которого находилось 260 пассажиров. Самолет приземлился на территории небольшого тропического государства. После переговоров с властями террористы освободили большую часть заложников — 210 человек. По требованию захватчиков к трапу самолета был подан микроавтобус. Террористы, прикрываясь оставшимися заложниками, сделали попытку покинуть самолет. Однако расположившиеся на крыше ангара снайперы открыли по нем огонь. Девять из четырнадцати террористов были убиты на месте. Двое скончались от ран. Один находится в местной больнице. Двоим удалось бежать. В том числе человеку, из-за которого заварилась вся эта история. Утверждают, что он занимал весьма высокое положение в фашистской иерархии. Однако это

кажется сомнительным, так как никаких официальных документов на этот счет нет...

Диктор тараторил без остановки. Сначала на экране мелькнул захваченный самолет в кольце машин. К нему подвезли трап. Потом полицейские в штатском подвели человека в наручниках.

Макс встал со своего места, приблизился к экрану вплотную. Казалось, он готов был влезть в ящик телевизора.

Сомнений не оставалось. Человек в наручниках был не кто иной, как Шернер.

— Франсуаз! Франсуаз! Посмотри... Это он.

— Кто?

— Шернер. Я узнал его.

— Какой еще Шернер?

— Тот, который в тюрьме. Помнишь, я говорил тебе? Они освободили его. Они добились своего. Странно. Столько лет прошло, а он не изменился. Только усох немного.

— Говорят, худые дольше живут. — Франсуаз улыбнулась.

— Сейчас ты увидишь его молодым. — Макс криво усмехнулся и, взявшись за стола видеокассету, опустил ее в узкую щель приставки. Раздался щелчок, и на экране вновь побежала старая тегеранская хроника.

— А это Рузвельт, — сказал Макс и глотнул большую порцию коньяку. — Это его переезд в Советское посольство. Как быстро бежит время. Кажется, это было вчера...

— Зачем ты все это мне показываешь? — Франсуаз взглянула на него и тут же отвернула глаза.

— Тридцать пять лет я храню эти кадры. Их не видел никто. Все эти годы мне не с кем было даже поделиться. Может быть, поэтому я написал эти проклятые мемуары.

— И ты не боишься?

— Кого?

— Ну хотя бы меня?

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

— Нет, тебя я не боюсь.

димости разъезжать туда и обратно по городу. Предложение это было сделано на основании информации советской разведки о том, что немецкие диверсанты, заброшенные в Тегеран, готовили против «Большой Тройки», как выразился Сталин, «неприятный инцидент».

В 14 часов 45 минут машина президента въехала на территорию Советского посольства. Фотокорреспонденты и кинооператоры сгрудились у массивной двери в зал заседаний.

Офицер охраны сказал:

— Прошу приготовиться. У вас две минуты. Всем надлежит расположиться вдоль левой стены, снимать начнете по моей команде. Особо подчеркиваю, — продолжал офицер, — строжайше запрещается снимать президента Рузвельта, пока он находится в коляске, — только после того, как его перенесут в кресло. Просьба не курить и не разговаривать между собой.

Обе половинки двери отворились, корреспонденты вошли в зал.

Они бесшумно расположились вдоль стены и стали ждать. Прямо перед ними в центре зала стояли три пустых кресла. Несколько минут ожидания показались вечностью. Наконец дверь отворилась и появились те, ради кого они собирались. Мы видели их со спины: один — небольшого роста, худой, в сером военном френче, другой — полный, обрюзгший, с покатыми плечами, в черном сюртуке. Третьего подвезли в коляске с велосипедными колесами. Двое крепких мужчин подняли его на руки и пересадили в кресло, двое сели рядом. Офицер дал команду, и тотчас толпа корреспондентов пришла в движение, озарилась вспышками блицев, затрещала моторчиками, защелкала затворами.

Через три неподвижных спины было видно, как корреспонденты суетились, спешили, то приседая, то привставая на цыпочки, то падаясь вперед.

Внезапно крышка кассеты ручной камеры одного из хроников откинулась, в руке его сверкнул выхваченный из кассеты браунинг и сухо, один за другим, треснули несколько выстрелов. Он стрелял в троих, сидящих в креслах, стрелял в упор. Еще никто не успел сообразить, что произошло, а стрелявший в несколько прыжков пересек зал и, закрыв полами пиджака лицо, прыгнул в окно.

Раздался звон выбитого стекла, несколько запоздалых выстрелов, и журналисты, словно очнувшись, кинулись в разные стороны. Сбитая кем-то коляска вертелась посреди зала, описывая замысловатые круги. А хроникер тем временем прогрохотал по лестнице, ведущей в подвал, и метнулся к двери, оббитой железом. Она сама отворилась перед ним и сама захлопнулась. В котельной было темно.

— Скорей, — сказал человек, стоявший в полутиме, и указал туда, где за лабиринтом труб виднелась вторая дверь.

Убийца в мгновение ока пересек подвал, взбежал по крутой лестнице и выскочил в длинный коридор. В конце коридора он толкнул дверь, ворвался в комнату и остановился, тяжело дыша. В комнате сидели несколько человек. Тот, что сидел в центре, щелкнул секундомером.

Вошедший отряхнулся всем телом, как собака, и с него посыпались осколки стекла.

— Ну как?

— Лучше, но все же плохо. Здесь надо сократить десять секунд во что бы то ни стало.

— Хорошо.

Курт передаст вам материалы о Деннисе Пью — английском фронтовом кинооператоре. На днях он прибывает в Тегеран. Вы лягите завтра.

— Хорошо. — Он закурил и двинулся к двери. Курт, огромный рябой мужчина, вышел вслед за ним.

Порт военного времени походил на огромный муравейник. Всюду суетились люди. Неуклюжие краны разгружали с кораблей тяжелые, громоздкие «студебеккеры». Прислонившись к стене, курили два носильщика — европеец и перс.

— Ну? — спросил, подходя, Шернер.

— Причалил, — ответил перс.

Шернер вышел. Носильщики последовали за ним.

Вскоре появился английский кинооператор Деннис Пью. Он был нагружен бесчисленным количеством вещей, руки были заняты аппаратурой. На нем были темные очки в тяжелой роговой оправе. По медному загару и выгоревшей щетинке усов можно было предположить, что человек этот много дней провел на африканском театре военных действий.

Шернер дал знак носильщикам. Деннис Пью и опомниться не успел, как они, выкрикивая что-то по-персидски, подхватили его вещи и понесли к веселенькому, с множеством надписей фургончику, погрузились и уехали.

Сразу же обнаружилось, что англичанин ни слова не знал по-персидски, носильщики не понимали по-английски, и беседа их по этой причине ограничивалась лишь немногими международными словами, доступными им и ему.

— Тегеран, — сказал он.

— Тегеран, Тегеран, — сказали они.

Навстречу бежала белая дорога.

— Сигарета, — сказал он.

— Сигарета, сигарета, — сказали они.

И все трое задымили.

Дорога становилась пустыннее. Все меньше попадалось строений — пошли камни и рыхвины. За одним из поворотов вдруг обнаружилось, что впереди тоннель. Его черная дыра стремительно приближалась. Наконец фургончик нырнул в нее и ушел в темноту. Светлый круг позади быстро уменьшался, потом превратился в точку и вовсе пропал. Теперь и впереди и сзади была чернота. Она наполнилась ревом мотора, завыванием ветра, шуршанием дороги. Потом грянул выстрел, хлопнула дверца, прокатилось и замерло эхо.

Впереди загорелась точка света. Она надвигалась и вырастала, оттесняя черноту. Фургон вырвался на свет. Сталотише. Шофер, как ни в чем не бывало, крутил барабанку. Сидели на своих местах носильщики. Англичанина не было. Навстречу летела колонна грузовиков. Тяжелые машины, не сбавляя скорости, ныряли в черный круг тоннеля.

Лицо в объективе было перевернуто и возникло как из тумана. Очевидно, фотограф наводил фокус. Человек был одет в форму английских вооруженных сил, над верхней губой темнела щетинка усов, глаза едва угадывались за дымчатыми стеклами. Однако это не был Деннис Пью. Это был тот самый хроникер-террорист, который репетировал покушение на «Большую Тройку». Только тогда у него не было ни усов, ни очков. Щелкнул затвор, и фотограф вылез из-под покрывала.

— Я уже закрываюсь. Будет готово завтра.

Посетитель не стал спорить.

— Я кого-нибудь подошлю.

— Пусть спросят «Ателье Мустафы».

Клиент кивнул и вышел.

Мустафа надел пиджак и перед осколком зеркала принялся завязывать галстук. Хлопнула входная дверь.

— Закрыто, — сказал Мустафа не оглядываясь.

Вошедший подошел к столику с газетами и сел. Было слышно, как под его тяжестью скрипнул стул.

— Я же сказал: закрыто, — повторил Мустафа.

Посетитель полистал газеты. Это был Шернер.

— От вас только что вышел человек, — сказал он. — Его фотографии должны быть готовы через час. Я подожду.

— Я уже кончил работу, — отрезал Мустафа.

Шернер полез за сигаретами, переложил из кармана в карман пистолет, закурил. Через осколок зеркала Мустафа видел каждое его движение.

— Сверхурочная работа — в тройном размере.

— Я заплачу в десятикратном. Кроме того, куплю негатив.

Мустафа молча снял пиджак и ушел за занавеску.

— Слышал о вас много лестного, — заговорил Шернер. — Говорят, что вы способны творить чудеса. Будто из двух непохожих можете сделать на фотографии родных братьев. А некоторые даже поговаривают, что вы не брезгуете и фабрикацией документов. Но это, конечно, враки.

— Короче: что надо сделать? — послышалось из-за занавески. Шернер затянулся.

— Если я вам об этом скажу, останется только две возможности: или вы выполните наш заказ, или нам придется вас убрать. Вы отдаете себе в этом отчет?

— А вы отдаете себе отчет в том, что за художественную работу полагается хорошенко платить?

— Надеюсь, мы найдем общий язык.

Мустафа промыл пластинку, положил ее в фиксаж, включил красный фонарь и вышел из-за занавески.

— Выкладывайте, что у вас.

Шернер положил перед ним стопку документов.

— Фотография, которую вы сейчас обрабатываете, должна оказаться на этих бумагах.

Мустафа взял паспорт, щелкнул ногтем по корочке.

— А господин Деннис Пью не обидится?

— Он далеко, — сказал Шернер и, помолчав, добавил: — Ему все равно.

— Хорошо, — сказал Мустафа. — Я попытаюсь закончить эту работу к утру, и если вы зайдете часам к десяти...

— Я буду спать здесь, — сказал Шернер.

— Здесь вам будет неудобно.

— Ничего, я потерплю.

Мустафа закрыл ставни и запер дверь.

Макс пересек вестибюль и углубился в узкий неосвещенный коридор, который вел к запасному выходу из гостиницы. Внезапно он почувствовал, что за ним кто-то идет. Резко обернувшись, он нос к носу столкнулся с Мари.

— Это вы?

— Извините, мисс Макс, я ждала вас весь день.

— Меня?

— Да. Я чувствую себя неловко за мой отказ помочь вам. Я понимаю, в какое трудное положение я вас поставила.

Макс ничего не ответил. Он внимательно глядел на Мари.

— Если я вам понадоблюсь, скажите, я буду рада вам помочь.

— Нет, спасибо, — сказал Макс словно в нерешительности и тут же добавил: — Хотя, может быть, действительно... Сейчас вы свободны?

— Сейчас? — Мари взглянула на него с изумлением.

— Сейчас, — тихо сказал Макс.

— Хорошо.

— Тогда поедем со мной. Это займет около часа...

Мари молча кивнула.

Машина грохотала по узким кривым улочкам Тегерана, карабкаясь все выше и выше. Наконец она остановилась на маленькой площади около деревянного забора. Отсюда был хорошо виден распластавшийся внизу Тегеран. Город, словно мираж, колыхался и дрожал в разреженном воздухе.

Сказав шоферу «подождите», Макс помог Мари выбраться из машины. У входа в узкую щель между глинобитной стеной и забором их поджидали два человека, те самые, что беседовали с Максом в кофейне «Тысяча и одна ночь». Юзбashi оживленно забормотал что-то на персидском языке, но Макс резко оборвал его:

— Скажите, чтобы он заткнулся.

Мари перевела.

— Скажите, чтобы они отвечали на мои вопросы односложно: только «да» или «нет». И больше ни единого слова.

Мари перевела.

Оба перса с готовностью закивали головой.

— Спросите их, пожалуйста, будут ли они готовы к тридцатому числу.

Мари перевела, персы закивали:

— Да, да.

— Спросите их еще раз, точно ли они поняли мой вопрос: будут ли они абсолютно готовы к тридцатому числу, то есть к послезавтра?

— Да, да...

— Хорошо. Спасибо вам, Мари. Вы мне больше не нужны, — неожиданно сказал Макс.

— Это все? — Мари изумленно взглянула на него.

— Да, все. Такси довезет вас до отеля. — Он открыл дверцу, расплатился с шофером и назвал адрес.

Когда машина пересекла площадь и покатилась вниз по узкому переулку, Мари наконец осознала, что произошло.

Она смотрела на мелькающие за окнами грязные стены домов и пытаясь понять, почему Макс так странно себя ведет. То ли действительно ему необходима была точность перевода одного лишь вопроса, то ли он просто передумал, то ли не доверял ей.

— Остановите, — сказала Мари внезапно. Шофер остановил машину.

— Я выхожу. Не ждите меня.

Шофер покачал плечами и уехал. Мари секунду стояла словно в нерешительности, затем быстро пошла назад.

Однако по мере приближения к маленькой площади шаги ее становились все медленнее и медленнее. Внимательно оглядевшись по сторонам, она пересекла площадь и скрылась в узкой щели между глинобитной стеной и забором.

Там находился сплошной лабиринт крошечных уличек и переулков, старых, полуразвалившихся строений.

Внезапно она услышала приглушенные человеческие голоса. Осторожно толкнув какую-то дверь, Мари шагнула в затхлую полутьму. Здесь валялся всякий хлам и остатки мебели. А в самом дальнем углу у пролома в стене лежал большой коричневый мешок странной формы. Пройдя по коридорчику с обвалившейся стеной, она приблизилась к грязному потрескавшемуся окну. Оттуда виднелась территория бочарных мастерских фирмы по оптовой продаже вина. Небольшой двор со всех сторон был стиснут нагромождениями бочек. Центр двора представлял собой небольшую земляную площадку. Площадку эту из конца в конец пересекало нечто вроде трубы, составленной из сдвинутых бочек. Это сооружение делало повороты, извивалось и более всего походило на громадную змею. Рядом возились три маленькие фигурки, в которых Мари сразу признала Макса и его знакомых персов. Сам Макс был поглощен нелепым занятием: он пытался пролезть сквозь сдвинутые бочки.

При этом он тащил на плече металлический бруск, завернутый в рогожу. Персы жестами и какими-то восклицаниями старались помочь ему. Затем старик Юэбэши сам полез внутрь этого сооружения, а Макс полез на него. Второй перс, став на колени, заглядывал в темное отверстие, куда они скрылись, и одобрительно что-то бормотал по-персидски.

Внезапно Мари почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Она испуганно обернулась, но в полутьме не увидела ничего подозрительного. Она успокоилась и стала снова наблюдать за Максом. А он повторял эту процедуру раз за разом, и персы все время показывали ему, как держать голову, корпус, руки... Мари не могла сообразить, сколько прошло времени. Стало темнеть. Начал накрапывать мелкий дождь. Внезапно она услышала какой-то шорох. И в то же время заметила, что мешок в углу зашевелился. Только теперь она сообразила, что это был не мешок, а человек, накрытый коричневым плащом. Глаза их встретились. Мари не могла пошевелиться от ужаса. Человек неслышно, словно водяной жук, скользнул к выходу. Это был горбун, кладбищенский сторож. Он исчез мгновенно, словно его здесь никогда не было. Когда первое оцепенение прошло, Мари кинулась на улицу.

Капли мелкого дождя ударили ей в лицо. Скользя по раскисшей грязи, она пересекла площадь и, сколько хватило сил, побежала вниз по улице.

Стало совсем темно. Дождь хлестал в лицо и слепил глаза. А Мари задыхалась. Платье ее насквозь промокло, ноги подкашивались от усталости. Когда она подбежала к гостинице, ей навстречу из темноты шагнула высокая фигура в длинном плаще. Это был Андре.

— Наконец-то. Я жду вас битый час. Где вы были?

— Я следила за Ришаром, — едва переведя дыхание, шепотом сказала Мари. — Я...

— За похоронным агентом? — изумился Андре.

— Да, да... Знаете, он сошел с ума... Там на складе... наверху... он пролезает сквозь бочки... И еще один человек — горбун... Господи, я чуть не умерла от страха. Я...

— Мари, — прервал ее Андре. — Мы стоим под дождем.

— Ах да, да, простите...

— Вы мне расскажете все подробно. До малейших деталей. Только сначала надо подняться наверх.

— Конечно, конечно... — сказала Мари, и они торопливо скрылись в слабо освещенном холле гостиницы.

Машина стояла за углом, недалеко от гостиницы. Андре открыл дверцу и плюхнулся на заднее сиденье рядом с Ермолиным.

Он улыбнулся, предвкушая, какой эффект произведет его сообщение.

— У меня новость! — сказал он, искоса поглядывая на Ермоля.

— Слушаю.

— Ты знаешь, чем сейчас занимается похоронный агент?

Ермolin взглянул на часы и спокойно ответил:

— Сейчас он пролезает через бочки.

Теперь пришел черед изумляться Андре.

— Ты знаешь?

— Знаю. Мало того — я знаю, что сегодня он это делает значительно лучше, чем пять дней назад.

— Вот это номер! — Андре свистнул. — Он что, идиот?

— Нет. Он гений. Сам дьявол не нашел бы лучшего способа проникнуть в Английское посольство. Дело в том, что в этом городе не существует водоснабжения в том виде, в каком оно существует во всех других городах мира. Здесь нет ни труб, ни водонапорных башен. Вода, стекающая с гор, по особым каналам, находящимся на глубине двадцати-тридцати метров, проходит под всем городом с севера на юг. Каналы эти местные жители называют «канатами», протекают они под городскими строениями и через колодцы связаны с поверхностью земли. Подобные «канаты», конечно, имеются и под Английским посольством. Обслуживают их потомственные «канатчики», которые из поколения в поколение занимаются ремонтом их и очисткой. Проникнуть туда обыкновенному человеку трудно, а передвигаться просто невозможно, если он не прошел специальной подготовки. Вот эти двое и есть «канатчики» из Английского посольства, отец и сын. Ясно?

— Неужто ты и сейчас думаешь, что время обезвредить похоронного агента еще не наступило? — спросил Андре.

— Рано. Он должен получить оружие — тогда мы выйдем на главную фигуру, — сказал Ермolin. — А вот познакомиться с «канатчиками» — самое время.

Это был квартал публичных домов. Жизнь здесь не затихала ни ночью, ни днем. В толпе шныряли водоносы, зазывали покупателей торговцы огурцами, на тротуарах сбивали мыльную пену цирюльники, а у витрин теснились толпы мужчин. Там, за железными решетками, был выставлен напоказ основной товар Шахре-Ноу — женщины: совсем девочки и стареющие матроны, блондинки и брюнетки, худые и полные, белые, желтые, черные — на любой вкус. Они шушукались, вязали, играли в нарды, читали газеты. Сквозь решетки их можно было хорошо разглядеть, попросить встать, повернуться спиной, пройтись. И уже после этого, если выбор состоялся, клиенту предстояло проследовать в дверь, над которой было указано, во сколько туманов обходится визит.

Перед одной из таких дверей и стояли, смущенно переступая с ноги на ногу, Андре и Костя, а путь им преграждал сам господин Заль-Мохаммед, содержатель нескольких публичных домов, некоронованный шахиншах Шахре-Ноу.

— Нет, нет, нет, — уже в который раз повторял он. — Дом арендован, Юзбashi с сыном заплатили за целый день. Завтра — пожалуйста, сегодня — нет.

Андре и Костя кивали головами, но уходить не уходили. А внутри дома старик Юзбashi восседал на тахте, утопая в подушках, и разглагольствовал, посасывая мундштук кальяна:

— Я за все заплатил. Я и мой сын Голам-Реза купили весь дом. Сегодня я здесь хозяин. Могу поманить пальцем, и любая из вас пойдет со мной наверх. Но я не хочу наверх. Мне на это наплевать. Мне и здесь хорошо.

Внизу, у его ног, возлежали на коврах женщины. Они уплетали сладости, щелкали орешки и попивали вино.

Со второго этажа по скрипучим ступеням спускался Голам-Реза. Рядом семенила маленькая китаянка. Голам-Реза был копией отца — узкоплечий, жилистый, кожа да кости. Он лениво разглядывал женщин.

Взгляд его остановился на белозубой марокканке. Он кивнул ей и стал подниматься. Марокканка поплела за ним.

Одна из женщин сказала:

— Раз меня обошел сын, я пойду со стариком.

— От старика никакого проку, — сказала другая.

— Но-но-но, — обиделся Юзбashi.

— И я пойду со стариком, — сказала третья. — Мы пойдем вместе. Еще какой будет прок.

Несколько женщин подхватили Юзбashi под руки и потащили наверх. Сначала он упирался, потом, смирившись, притих.

Между тем Андре и Костя, воспользовавшись тем, что Заль-Мохаммед побежал разнимать какую-то драку, незамеченными проскользнули в подворотню и через черный ход проникли в здание. Коридор второго этажа казался вымершим. Дверей было пять. Первая — распахнута настежь. Из-за второй доносились голоса. Андре и Костя поднажали плечами, и дверь распахнулась. Клубок тел с визгом распался. Женщины отпрянули и стали вдоль стен, прикрываясь одеждой. Старик Юзбashi остался на топчане. Он кутался в простыню.

— Выходи, — сказал Андре.

Юзбashi покорно поплелся за ним. Костя тоже вышел и запер женщин на ключ.

Голам-Реза оказался в крайней комнате. Андре кивнул старику, чтобы он сел рядом с сыном, сказал:

— Нам все известно. Все, что вы сделали. И сколько вам заплатили.

И отец и сын таращили мутные глаза. Хмель не выходил.

— Теперь выбирайте, — продолжал Андре, — или вы будете отвечать на наши вопросы, или мы передадим дело в трибунал, и вас будут судить по законам военного времени.

«Канатчики» замотали головами.

— Вы закончили работу?

— Да. Мы трудились день и ночь.

— Что он приказал делать дальше?

— Мы должны встретиться и передать ему план «канатов», проходящих под Английским посольством.

— Место встречи?

— Здесь.

— Когда?

— Сегодня вечером.

— Покажите план.

Дрожащие руки Голам-Резы забегали по карманам. Андре расправил листок бумаги. Это была схема «канатов».

— Объясните.

Заскорузлые пальцы ползали по бумаге. Отец и сын говорили одновременно, перебивая друг друга:

— Колодец во дворе меняльной лавки. Налево — «канат» в китайскую прачечную.

— Мы его расширили.

— Мы честно работали.

— Отсюда идет боковой лаз в наш дом, уже за забором. Мы рыли его несколько ночей.

— А это что за крест?

— Здесь будет висеть фонарь.

— Передайте ему план, как было условлено, — сказал Андре. — Но запомните: проболтается — трибунал.

«Канатчики» послушно закивали.

Был уже вечер, и квартал Шахре-Ноу освещился разноцветными огнями. Заль-Мохаммед встретил Макса у входа и пропустил в дом через парадную дверь.

Разговаривали наверху, в одной из комнат. Собственно, Макс скорее показывал на пальцах, нежели говорил. Иногда он заглядывал в бумажку, там были записаны отдельные слова и фразы по-персидски.

— Где план?

— Здесь.

Похоронный агент долго разглядывал листок, затем прочертил ногтем линию.

— К этому локу ведет заброшенный «канат». Сейчас вы уйдете. Будете работать всю ночь. К утру расширите его.

Эта фраза была чудовищной смесью персидских и английских слов с выразительной жестикуляцией. Дальше последовала пачка денег и угроза:

— Выдадите — перестреляю как собак.

Юзбashi и Голам-Реза ушли через черный ход.

Когда Андре вошел в холл гостиницы, он увидел в глубоком кожаном кресле спящую Мари. Он тихо подошел и окликнул ее. Мари проснулась мгновенно.

— Что вы здесь делаете?

— Я боялась зайти в номер. Я ждала вас.

— Идемте. Я страшно хочу есть, — сказал Андре и улыбнулся.

Выходя на улицу, Андре услышал, как вдалеке заработал мотор. Он обернулся и увидел, как из-за угла выехала машина с погашенными фарами.

— Нам следует поспешить, — сказала Мари. — Скоро комендантский час.

— Здесь неподалеку есть славный подвалчик, — сказал Андре и снова оглянулся. Машина без огней, на бешеной скорости мчалась посередине улицы, и расстояние между ними сокращалось с каждым мгновением. В последнюю секунду Андре успел втолкнуть Мари в подъезд. Она упала на каменные плиты, он — рядом.

Сразу же ударила автоматная очередь и засвистели пули. Автомат строчил из скошака мчавшейся машины. Наступила недолгая тишина, но вскоре послышались голоса. Со всех сторон сбегались люди. Подъехала полицейская машина,

Андре помог Мари подняться. По темным ступеням они взбежали наверх. В его руке был пистолет.

— Они стреляли в нас, — сказала она.

— Тише, — попросил он.

С улицы доносился разговор:

— Кто-нибудь запомнил номер?

— Машина была без огней.

— Убитые или раненые есть?

— Как будто никого.

Мари уткнулась в пиджак Андре и заплакала. Он прижал ее к себе. Поцеловал. Чудом избежав смерти, они стояли в чужом подъезде чужого дома, в чужом городе чужой страны, и ни он, ни она не знали, сколько пролетело времени. Внезапно Мари глянула на маленькое оконце, прилепившееся под потолком, и поняла, что на улице стало совсем темно.

— Андре, — тихо сказала она.

— Да?

— Сколько мы здесь стоим?

— Не знаю.

— Наверно, долго. Уже темно. Вечер. Я не заметила, как наступил вечер.

— Да-да, — сказал он. — Надо идти.

— Ты знаешь, о чем я думаю?

— Нет.

— Я думал, что я самый счастливый человек на свете. Странно, правда? Меня только что хотели убить, а я испытываю такое счастье... — Она тихо засмеялась. — Никогда в жизни я не была так счастлива... Знаешь, мне иногда кажется, что мы уже жили однажды сотни лет назад. Только жили в другой стране, выглядели по-другому, говорили на другом языке, но это были мы...

— Мари...

— А сейчас просто встретились после долгой разлуки.

— Мари, тебе надо уехать отсюда. Немедленно.

— Нет. Я никуда не уеду. Я буду с тобой.

— Мари, выслушай меня внимательно. Мы должны с тобой расстаться. Пойми, иначе нельзя, я могу принести тебе несчастье... и, может быть, даже смерть.

Она засмеялась.

— Да, да, я хочу горе, хочу несчастье. Я хочу все, что ты принесешь мне... даже смерть.

— Я не шучу. Это очень серьезно.

— Неужели ты не понимаешь, что я не могу уехать от тебя? Что-то звякнуло под ногой. Андре нагнулся и поднял с пола расплющенную пулю.

— Хорошо. Я увезу тебя за город. На несколько дней. Там ты будешь в безопасности. Через три дня я приеду за тобой.

Мари улыбнулась и кивнула. Он подбросил пульку на ладони и швырнул ее в темноту. Ударившись о стену, она запрыгала по каменным ступеням.

В понедельник, 29 ноября 1943 года, погода вновь испортилась. С гор подул ветер, нагнал тучи, они повисли над Тегераном и остановились.

Охрана вокруг двух посольств — и у ворот, и вдоль заборов, и на прилегающих улицах — была удвоена. Очевидно, на конференции «Большой Тройки» в этот день что-то должно было произойти.

В вестибюле, поставив на пол чемодан, Андре поинтересовался:

— Такси готово?

— Мадам покидает нас? — спросил портье.

— Мадам отдохнет несколько дней в горах.

Порттье помог погрузить чемодан и помахал рукой. Когда машина тронулась, взгляд портье зафиксировал номер: «6-28-54».

Возвращившись за конторку, он снял телефонную трубку.

Когда такси остановилось, на тротуаре их уже ждал плеший человек в белом халате.

— Доктор Мазлагани? — спросил Андре. — Это я потревожил вас ночью. Приношу извинения.

— О, для нас, медиков,очные звонки — дело привычное. Рукопожатие.

— Моя супруга, — представил Андре Мари.

Доктор Мазлагани расшаркался.

— Поверьте, вам будет здесь спокойно. У меня маленькая клиника, превосходный персонал, безупречный уход. Больных немногих, но люди вполне достойные.

Они уже шли по дорожке к продолговатому зданию с деревянной верандой, видневшемуся между деревьями. Таксист с чемоданом на плече плелся за ними.

— У мадам и прежде бывали головные боли, — сказал Андре, — но этой ночью я просто испугался.

Мазлагани улыбался.

— Никаких оснований для тревоги нет. Мадам побудет в клинике два-три дня. Мы проведем обследование и назначим курс лечения.

Они вошли в здание. Табличка на фасаде гласила: «Клиника доктора Мазлагани».

«Деннис Пью» вошел в лифт. В самый последний момент в лифт проскользнул еще один пассажир.

— Нажмите кнопку последнего этажа, — сказал он.

«Деннис Пью» обернулся и увидел Шернера: Пока лифт поднимался, Шернер говорил:

— Сегодня вас повезут в Советское посольство. Вы будете там только снимать, больше ничего. Внимательно изучите и запомните всю систему проверки, осмотритесь, определите наиболее интересные точки съемки. Интересные для нас. Это все.

Лифт вздрогнул, остановился, и Шернер вышел.

Апартаменты, в которых без всякой вывески размещался пресс-центр, состояли из гостиной, спальни, ванной комнаты и туалета. Все были в сборе — пять кинооператоров и семь фотокорреспондентов.

Здесь были также представители английской, советской и американской служб безопасности.

Английский полковник сразу же приступил к делу.

— Не стану приносить вам извинения, господа, — сказал он, — полагаю, что неизбежность самых строгих мер безопасности понятна без объяснений.

Репортеры закивали головами. Полковник продолжал:

— Первое. Если у кого-нибудь есть потребность воспользоваться туалетом, прошу сделать это здесь, в отеле. Там, куда вы приглашены, моим офицерам придется вас сопровождать, а это неприятно.

Один фоторепортер проследовал в прихожую и скрылся за узкой дверью. Полковник устало вздохнул.

— Второе. Мы должны каждого из вас обыскать. И, наконец, третье. Мы вынуждены осмотреть вашу аппаратуру. Выезжаем через тридцать минут.

Автобус прогрохотал по булыжным улицам и остановился у Советского посольства. Фотокорреспонденты и кинооператоры пронеслись... следовали на территорию. Был среди них и «Деннис Пью».

Хроника, снятая в этот день, впоследствии показывалась бесчисленное количество раз. Она стала хрестоматийной и обошла почти все экраны мира. Особенно кадры, запечатлевшие Сталина, Черчилля и Рузвельта, сидящих в креслах на крыльце Советского посольства в Тегеране. Но плёнку, бежавшую сейчас на экране телевизора, не видел никто. Макс, удобно устроившись в старом родавленном кресле своего парижского номера, изредка нажимал кнопку, чтобы остановить изображение и взглядеться в черты людей, мелькавших на экране.

— Смотри, Франсуаз. — Он отхлебнул кофе и шумно вздохнул. — Это церемония вручения дара английского короля городу Талинграду. Видишь меч? На его лезвии написано: «Гражданам Талинграда, людям со стальными сердцами, от короля Георга VI в знак уважения английского народа» — или что-то в этом роде...

Франсуаз коротко взглянула на него.

— Послушай, Макс, зачем ты ввязался в эту историю?

— А черт его знает. Этот мерзавец Шернер втянул меня. Ладно, мотри. После церемонии все трое позировали корреспондентам. Глянь, что меня не было там в этот час. — Внезапно Макс вытащил изо рта и направил его на экран телевизора. Там объектив камеры кользил с одного портрета на другой: Сталин, Черчилль, Рузвельт. Они улыбались, дружески беседуя между собой. Макс вскочил с поочередно в голову каждого из них и спускал курок. Раздавался характерный щелчок незаряженного пистолета.

Франсуаз испуганно смотрела на него:

— Ты что, совсем из ума выжил?

— Ладно, не сердись. Знаешь, я как-то привык к ним. Когда они умерли, я словно потерял кого-то из родных. С тех пор мне ничего не оставалось, как ходить в музей восковых фигур и смотреть на них.

Франсуаз улыбнулась и сказала:

— Теперь, говорят, осталось двое. А третьего переплавили на огне Лорен. Воска не хватает. — Она помолчала. — И правильно сделали. Кому нужны эти старики... Их никто не помнит теперь. Сли уж решил заработать — лучше убей шаха. За него хоть прилично заплатят.

— Да я и с этой историей никак не разделяюсь, — вздохнул Макс.

— Бояешься?

— Нет. Не так-то просто до меня добраться.

Секунду Франсуаз колебалась, затем тихо сказала:

— Дурак. Ты знаешь, почему я тогда ошиблась дверью? Нет? Август послал Шернера. Я должна была выследить тебя, познакомить...

Наступила тяжелая пауза.

— Ну-ну, продолжай, — хрипло сказал Макс.

— ...Узнать, где спрятана копия рукописи, и сообщить Шернеру твой адрес.

Снова тишина, и снова Макс произнес едва слышно:

— Почему ты этого не сделала?

— Не знаю. Может быть, пожалела тебя.

Инспектор Фош прогуливался по набережной перед окнами Мари Луни. У ног его вертесь серый остроухий пес, преданно поглядывая на своего хозяина. Мари вышла на маленький балкончик третьего этажа и стала возиться с цветами.

— Эй, инспектор! — Перебежав дорогу, к Фошу подошла Натали. — Привет.

В руке она держала сумку, полную апельсинов.

— А-а, это вы? — На лице инспектора появилось выражение фальшивого изумления.

— Конечно, я. Кто же еще? Вам не наскучило, инспектор?

— Наскучило? Что?

— Торчать под моими окнами?

— А вы что, здесь живете? — Фош пытался придать своим словам как можно больше искренности. Но это ему не слишком удавалось. — Вы здесь живете?

— Живу. — Натали засмеялась.

— Какое совпадение...

— Мне кажется, инспектор, что вы все-таки решили воспользоваться услугами справочного бюро.

— Ничего подобного. Просто я гуляю здесь с собакой. Видите? Ну-ка, Леор, покажись. Вам нравится? Красивый...

Внезапно Фош замолчал, словно подавился. Глаза его впились в фигуры двух мужчин, которые медленно брали вдоль Сены.

В руках одного из них был зонт. Они не спеша остановились, и тот, что держал зонт, поднял его и раскрыл над головой.

— Что с вами, инспектор? Почему вы замолчали?

— Уходите. Уходи отсюда немедленно. — Голос Фоша сорвался на хрип. — Вы слышите меня? Уходите.

— Не понимаю, куда?

Между тем один из мужчин, тот, что держал зонт, повернулся спиной к балкону и наклонил зонт так, чтобы прохожие не видели, что они делают.

Второй, вытащив пистолет с глушителем и опершись на плечо товарища, стал тщательно целиться в маленькую фигурку на балконе третьего этажа.

Резко оттолкнув Натали, Фош кинулся по лестнице вниз. На ходу он выхватил револьвер и выстрелил.

Раненый бандит выронил зонт и повалился на бок. Он лежал на булыжниках, нелепо поджав к груди колени, и хрюпало ругался. Второй побежал вниз по спуску, стараясь достичь каменной ниши. Фош выстрелил. Бандит, схватившись за ногу, сел на землю. Натали стояла словно загипнотизированная, прижимая к груди пакет с апельсинами. Внезапно она увидела, как из-за желтой строительной будки вышел пожилой, хорошо одетый мужчина и выстрелил в спину Фоша.

Инспектор напрягся как струна и замер... Натали кинулась к нему.

— Я сейчас, я сейчас! — кричала она, стараясь подхватить инспектора.

Фош рванулся в сторону и, обращая лицо к небу, рухнул на спину. Натали пыталась поднять его и, обезумев от страха и отчаяния, кричала:

— Я сейчас! Вставай! Держись, ну держись за меня! Вставай!

Но тело инспектора наливалось свинцовой тяжестью, каменело, теряя подвижность. Он умирал.

Машина «Скорой помощи» неслась по улицам Парижа, оглашая их резким воем сирены. Натали не могла оторвать глаз от больших, запачканных грязью ботинок инспектора Фоша, торчащих из-под белоснежной простыни. Врач говорил какие-то слова утешения, но она не слышала его.

Она понимала: все кончено, Фош мертв.

Над Парижем сгущались сумерки. Макс стоял у маленького окошка и тоскливо глядел на сверкающий поток машин, мчавшихся по мокрому асфальту.

Дверь со скрипом отворилась, и в номер осторожно вошла Франсуаз, подталкивая перед собой какую-то дре́внюю старуху с красными слезящимися глазами.

— Кто это? — тревожно спросил Макс. Старуха вызывала в нем страх.

— Она спрячет тебя. — Франсуаз говорила торопливо, словно боясь опоздать. — Тебе надо срочно уехать отсюда. Она спрячет тебя в отеле «Парадиз». Здесь оставаться больше нельзя... Это очень опасно. Сегодня ночью она приедет за тобой на такси...

— Слушай, Франсуаз, я должен повидаться с Леграном.

— Хорошо, Макс, я помогу тебе, но не сегодня.

Он тоскливо взглянул на телевизор и криво усмехнулся. Только сейчас Франсуаз поняла, что Макс пьян.

— Вот это тот самый день — день рождения Черчилля. Знаешь, Франсуаз, уже после войны я прочитал несколько книжек об этом покушении, и, как ни странно, в них кое-что оказалось правдой.

На экране мелькали кадры кинохроники: Уинстон Черчилль, довольно улыбающийся, принимал подарки в свой день рождения.

— Но все они грешили одним, — продолжал Макс, — они принимали ложные, отвлекающие варианты за подлинные, никто даже не догадывался, что существует главный вариант — я. Вообще-то это была единственная реальная опасность для «Большой Тройки». Да, во вторник 30 ноября 1943 года жизнь их висела на волоске.

Во вторник 30 ноября 1943 года был третий день работы конференции, и уже с утра у ворот Английского посольства царило оживление. Входили и выходили люди, въезжали и выезжали машины. Проследовала в посольство группа офицеров советской службы безопасности. Затем подъехали сотрудники американской секретной службы. Вечером намечалось торжество по случаю дня рождения премьер-министра, ожидались высокие гости, и подготовка шла полным ходом.

Выходя из грязной тегеранской гостиницы рано утром 30 ноября 1943 года, Макс направился к стоянке такси. Там было несколько машин, но он взял ту, которая подъехала, едва он подошел. Из такси вылез Шернер, и Макс занял его место. Когда он отъехал, Шернер прошелся вдоль витрин, вернулся на стоянку, взял другое такси и уехал в противоположную сторону. За машиной, на которой уехал Макс, и за машиной, в которую сел Шернер, последовали автомобили, в них находились сотрудники службы безопасности.

В 13 часов Андре говорил Ермолину:

— Ты был прав. Он получил оружие. Во всяком случае, из такси он вылез с чемоданчиком.

— А «главный»?

— С «главным» дело плохо, наши люди не спускали с него глаз, однако они все же потеряли его. Он растаял как снег.

Они сидели на большой застекленной веранде клиники доктора Мазлагани и пили горячий кофе из термоса. По крыше барабанил дождь, и потолок протекал в нескольких местах. Редкие крупные капли падали на мраморный столик, и брызги попадали в кофе.

— Тебе пора, — сказала Мари.

— Да, мне пора, — сказал Андре и улыбнулся. — Кофе с дождем. Я никогда не пил кофе с дождем.

— Смотри, он гуляет уже целый час, — сказала Мари. — Я его знаю. Это старик из третьей палаты. Он плачет по ночам.

Сквозь омытые дождем стекла чернели мокрые стволы деревьев, и какая-то сутулая фигура прогуливалась по лужам, укрывшись зонтом. Большой красный лист, прилипший к черному зонту, походил на огромную заплату.

— Я заберу тебя через три дня, — сказал Андре.

Мари ничего не ответила.

— Не волнуйся, ты здесь в безопасности. Через три дня я приеду и заберу тебя.

Мари молча смотрела на него.

— Почему ты на меня так смотришь?

— Как?

— Странно.

— Знаешь, когда я была маленькой девочкой, я все это видела во сне. Все до мельчайших подробностей.

— Что — все?

— Все, что происходит сейчас: эту веранду, стол. Дождь. Кофе. Тебя и себя. И этого старика с зонтом... И этот прилипший мокрый лист.

— Мари, перестань. Ты просто устала...

— Не веришь? — спросила она серьезно. — Хочешь, я скажу тебе, что сейчас сделает этот старик?

Андре с изумлением взглянул на нее.

— Сейчас он подойдет к скамейке, сядет, укроется зонтом и будет бормотать старинную персидскую молитву, смотри.

Помимо его воли Андре охватило какое-то странное, тревожное чувство. Он не мог оторвать глаз от старика, который не спеша шагал по лужам. Мари тоже не отрываясь следила за каждым его движением. Старик медленно приблизился к скамейке, поравнялся с ней... спокойно прошел мимо.

— Фу черт, напугал до смерти! — Андре весело засмеялся. — Слава богу, потопал дальше.

Он встал. Мари тоже встала и улыбнулась. Секунду они стояли друг против друга, затем Мари шагнула к нему, обняла за шею и прижалась к нему всем телом.

— Я буду ждать тебя, — сказала она. — Иди, тебе пора.

— Через три дня, — сказал Андре, повернулся и вышел на улицу.

Мари стояла посреди большой пустой веранды, зябко куталась в короткий серый плащ и смотрела на размытую дождем дорожку парка, по которой удалялась высокая темная фигура Андре. Вскоре она растаяла в густой пелене дождя, и из-за угла дома снова появился старик с зонтом. Она следила за ним машинально, думая о чем-то своем. Старик медленно шагал по лужам, затем неожиданно остановился возле скамейки, сел и, накрившись зонтом, забормотал какую-то древнюю персидскую молитву.

Солнце проглянуло сквозь тучи, дождь перестал, где-то далеко, в предместьях Тегерана, с высоких минаретов муздзины закричали своими гортанными голосами, напоминая смертным, что настал час молитвы.

На следующее утро Мари медленно прогуливалась по аллее парка, окружавшего клинику доктора Мазлагани. Внезапно она увидела мужчину, быстро шедшего от ворот. Через секунду он поравнялся с ней. Это был Шернер.

— Мадам Мари Луни?

— Да...

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю, мне лучше, — сказала Мари. — Но я вас не знаю.

— Очень сожалею, мадам, но я за вами. В него стреляли...

— Боже мой... Он жив?

— У входа в отель. Он ранен и просит вас приехать.

— Он жив?

— Он ранен, — повторил Шернер и пошел к воротам.

Как была, в больничном халате, Мари почти бежала за ним к машине. Там уже сидели двое: перс и европеец. И хотя на сей раз они были безупречно одеты, в этих людях без труда можно было узнать тех самых носильщиков, которые несколько дней назад встречали в аэропорту кинооператора Денинса Пью.

Шернер и Мари сели в машину, и она сорвалась с места.

Машина остановилась в узком грязном переулке, затерявшемся где-то на задворках Тегерана.

Мари ввели в лавку ковров.

— Садитесь, — сказал Шернер, снял телефонную трубку и набрал номер.

— Да, — раздался голос Андре. — Вам кого?

— Вас, — сказал Шернер. — Немедленно приезжайте. Адрес: Бархай, 7. Мадам Луни у нас.

Андре неподвижно стоял с трубкой в руке и смотрел на Костя. На лбу его выступил холодный пот.

— Что случилось?

Андре не ответил.

— Вы поняли, что я сказал? — спросил голос Шернера.

Пытаясь выиграть время, Андре медленно проговорил:

— Я не верю, что она у вас.

— Хорошо. — Шернер протянул трубку Мари. — Скажите ему что-нибудь.

Мари схватила трубку.

— Андре, они хотят меня убить. Я не знаю, за что, но они хотят меня убить.

— Чепуха, — как можно веселее сказал он. — Они пугают.

— Андре, я хотела сказать, что люблю тебя... Ты слышишь?

— Да, да... у меня тоже нет на свете никого ближе тебя. Мы скоро уедем отсюда... уедем...

— Если я умру... у меня осталась дочка во Франции в пансионе Жерар. Запомни: пансион Жерар. Ты слышишь? Ее зовут Натали.

— Да, я слышу. Где ты находишься?

— Не знаю.

И все смолкло.

— Ну? — снова донесся хриплый голос.

— Послушайте, — сказал Андре, стараясь сообразить, что предпринять. — Я вам хорошо заплачу.

— Нам нужны не деньги, нам нужен ты. Через сколько времени ты можешь быть у нас — улица Бархай, 7? Только без глупостей.

— Через час.

— Нет. Это поздно.

— Я не успею доехать.

— Попытайся.

Раздались частые гудки, и Андре повесил трубку. Рядом стоял Костя. Он слышал весь разговор, каждое слово.

— Бархай, 7 — я правильно расслышал?

— Да, — буркнул Андре.

Когда хлопнула дверь, он очнулся и бросился из холла гостиницы.

— Стой! — крикнул он.

Но Кости в коридоре уже не было.

Андре взглянул на часы. Времени у него не было. Через двадцать минут он должен был быть на чердаке возле менятьной лавки.

Было 30 ноября. День догорал.

Андре сидел у маленького грязного окошка. Отсюда, с чердака, хорошо просматривалась весь дворик менятьной лавки и темная пустынная улица.

Старик Юзбashi и Голам-Реза возились во дворе. Они достали припрятанные заранее вещи — фонарь, спички, три свечи, веревку, нож, короткий ломик — и стали ждать.

Ничто не нарушало вечерней пустоты улицы. Только хромая собачка бежала куда-то, понуро свесив голову. Но пустота эта была обманчива. Десятки глаз из темноты окон и подъездов неотрывно наблюдали за каждым камешком, за каждым бугорком.

Внезапно на улице появился черный «Мерседес». Он ворвался на большой скорости против движения, резко затормозил и замер поблизости от люка. Дверца тотчас отворилась, из машины вышла женщина и, не задерживаясь, ушла вверх по улице. Только стук каблуков гулко отдавался в тишине.

Из-за поворота появился прохожий. Он быстро шел по тротуару; поравнявшись с калиткой, резко толкнул ее и вошел во двор. Увидев перед собой незнакомого человека, отец и сын растерялись.

— Макс не придет, — сказал незнакомец. — Я буду действовать вместо него.

— Мы не знаем никого Макса, — сказал Юзбashi.

— Не валяйте дурака. — Незнакомец терял терпение, он повернулся к Голам-Резе. — Бери фонарь и полезай в люк.

— Зачем? Я не полезу, — запротестовал Голам-Реза.

— Не валяй дурака, — повторил незнакомец. — Повеси фонарь там, где надо, и вернешься назад.

Незнакомец явно показал осведомленность, и старик кивнул сыну. Голам-Реза скрылся под землей. Юзбashi и незнакомец закурили.

С них не спускали глаз с чердака. Из подъезда соседнего дома. Из темного окошка подвала.

Вскоре Голам-Реза вылез из люка. Он был насквозь мокрый и без фонаря.

— Все в порядке? — спросил незнакомец. Тот кивнул. Незнакомец взглянул на часы и сказал:

— Я полез, — и, прихватив подготовленные «канатчиками» вещички, спустился в люк.

Андре нажал кнопку телефонного аппарата и, прикрывая ладонью трубку, сказал:

— Внимание. Незнакомый человек спустился под землю.

Он положил трубку и в этот же момент увидел похоронного агента.

Тот шел спокойно, словно прогуливаясь перед сном. На нем было длинное пальто с поднятым воротником и шляпа, надвинутая на глаза. В руках он держал длинный металлический предмет, спрятанный в резиновый мешок. Войдя во двор менятьной лавки, Макс коротким взглядом окунул темные окна, поманил «канатчиков» и что-то шепнул им. Очевидно, это были последние распоряжения. Затем, не снимая пальто и шляпы, погрузился в люк. И снова сердце Андре скакало от недоброго предчувствия. Что-то неестественное было в действиях Макса. Но что именно? И вдруг он понял: пальто. У него даже вырвался шепот:

— Почему он не снял пальто?

Ведь ему было неловко в пальто, и все же он его не снял. Объяснить это волнением, забывчивостью или ошибкой было невозможно. Этот человек ничего не забывал, не делал ошибок и не умел волноваться. Андре снял трубку и сказал:

— Будьте внимательны. Он спустился в люк. Под землей — двое.

Потянулись томительные минуты ожидания.

День рождения Черчилля был в полном разгаре. Гости веселились, обменивались тостами, остирили. Ничто не предвещало опасности.

Переулок был узким и грязным. Старые, покосившиеся лавки с черными провалами окон обступили Костя со всех сторон. Только в одном доме горел тусклый свет — в доме № 7 по улице Бархай. Это была лавка ковров. Однако Костя даже не взглянул на нее. Внимание его было привлечено совсем другим домом — напротив. Там за темными стеклами кто-то прятался, наблюдал за улицей. Бесшумно перескочив через забор, Костя прокралился во дворик и прислушался. Из дома доносился странный звук — казалось, кто-то плачет.

Скользнув в окно, он замер, выжиная, пока глаза привыкнут к темноте. Вскоре через открытую в соседнюю комнату дверь он увидел женщину, сидящую на стуле. Больше в комнате никого не было. Неслышно подойдя сзади, Костя неуловимым движением зажал ей рот и сказал:

— Мари. Извините. Я от Андре. Сейчас я отпущу вас. Прошу, ни звука. Немедленно бегите. В соседней комнате открыто окно.

Он не успел договорить. Два выстрела раздались в темноте, и где-то потекла вода.

— Быстро, — крикнул Костя, стреляя в глубину коридора.

Мари кинулась к окну и стала выбираться во двор. Костя захлопнул дверь и сел на пол в темном углу, выставив вперед левую руку с пистолетом. Правый рука его набух кровью. Наступила мертвая тишина. Где-то на улице залаяли собаки. Костя стрелял. Оба незнакомца упали. Один — посреди комнаты, другой повис на окне. И сразу же из коридора стала бить автоматная очередь, пересекая комнату в разных направлениях.

Сколько прошло времени, никто не знал. Была ночь, и только тусклый фонарь освещал грязную улицу у менятьной лавки. У Андре болели глаза. Он не отрываясь смотрел на люк посреди мостовой. Наконец крышка люка отодвинулась, человек в пальто и шляпе, выбравшись на мостовую, метнулся к машине. Навстречу ему бросились сотрудники безопасности.

— Стой! Руки вверх! — приказал Андре.

Макс с готовностью поднял руки и повернулся к Андре. У того перехватило дыхание. Перед ним был совершенно незнакомый человек. Просто он был в пальто и шляпе Макса. Растряпное лицо промокшего до нитки человека было мертвенно бледным, глаза блуждали.

— Кто вы? Что все это значит? — спросил он испуганным голосом.

— А вы? — в свою очередь спросил Андре. — Что делали вы под землей?

— Он нанял меня, чтобы отвести воду. Он мне заплатил.

— Увести, — приказал Андре.

А Макс тем временем полз на животе по тайному лазу, расширенному накануне ночью на случай провала. Очутившись наконец в узкой щели между забором и стеной мечети, он неслышно, словно летучая мышь, скользнул в темноту.

Гости покинули Английское посольство в два часа после полуночи, и только тогда Андре наконец ощутил усталость. Она навалилась на него непосильной тяжестью как-то сразу, вдруг. Ноги подкосились, он опустился на край тротуара и долго сидел, закрыв глаза, около деревянного перехода, соединившего посольства. Он не слышал, как к нему кто-то подошел.

— Я за тобой, — сказал Ермолин, тронув его за плечо.

Машина мчалась по спящему Тегерану. Визжали на поворотах тормоза. Людей кидало из стороны в сторону.

Бархай, 7 — это лавка ковров. Дверь оказалась не запертой, они вошли. Хозяин лавки был прикручен веревками к стулу, глаза вытащены, во рту кляп.

Ермолин вытащил кляп, спросил:

— Где?

— Там, — сказал хозяин, вздрагивая от слез.

Костю несли на носилках. Он был накрыт пестрым персидским одеялом. Андре и Ермолин молча вернулись к машине. Сели. Закурили.

— Знаешь, что сказал Черчилль, когда гости расходились? — спросил Ермолин и, не дожидаясь ответа, добавил: — Он сказал: «Этот день рождения был для меня действительно счастливым днем».

Той же ночью в городе, спустя сутки после своего исчезновения, всплыл на поверхность Макс. Из всех своих явок он выбрал старое мусульманское кладбище. Проникнув на кладбище, Макс долго не шевелясь лежал в бурьяне. Внезапно он увидел, как из хибары сторожа вышли Шернер и мула. Шернер был в лохмотьях. Они шли между могилами, приближаясь к Максу. В нескольких шагах остановились.

— Спрячь это и храни, — шепнул Шернер.

Макс увидел, как он передал муле несколько блестящих предметов. Тот бросил их в свежую, недавно вырытую могилу и столкнул ногой кучку земли. Комья падали вниз с металлическим звоном.

— Ночевать буду в городе, утром заберу, — сказал Шернер.

Он исчез бесшумно, как водяной паук. Следом за ним вдоль кладбищенской ограды метнулась чья-то тень. Она скользнула так неслышно и мгновенно, что мула лишь покосился тревожно и, ничего не обнаружив, побрел к сторожке.

Между тем на площади Туп-Хане, где на каменных плитах, нагретых за день, вполовину спали бездомные, появился человек в лохмотьях. Переступая через спящих, он нашел свободное место и лег. Это был Шернер.

С осторожностью зверя Макс долго лежал не шевелясь. Он терпеливо вслушивался в кладбищенскую тишину.

Наконец решившись, он ползком добрался до вырытой могилы, сполз в нее и распластался на дне. Затем нащупал блестящий предмет. Это была коробка пленки. Он сунул ее за пазуху, затем вторую, третью... Потом выбрался из могилы и ползком, словно ящерица, ушел в темноту.

Уже перед рассветом на площади Туп-Хане появился еще один бездомный. Он долго бродил, переступая через спящих, пока наконец не обнаружил Шернера. Он лег рядом и притих. Это был кладбищенский сторож — горбун. Каменные плиты под утро совсем остывли, стало зябко. Чтобы унять дрожь, Шернер перевернулся на другой бок и прижался к человеку, лежащему рядом. В следующее мгновение он проснулся, как собака, вдруг, словно от толчка. Он увидел глаза горбuna. Они были очень близко, смотрели на него не мигая. Чуть покосившись, Шернер увидел черную дыру пистолета. Она маячила в двух вершиках от его виска.

— Сейчас ты встанешь и пойдешь со мной, — шепнул горбун. — Я буду идти за тобой, и если услышу хоть одно слово...

Он не договорил и не успел нажать на спуск. Нож вошел в его сердце, рука Шернера в ту же секунду зажала ему рот. А когда тело горбuna обмякло, Шернер поднялся из гущи тел и бесшумно исчез в предрассветной тишине тегеранских закоулков.

Наступил четверг, 2 декабря. В этот день «Большая Тройка» покидала Тегеран, и журналисты были приглашены вновь. Как и в прошлый раз, после тщательной проверки они проследовали к автобусу.

— О господи! — Внезапно «Деннис Пью» остановился. — Что же это?

Он нажимал на пусковой рычажок, но камера не работала. Его сразу же обступили другие операторы. Каждый что-то советовал, и камера переходила из рук в руки.

— Проверял. Все было в полном порядке. Наверное, что-то произошло во время осмотра.

Полковник поглядывал на часы.

— Я так ждал этого дня, — продолжал «Деннис Пью». — Я знал, что такое событие случается, может быть, один раз.

Кто-то предложил:

— Может быть, заехать в какую-нибудь мастерскую?
— Боже мой, конечно! — «Деннис Пью» уцепился за эту мысль как утопающий за соломинку. — Здесь есть один человек, один на весь город...

— Нет, — отрезал полковник.

Машина тронулась.

Побежали навстречу улицы Тегерана. В автобусе царило тягостное молчание. «Деннис Пью» сидел неподвижно, точно изваяние. Лишь плечи его мелко и часто вздрагивали.

— Ладно, — вдруг сказал полковник, — даю на это десять минут, не больше.

Мустафа работал, как артист, — ловко, весело, что-то напевая. Поломка была устранена за две минуты. Оказалось, что это и в самом деле сущий пустяк. Теперь оставалось камеру перезарядить. Он проделал это в черном мешке с рукавами, в каких обычно и перезаряжают ручные камеры.

Офицеры службы безопасности не спускали с него глаз.

— Платить не надо, — сказал он. — Зажигалку на память.

У ворот посольства «Деннис Пью» остановил советский офицер. Он извинился и попросил разрешения осмотреть камеры. Разговор шел на английском. «Деннис Пью» только пожал плечами в ответ. Офицер явно был знаком со съемочной техникой, вынул и вновь поставил на место объективы. А когда его рука коснулась крышки камеры, «Деннис Пью» не выдержал:

— Осторожно, — вырвалось у него, — вы засветите пленку.

Офицер укоризненно улыбнулся.

— Не тревожьтесь. У нас есть для этого специальное помещение.

Упали черные шторы на окнах, и небольшое помещение, куда они вошли, погрузилось в темноту.

— Откройте, пожалуйста, крышку.

«Деннис Пью» даже не шевельнулся в ответ.

— Откройте, — повторили рядом.

Пальцы нащупали задвижку, крышка откинулась, ладонь стиснула рукоятку браунинга. Сначала он выстрелил на голос, потом еще.

Наступила тишина. Ему не отвечали.

Потом темноту вдруг пронзил ослепительный свет — это распахнулась дверь. В белом проеме появилась на мгновение спина «Денниса Пью», и сразу, почти одновременно, грянули три выстрела. «Деннис Пью» качнулся, замер на секунду и рухнул замертво на ступени лестницы.

Уже весь город знал о проводах «Большой Тройки», и толпы любопытных заполнили улицы, ведущие к Советскому и Английскому посольствам. По узкому коридору в толпе проследовала кавалькада машин. Это уезжал Рузвельт.

Потом еще одна кавалькада. Черчилль.

И, наконец, третья — Сталин.

Макс попытился и растворился в тысячной толпе.

Смешался с толпой и Шернер, и никому не известно, где он скрывался три с половиной десятилетия.

Андре до изнеможения бродил по городу, но надежда обнаружить хоть какой-нибудь след Мари с каждой минутой становилась все слабее.

Конференция закончилась. Впереди были долгие месяцы тяжелейшей из войн. О них, от тегеранской встречи до Победы, напомнят выцветшие документы кинохроники. Это будет рассказ о мужестве и пролитой крови, о жизни и смерти, о братстве по оружию. А над всем этим прозвучат слова Тегеранской декларации:

«Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение

последних четырех дней в столице нашего союзника Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

...Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

...Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Рузвельт.

Сталин.

Черчилль.

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года».

В те суровые годы весь мир с надеждой ждал встречи «Большой Тройки». От нее во многом зависели тогда судьбы человечества, его завтрашний день, жизнь еще не родившихся поколений. Но человек смертен, и сегодня никого из них нет уже в живых. Рузвельта не стало в апреле 1945 года. Он не дожил до Победы. Сталин умер спустя почти восемь лет, в марте 1953 года. Черчилль, переживший Рузвельта и Сталина, скончался через двадцать лет после окончания войны, в возрасте девяноста лет. Все они умерли своей смертью. Однако история, о которой было рассказано, не кончилась и сегодня.

1978 год. Париж.

Мсье Легрэн сидел в кресле и смотрел на экран своего телевизора. Телефон стоял у его ног на полу. Когда раздался звонок, Легрэн не снял, а схватил трубку.

— Да, это я, — сказал он и, помолчав, добавил: — Да, это правда. Я с нетерпением жду вашего звонка.

Разговор был негромким и кратким.

— Нам необходимо встретиться, — сказал Макс. — Захватите с собой рукопись.

— Хорошо, я готов выехать теперь же. Назовите адрес.

— Отель «Парадиз». Двадцать километров от Парижа.

— Хорошо, я знаю.

Отель «Парадиз», похожий на игрушечный замок, возник неожиданно, за поворотом — трехэтажное здание с множеством башенок и островерхих крыш под черепицей. Рядом, на безлюдном пустыре, громоздились аттракционы «Луна-парка». Сейчас, в это время года, здесь царила заброшенность. Машина резко затормозила и остановилась у входа в гостиницу. Легрэн поднялся на второй этаж и постучал.

Макс сидел в кресле, не сняв перчаток и плаща. Легрэн вошел, плотно прикрыл за собой дверь.

— Итак, все похищено? — спросил Макс не здороваясь.

— Да, — кивнул Легрэн, — осталась рукопись. Как вы просили, я оставил у себя оригинал. В банке была копия. Я привез ее.

Он поставил маленький черный чемоданчик на пол у журнального столика.

— Он надеется перехитрить меня. — Макс хмыкнул. — Интересно, как он теперь выглядит. Мы ведь уже старики. Я видел его в последних известиях по телевидению. Но там был общий план, на аэродроме.

Тем временем между аттракционами «Луна-парка» быстро прошли несколько человек. Это произошло в считанные секунды, и снова воцарилась тишина. Но длилась она недолго. Подъехала машина. Шернер и Франсуаз с двумя телохранителями вошли в отель.

Легрэн и Макс, закончив разговор, спускались по лестнице, в зале рестораничка уже было несколько человек.

— Ну, вот мы и встретились, — сказал человек у стойки.

Макс мгновенно узнал его. Он почти не изменился, только похудел и, казалось, стал меньше ростом. Это был Шернер.

Макс взглянул на него, на Франсуаз, на древнюю старуху со слезящимися глазами, стоявшую за стойкой, и все понял...

— Сколько лет прошло, — вздохнул он.

— Что ты будешь пить? — спросил Шернер.

— Пиво. — Макс оглянулся. На верхней площадке стояли еще двое.

— Извини, — сказал Шернер и кивнул.

Двое мужчин приблизились к Максу. Он покорно поднял руки, позволяя себя обыскать. Добыча была немалой — два пистолета.

— Извини, у нас очень мало времени, — произнес Шернер и вышел из отеля.

Макса вывели следом. Он шел не спеша и тянул пиво из высокой тонкой кружки. Двое остались в зале.

— Вы можете подняться в номер, подождать, — сказал один из них Легрэн.

Легрэн поблагодарил и пошел вверх по скрипучей деревянной лестнице.

Несколько шагов Макс и Шернер сделали в молчании. За ними, чуть сзади и по обе стороны, неотступно следовали люди Шернера. Щелкнула зажигалка. Огонек осветил морщинистое лицо. Они остановились у карусели. На поворотном кругу застыли в беге кони, слоны и жирафы.

— Как ты жил эти годы?

— В двух словах не расскажешь, целая вечность прошла.

Макс усмехнулся.

— А я не спешу.

— Как жил? — пожал плечами Шернер. — Таился. Сначала на Востоке. Потом в Южной Америке. Жил скитно, в достатке. Но это была жизнь дождевого червя. А потом меня позвали. Наши люди нашли и позвали. И я понял тогда, что в сорок пятом мы были разгромлены, но искры не погасли и разгораются вновь. Я возвратился в строй.

— Я не изменял своему делу. — Макс затягивался редкими короткими затяжками. — На убийство, особенно политическое, всегда был спрос, а в последние годы оно так вошло в моду, что от многих предложений приходилось отказываться. Не хватало времени. Ну а потом ко мне перестали обращаться. Кому нужен какой-то старик, когда полно молодых? Одним словом, все кончилось. Осталась пустота.

— Помнишь, я предлагал тебе идти к нам? Но ты ответил: «Я профессионал, я служу тому, кто платит». В этом была твоя ошибка. Человеку нужна вера. Без веры нельзя.

— Отпусти меня, — внезапно попросил Макс.

— Не могу, — сказал Шернер.

— Я столько раз видел смерть, я ее не боюсь. Но всю жизнь мне мерещилось, что я умру в своей постели. Это стало моей мечтой...

— Вот это совпадение. Я тоже много раз об этом думал, — сказал Шернер и неожиданно добавил: — Хочу спросить тебя, из простого любопытства, что это за документ, подписанный фюрером, продавали на аукционе в Лондоне? Был только один документ, я скжег его собственными руками в конце войны.

— Ты скжег копию, — сказал Макс, — а подлинник у меня, точнее — у моего адвоката. Я скопировал его той ночью, когда ты пришел ко мне в первый раз. Потом твои люди ограбили банк, но и там была копия...

— И ты еще просяишь, чтобы я тебя отпустил?

Макс молчал.

— Да ты и так протянул на тридцать пять лет дольше, чем заслужил.

Макс печально улыбнулся.

— Слушай, а ты когда-нибудь катался на такой штуковине?

— В детстве, мне было лет пять или еще меньше, — ответил Шернер.

— А я в детстве не катался. Не случалось. А позже — в голову не приходило. Может, попробуем? Когда еще такой случай подвернется.

Шернер засмеялся.

— Чепуха.

— И я бы заодно прокатился, — хмыкнул Макс.
Теперь они смеялись оба.

— Эй! — подозвал Шернер одного из своих людей. — Скажи, чтобы включили.

Он подмигнул Максу и, кряхтя, стал взбираться на коня. Макс тоже полез — на слоненка.

Карусель дрогнула и поплыла. Круг за кругом, круг за кругом... Они радовались, как дети.

Легрэн услышал выстрел, встал из-за стола и задвинул черный чемодан под кровать.

Дверь в номер открылась. На пороге появился Шернер. За ним вошли двое молодых людей и Франсуаз. Они сели в кресла, закурили.

— Где Макс? — спросил Легрэн.

— Он покончил жизнь самоубийством.

— Ясно, — сказал Легрэн и стал смотреть в окно.

— У меня к вам две маленькие просьбы: Первая: рукопись... — Шернер говорил мягко, почти дружески.

Легрэн секунду колебался, затем кивнул в сторону кровати. Один из охранников вытащил чемодан, передал его Шернеру.

— И вторая, — сказал Шернер, — забудьте об этой истории.

— Хорошо. У меня слишком много дел. Забыть нетрудно.

— И мой вам совет: избегайте подобных дел.

— Этого не могу обещать, — сухо сказал Легрэн, — я профессионал. — Затем он глянул на Франсуаз и усмехнулся. — Мои соболезнования мадам.

— Это вы мне? — Франсуаз передернуло.

— Вам, вам. Вы ведь что-то вроде его вдовы.

Когда Легрэн, усталый и разбитый, вошел в свою парижскую контору, его ждала встревоженная мадемуазель Эраль:

— У вас посетитель.

— Сегодня я никого не принимаю.

— Он иностранец, месье. Он прилетел издалека.

Андрей Ильич поднялся ему навстречу.

— Я по поводу этой книги, — сказал он. — Я хотел бы выяснить некоторые подробности.

— Никакой рукописи больше не существует.

— Не мог бы я встретиться с автором?

— Его тоже нет. Он умер.

— Его убили?

— Он умер, — повторил Легрэн.

— А киноматериалы? Я видел их в Лондоне.

— Их тоже нет, — сказал Легрэн, — негатив уничтожен.

— Ну что ж, — сказал Андрей Ильич, — остается память?

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Просто память. Человеческую память. Она, пожалуй, надежнее всего. Прощайте.

Андрей Ильич вышел на улицу. С неба капал мелкий дождь, сверкающие разноцветные зонтики раскачивались и плавали над толпой. Над Парижем сгущались сумерки. В вышине гудели колокола. Андрей Ильич смотрел, как редкие прихожане тянулись к православной церкви. Шли в одиночку и парами. Больше старички и старушки. Встречаясь, они церемонно раскланивались, обменивались ничего не значащими фразами, степенно поднимались по ступеням. Это зрелище размежеванной российской старины в самом центре клокочущего Парижа казалось неправдоподобным и печальным.

Андрей Ильич вошел в церковь, прохладная сырость обступила его со всех сторон. Он двинулся вдоль стены к алтарю, стараясь рассмотреть молящихся. Когда глаза его привыкли к полутьме, он почти сразу заметил худую женскую фигуру, стоящую к нему спиной. Он приблизился, зашел сбоку, заглянул в лицо — перед ним была Мари. Она молилась. Андрей Ильич долго смотрел на нее, не решаясь заговорить. Наконец, словно почувствовав его взгляд, она обернулась.

— Боже мой, — сказала она, и губы ее задрожали.

— Здравствуй, Мари.

— Боже мой, — повторила она, — неужели это правда?

— Правда, — сказал Андрей Ильич. — Правда, мы не виделись целую вечность.

— Только что..., только сейчас я молилась... — сказала Мари, — я молилась, чтобы господь перед смертью дал мне возможность увидеть тебя.

— Это не он, — Андрей Ильич засмеялся, — это опять мой старый приятель «случай». Пойдем.

Когда они вышли из церкви, свет уличного фонаря осветил их. Андрей Ильич взглянул на Мари, и сердце его сжалось от сострадания. Перед ним была старуха. Все это время, вопреки здравому смыслу и логике, он представлял себе ее такой, какой она была в те далекие годы. И сейчас, встретив ее вновь, он вдруг отчетливо осознал, что от того момента, когда он видел ее в последний раз, их отделяет целая жизнь.

Словно угадав его мысли, Мари внезапно отвернулась.

— Не смотри на меня, — сказала она.

— Мари, послушай. Тогда в Иране я не успел тебе сказать кое-что... Я это делаю сейчас. Я люблю тебя.

Она повернулась и внимательным долгим взглядом посмотрела ему в глаза. Затем тихо сказала:

— Всему свое время, всему свое время под небом. Время рождается и время умирает...

— Я люблю тебя.

— Ты любил меня, и я любила тебя. Но это было давно, — тихо сказала Мари.

Официант подал кофе, орешки и маленькие рюмочки коньяку. Они сидели на плетеных скрипучих стульчиках в уличном кафе, под хлопающим от ветра полосатым тентом.

— Это несправедливо, — сказала Мари и, помолчав, добавила: — Проклятое время. Неужели больше ничего не будет? Неужели все кончилось? Все ушло?

— Нет, — сказал Андрей Ильич. — Все осталось. Прошлое не умерло. Оно так же реально, как то, что совершается в данное мгновение. Оно живет в нас. Главное — нельзя забывать. Главное — память.

— Да, да, — внезапно она согласно закивала головой. — Я помню собаку... Маленькую облезлую собачонку, которую я кормила в подворотне... Она реальнее, чем эта рюмка коньяку. Да, да, конечно, память и еще дети — вот что способно победить время...

— А я помню пятна. Желтые пятна от фонаря на потолке. Потом я открыл дверь и увидел тебя. Ты шла на цыпочках и держала сверток.

— Я ужасно боялась тогда. Я всегда боялась темноты, — Мари засмеялась, — и сейчас боюсь темноты.

— А еще я помню мокрый красный лист, прилипший к зонту того старика, который так и не стал молиться под дождем.

Мари улыбнулась, но ничего не сказала.

— За тебя, — сказал Андрей Ильич и поднял рюмку.

— Господи! — Мари словно проснулась. — Да что мы здесь сидим, а? Едем ко мне. Немедленно. Сейчас я позвоню дочери, предупрежу, жди меня здесь.

Мари встала из-за стола и пошла к телефонной будке. Андрей Ильич видел, как она что-то оживленно говорила в трубку, радостно махая ей рукой. Он улыбнулся и выпил рюмку до конца.

В то же мгновение тупорылый грузовик, стоявший неподалеку у тротуара, сорвался с места, на бешено скорости помчался по пе-реулку. Затем внезапно свернул в сторону, налетел на телефонную будку, раздавил ее, протащил за собой, отбросил и, не сбавляя скользкости, исчез.

Толпа кинулась к месту происшествия. Андрей Ильич видел только спины и затылки людей, сгрудившихся возле раздавленной будки. Он медленно встал из-за стола, лицо его покрывала смертельная бледность... Толпа шумела, колыхалась. Вскоре с ревом подлетела «скорая помощь», а затем полиция...

Андрей Ильич медленно отодвинул плетеный скрипучий стульчик и направился к выходу.

— Прошу прощения, месье, — сказал официант, — с вас шестьдесят франков.

Газеты лежали перед ним на журнальном столике — кипа перепутанных, неразобранных газет. Они пестрели сообщениями из разных уголков мира. Бурные события последних дней, принесшие людям столько горя, разочарования, смертей, богатства, радости, уместились рядом на нескольких облезлых фотографиях. Здесь было все: прибытие черного премьера, убийство на Лионском вокзале, чемпионат мира по шахматам, пожар в метро, падение правительства, наводнение в Индии, свадьба дочери миллиардера и, наконец, несчастный случай на одной из парижских улиц.

Он не мог оторвать глаз от маленькой нечеткой фотографии в самом конце газетного листа, на которой виднелись лишь спины людей да торчащий из-за них остов покореженной телефонной будки. Внезапно раздался стук в дверь. Андрей Ильич поднял голову.

— Войдите.

На пороге стояла Натали.

— Я ее дочь. Меня зовут Натали.

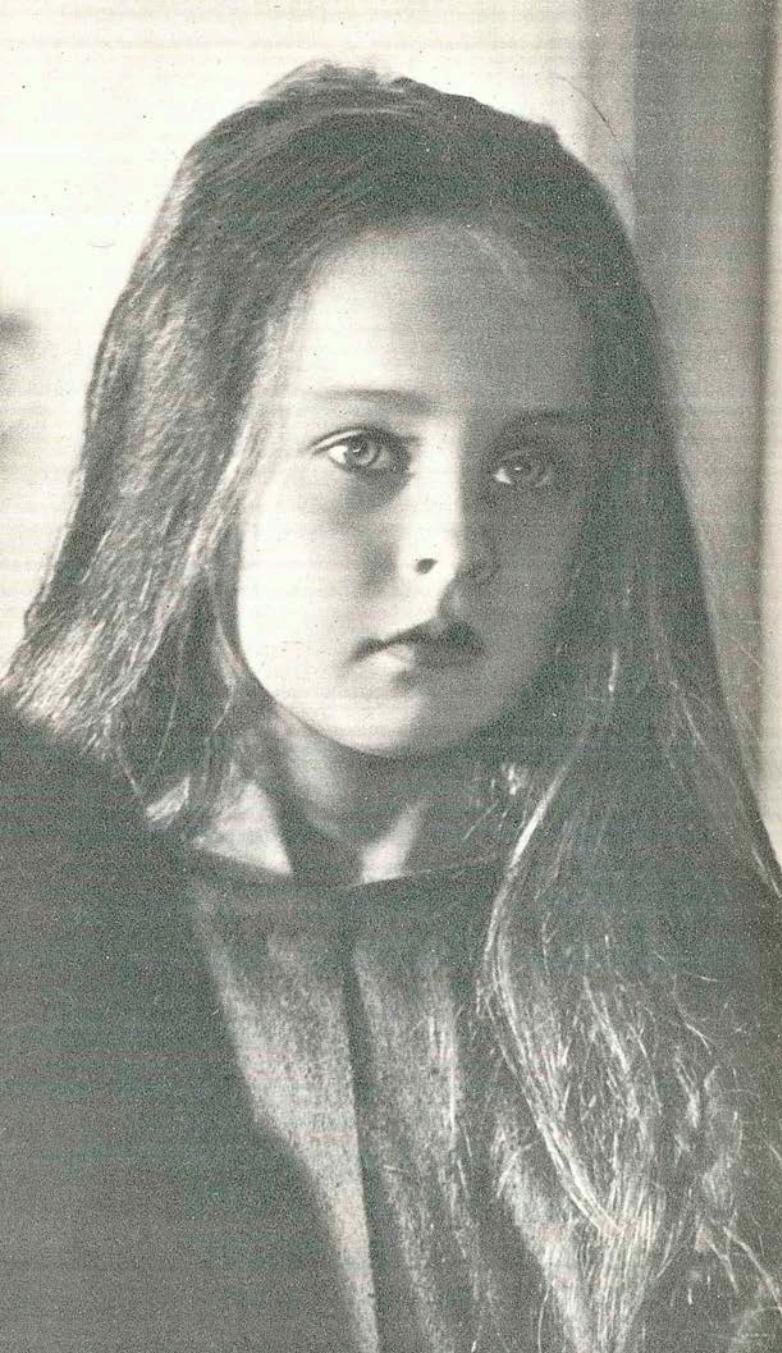
— Да-да, я вас узнал.

Наступила томительная пауза. Они молча смотрели друг на друга.

— Можно, я сяду?

— Конечно, конечно. Простите, я не предложил вам...
Она села на диван.

— Вы все знаете? — осторожно спросила она.
— Да-да, я видел это сам, собственными глазами...
— Это несчастный случай?
— Нет, это убийство.
— Я так и знала, так и знала... — Натали всхлипнула. — Как это случилось?

— Знаете, она была в телефонной будке... И в это время грузовик, такой зеленый грузовик... — Он замолчал, и несколько минут они сидели в тишине.

— Извините, что я пришла к вам.
— Я очень рад. Ты даже не знаешь, как я рад, что ты пришла.

— Мать много рассказывала о вас. Она повторяла эти рассказы десятки раз. Я знаю их наизусть со всеми подробностями. Каждый камень на мостовой, каждый звук, каждое движение... Последние дни она все время вспоминала историю с дельфином, когда вы купались в море и не заметили, как началась гроза. И как появились дельфины.

— Дельфины?

— Да, и один — белого цвета.

— Но мы никогда не были на море.

— Не были?

Натали отвела глаза. Она неподвижно сидела на диване, глядя в окно.

— Боже мой, так, значит, она это выдумала? — сказала Натали и, помолчав, тихо добавила: — Выдумала... Да, да, мне самой иногда казалось, что она просто выдумывает все эти истории... или видит их во сне...

— Натали, — неожиданно сказал Андрей Ильич, — это я виноват в ее смерти.

— Не говорите так.

— Я мог спасти ее. Мог, но не сумел. Я опоздал, Натали. Наступила долгая тишина.

Андрей Ильич ехал в ее машине. Потом они долго стояли у тротуара, не двигаясь с места и не произнося ни слова. Затем просто сидели рядом и молчали. Наконец Натали включила зажигание, машина оторвалась от тротуара и влилась в автомобильный поток.

Ехали долго, но ни он, ни она не произносили ни слова. Так добрались до Сен-Женевьев-дю-Буа. Здесь было русское кладбище. Оставив машину на стоянке, Андрей Ильич и Натали пошли к воротам. Мимо прошла тихая процесия. За гробом плелись три старушки, старик, священник, они направились к часовне. Натали перекрестилась.

Долго стояли двое над могилой, у бугорка земли и деревянной таблички с надписью: «Мари Луни, урожденная Мария Андреевна Луннина».

И снова потянулось молчание. Они не сказали друг другу ни слова.

Внезапно Натали прижалась к нему и заплакала. Он гладил ее голову и говорил: «Успокойся, успокойся».

Из часовни слышался хор. Кого-то отпевали.

Самолет плыл в облаках. Облака были и сверху и снизу. Облака были со всех сторон.

Андрей Ильич сидел в кресле, глядя в маленькое круглое оконечко. Облака, меняя форму и оттенок, сливались, поглощали друг друга, текли бесконечными свинцовыми потоками. Он закурил. Перед его глазами возникло старое, раскаленное полуденным солнцем тегеранское кладбище, невнятные слова чужой молитвы и Мари, ее тонкая темная фигурка, расплывающаяся в потоках знойного воздуха. Он думал о ее жизни и смерти, о ее одиночестве и о ее любви. Он думал о неотвратимой таинственной силе, которую мы называем Судьбой. Он думал о себе, о своей жизни. О страшной тяжести, лежащей в его душе, от которой не освободиться никогда, до самой смерти. И вдруг он словно почувствовал, что сейчас произойдет нечто значительное в его жизни, что-то такое, что освободит его от горя и страданий.

Словно живительные токи коснулись его души. Обернувшись, он увидел девочку, маленькую девочку лет шести-семи. Она стояла в проходе между рядами кресел и смотрела на него. Смотрела и улыбалась. И больше ничего. Просто улыбалась радостной детской улыбкой. Андрей Ильич улыбнулся ей и подмигнул.

Самолет снижался, под крылом плыла земля. В Подмосковье уже выпал снег, и вокруг, куда ни посмотришь, было белым-белом...

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Тегеран-43», 2 серии, 1980 г. Авторы сценария А. Алов, В. Наумов, М. Шатров. Режиссеры-постановщики А. Алов, В. Наумов. Оператор-постановщик В. Железняков. Художники-постановщики Е. Черняев, В. Кирс. Композиторы Ж. Гарварен, М. Вайнберг. Автор текста песни и исполнитель Ш. Азnavур. Производство «Мосфильм», «Про-Дис-Фильм-АГ» (Швейцария), «Медитеран-Синема» (Франция).

В ролях: Игорь Костолевский (Андрей Ильич, он же Андре), Наталья Белохвостикова (Мари и Натали), Ален Делон (Фош), Курт Юргенс (Легрэн), Армен Джигарханян (Макс Ришар), Альберт Флизов (Шернер), Николай Гринько (Ермолин), Жорж Жере (Дэн尼斯 Пью), Клод Жад (Франсуаз), Глеб Стриженов (Симон) и др.

Алов А. и др.

A 51 Тегеран-43: Лит. сценарий / А. Алов, В. Наумов, М. Шатров. — М.: Искусство, 1986. — 135 с.: ил. — (Б-ка кинодраматургии).

Сценарий А. Арова, В. Наумова, М. Шатрова повествует о том, как советская контрразведка предотвратила тщательно подготовленное и законспирированное фашистскими секретными службами покушение на главу правительства антигитлеровской коалиции. Нити этого преступления ведут в страны современного Запада, где процветает терроризм, поощряемый самыми реакционными империалистическими кругами. В центре повествования — советский разведчик по кличке Андре и молодая француженка Мари Луни, ставшая жертвой злодеяния террористической мафии.

A 4702010200-030
025[01]-86 29-86

ББК 85.374

Шатров Михаил Филиппович.
Родился 3 апреля 1932 г.
в Москве. Автор сценариев
фильмов «Именем революции» [1963], «Шестое июля» [1968], «Моя любовь на 3-м курсе» [1976], «Доверие» [1976], «Тегеран-43» [1980],
«Две строчки мелким шрифтом» [1981] и др.
Лауреат Государственной
премии СССР.

**Алов Александр Александрович
Наумов Владимир Наумович
Шатров Михаил Филиппович**

«ТЕГЕРАН-43»

Редакторы Д. С. Шацкилло, Т. Е. Борисова. Художник Г. К. Александров. Художник-фотограф В. П. Серов. Художественный редактор И. С. Жихарев. Технический редактор Н. Г. Карпушкина. Корректор М. Е. Лайко.

И.Б. № 2511

Сдано в набор 03.07.85. Подписано в печать 21.01.86. А06110. Формат издания 84×100/32. Бумага тифлоручная. Гарнитура журнальная рубленая. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,63. Усл. кр.-отт. 13,76. Уч.-изд. л. 9,442. Изд. № 15589. Тираж 30 000. Заказ 2197. Цена 70 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024 г. Калинин, пр. Ленина, 5.